

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
«ЛУГАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»)

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК

КАФЕДРА ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК И РЕГИОНАЛИСТИКИ

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ В ГОСУДАРСТВАХ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО
ТРАНЗИТА**

**Материалы
Открытой заочной интернет-конференции**

(Луганск, 18 марта 2021 г.)

Луганск, 2021

УДК 323-043.86:321.7 (06)

ББК 66.3(0), 1я43

А 43

Рецензенты:

- Яковенко А.В.** – заведующий кафедрой социологии и социальных технологий ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», доктор социологических наук, профессор
- Атоян А.И.** – профессор кафедры психологии и конфликтологии ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», доктор философских наук, профессор
- Анпилогова Т.Ю.** – и.о. заведующего кафедрой истории Отечества ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», кандидат исторических наук, доцент

А 43 **Актуальные проблемы политического развития в государствах демократического транзита :** материалы Открытой заочной интернет-конференции. – Луганск, 18 марта 2021 года / под ред. О.Г. Михайловской. – Луганск, 2021. – 192 с.

Настоящий сборник содержит оригинальные материалы ученых и молодых исследователей в разных отраслях общественных наук, посвящённых актуальным вопросам политического развития государств демократического транзита.

Адресуется ученым-исследователям, докторантам, аспирантам, соискателям, студентам и всем, интересующимся проблемами политического развития современных государств.

УДК 323-043.86:321.7 (06)

ББК 66.3(0), 1я43

*Рекомендовано к печати Научной комиссией
Луганского государственного педагогического университета
(протокол № 3 от 09.11.2021 г.)*

© Коллектив авторов, 2021

© ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ» 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	7
О.Г. Михайловская	
ЦЕННОСТНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ТРАНЗИТИВНЫХ ОБЩЕСТВАХ	8
Е.А. Проскурина	
СУДЬБА НЕПРИЗНАННЫХ РЕСПУБЛИК В КОНТЕКСТЕ НОВЫХ ПАРАМЕТРОВ МИРОВОГО ПОРЯДКА	12
М.С. Багликова	
ПОЛИТИКА РОССИИ В ОТНОШЕНИИ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ.....	17
В.И. Сальников	
РАСШИРЕНИЕ «ЗОНЫ ПРОБЛЕМНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ» НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАК СЛЕДСТВИЕ ТУРБУЛЕНТНОСТИ СОВРЕМЕННОГО МИРОПОРЯДКА	21
Г.И. Королёва	
ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА ПОД ВЛИЯНИЕМ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И МОНДИАЛИЗАЦИИ	27
Т.В. Татоли	
ВЕНГЕРСКИЕ СОБЫТИЯ 1956 ГОДА: ПОПЫТКА «ЦВЕТНОЙ РЕВОЛЮЦИИ»	34
Л.А. Литвин	
ПАРИТЕТНАЯ ДЕМОКРАТИЯ.....	43
С.С. Кулида	
К ВОПРОСУ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ КАЗАЧЕСТВА.....	46

А.И. Ладыга РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГЕОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА: ПРЕГРАДЫ И ВЫЗОВЫ	52
Л.И. Ладыга ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РОССИИ И КИТАЯ В СФЕРЕ ЭНЕРГЕТИКИ: ДОСТИЖЕНИЯ И НЕУДАЧИ	57
Л.С. Милокост РОССИЙСКО-ГРУЗИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	64
О.А. Дибас РОЛЬ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В УРЕГУЛИРОВАНИИ КОНФЛИКТОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ	69
Д.М. Писаный НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО СИМВОЛИЗМА «ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ» НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ	75
Б.И. Кандауров СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ «ГИБРИДНЫХ РЕЖИМОВ»	81
В.Н. Десянченко ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ТРАНЗИТ КАК ЛОГИЧЕСКАЯ ФАЗА РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА	88
Н.С. Сидорова ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19	92
Д.Г. Прошин ГРУЗИНО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ	94
Е.М. Ковалёва, Т.В. Татоли ТЕХНОЛОГИИ ОРГАНИЗАЦИИ «ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ» НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ	98

В.В. Коломойцева, М.С. Багликова НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ УКРАИНЫ НА ПРОТЯЖЕНИИ 2010-2020 годов.....	101
С.С. Кровельщиков, Т.В. Татоли КОНСТРУИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ МИФОВ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	107
Ю.Р. Хахалева, М.С. Багликова АЛЬТЕРГЛОБАЛИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ	113
А.А. Черкасова ДИНАМИКА РОССИЙСКО-БРИТАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 1992 – 2018 ГГ.	118
И.В. Баранова, Б.И. Кандауров ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ТРАНЗИТ НА ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ВЗАИМОУСЛОВЛЕННОСТЬ ВНУТРЕННИХ И ВНЕШНИХ ФАКТОРОВ	123
А.И. Косинский, О.Г. Михайловская ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕКЛАМА В ПРАКТИКЕ СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВ	129
О.В. Ковалёва, О.Г. Михайловская РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ.....	136
А.А. Эскузян, О.Г. Михайловская ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ В ТРАНЗИТИВНЫХ ГОСУДАРСТВАХ.....	139
А.А. Боровской, О.Г. Михайловская ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ	145

А.Э. Гребенкин	
ВТОРАЯ КАРАБАХСКАЯ ВОЙНА И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ РОССИЙСКО-АРМЯНСКИХ ОТНОШЕНИЙ.....	150
Д.Ш. Саидов	
МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН В XXI ВЕКЕ	157
А.А. Пожарицкая, Д.М. Писаный	
«ТРАНЗИТНЫЕ ПРОЦЕССЫ В НКР В ПРАВЛЕНИЕ АРКАДИЯ ГУКАСЯНА»	162
Я.Э. Павлюченко, Д.М. Писаный	
«НОВАЯ ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА» – ИСКУССТВО КОМПРОМИССА	166
Я.Д. Сокова, Д.М. Писаный	
ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННЫХ ПРОЕКТОВ ПО РЕФОРМИРОВАНИЮ ООН	170
Д.П. Шулепова, Д.М. Писаный	
«КУРДСКИЙ ВОПРОС В КОНТЕКСТЕ «ВОЛН ДЕМОКРАТИЗАЦИИ» В ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКЕ	177
А.Ю. Нечаева, Т.В. Татоли	
ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ТРАНЗИТ В СТРАНАХ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА	181
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	186

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Данный сборник научных трудов представляет материалы университетской заочной интернет-конференции «Актуальные проблемы политического развития в государствах демократического транзита», которая состоялась 18 марта 2021 г. в Луганском государственном педагогическом университете в Институте истории, международных отношений и социально-политических наук на кафедре политических наук и регионалистики.

Материалы конференции, направленной на создание пространства открытых научных дискуссий о проблемах современной политической науки и получивших широкий общественный резонанс, посвящены изучению опыта и уроков транзита в перспективе сегодняшней политической практики и попытки понимания сегодняшних мировых процессов, что по нашему мнению, позволяет полнее и глубже осознавать те вызовы и кризисы, с которыми сталкиваются как отдельные страны, так и мир в целом, а значит пытаться найти адекватные ответы на них.

Материалы сборника отражают научную насыщенность и высокую продуктивность материалов конференции, которая позволила расширить и систематизировать представления о возможностях проблемы политического развития в государствах демократического транзита. Изучение общей траектории посткоммунистического транзита, отход от оптимизма 1990-х, концептуализация «транзитологической парадигмы», рассмотрение успеха государств Восточной Европы и причины неудач бывших республик СССР, возобновление повестки дня, к которой рассматривается конкуренция моделей социально-политического развития – это не большой круг вопросов, придающих данной теме особенную остроту и актуальность.

Материалы участников конференции отражают теоретические и эмпирические исследования ученых, преподавателей, практиков, студентов. Организаторы и участники конференции надеются, что ее материалы будут способствовать развитию межпредметных связей в различных сферах политологического знания.

ЦЕННОСТНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ТРАНЗИТИВНЫХ ОБЩЕСТВАХ

Актуальность данной темы обусловлена процессами, которые происходят последние двадцать лет на постсоветском пространстве, изменениями в функционировании политической системы, несинхронностью развития институциональной и ценностной подсистем в процессе политической трансформации этих обществ.

На каждом этапе общественного развития происходит формирование структуры и способов обеспечения стабильности властных институтов, механизмы их реагирования на ценностные трансформации, происходящие в обществе. При этом каждая политическая система стремится не только сохранить свою целостность и системные признаки, но направлена на создание условий её динамического развития. Функционирование политической системы, переживающей качественные преобразования базовых институтов, т.е. системные трансформации, приводят к неизбежным изменениям во всех сферах жизни общества.

Опираясь на сложившиеся в политической науке представления о структурно-функциональных особенностях политической системы, исследователи акцентируют внимание на внутрисистемных – процедурных – политические субъекты и институты, формы и правила их деятельности и внесистемных – структурных социальных факторы политического развития преобразований, от скорости и направленности которых зависит смена устоявшейся социальной практики. Необходимо отметить, что внесистемные и прежде всего выделяемые нами ценностные факторы политической трансформации выступают и как условие динамики, так и источник стагнации институциональных изменений. Однако сами по себе ценностные факторы политической трансформации лишь

отчасти влияют на развитие неустойчивости политической системы.

Все структурные элементы политической системы общества участвуют в процессе образования ценностей, институциональная подсистема концентрированно выражает ценностные принципы, лежащие в основе культуры, заложенные в подсознательной среде ее носителей. Нормативная подсистема регулирует политические отношения, придавая им упорядоченность.

Ценностная система обуславливает интегрирующий потенциал культурной подсистемы, т.к. ценности придают значимость, смысл действиям акторов политического процесса. Поэтому устойчивость и жизнеспособность любой политической системы в определенной мере зависит от соотношения ее ценностно-нормативных составляющих с базовыми ценностями политической культуры или ценностной системой ее носителей.

Кризис в любой сфере жизни общества ведёт к кризису идентичности, т.к. индивид утрачивает традиционные ценности прежней системы и пытается переориентировать их на ценности, соответствующие изменившейся системы. Процесс радикального преобразования ценностей – ресоциализация, как правило, сопровождается внутриличностными конфликтами, приводящими к абсентеизму и аномии, но благодаря своим динамическим характеристикам, ценностная система делает возможной адаптацию социума к трансформационным процессам.

Всякое изменение целей и структуры общества ведет за собой переоценку ценностей, благодаря чему человек получает возможность действовать в новых социально-политических условиях. Смена ценностей в разных обществах и на разных этапах развития идет непрерывно в эволюционном режиме, но в переломные этапы развития общества трансформационные процессы радикализируются. Между отрицанием прежней и кристаллизацией новой системы ценностей лежит период ценностной дезинтеграции. Она отражает не только распад прежней картины видения мира, но и активный поиск, и столкновения вновь возникающих ценностных систем.

Российские исследователи В.В. Гаврилюк и Н.А. Трикоз указывают на основные модификации индивидуальной ценностной системы, складывающийся в трансформационном обществе:

- сохранение прежней ценностной системы субъекта, несмотря на происходящие общественные перемены, сформированная в процессе пошлого опыта индивидуальная система ценностных ориентации служит своеобразным фильтром для поступающей извне ценностной информации;

- расстройство индивидуальной ценностной системы – состояние, которое означает индивидуальный ценностный вакуум, состояние отчуждения;

- развитие, такое изменение в ценностно-ориентационной системе личности, когда обогащается внутреннее содержание ценностных ориентации с помощью механизма адаптации к изменившимся социокультурной и институциональной сферам [1, с. 96].

Анализируя динамику ценностных ориентации в условиях политической трансформации общества, необходимо учитывать действия двух механизмов – преемственности и изменчивости. Искусственная смена общественной модели, при которой процесс формирования новых институтов, ценностей и норм идет сверху, приводит к несовпадению общественных и индивидуальных изменений. Возникающий конфликт ценностей вызывает ценностный стресс, дезориентацию в принятии решения и в осуществлении выбора. Коренные изменения в системе ценностей происходят, как правило, происходят по ряду причин: людей заставляют делать то, что несовместимо с разделяемыми ими ценностями; люди осваивают новую информацию, в том числе и оценки «значимости других»; возникает осознание несоответствия ценностей одних другим, что приводит к радикализации конфликта.

Но неизменным является одно, любые радикальные изменения в экономике, политике, системе государственного управления, преобразование существующих и формирование новых политических институтов нуждаются в ценностном обосновании.

Институциональные преобразования становятся действительно необратимыми только тогда, когда они восприняты обществом и закреплены в системе ценностей, на которые это общество ориентируется. Поэтому изменения в ценностном сознании населения служат значимым индикатором реальности политической трансформации общества в целом.

Таким образом, анализ институциональных и ценностных аспектов транзитивных политических режимов во многом предопределен взаимообусловленностью внутрисистемных «процедурных» – политические акторы и институты, формы и правила их деятельности и внесистемных «ценностных» – социальные факторы политического развития, одним из которых является ценностная система преобразований, от скорости и направленности которых зависит «процессуальный» – смена моделей политической деятельности индивидов, компонент политической трансформации.

Итогом политической трансформации переходного режима должны стать новые организационные формы и типы политического взаимодействия, функционирующие политические институты, становление индивида как субъекта политики. Результатом же аксиологической трансформации выступает завершающее этап институционализации ценностное и функционально-целевое согласие (состояние, признак и процесс взаимодействия между находящимися в единстве социальными субъектами, имеющими общие потребности, интересы и цели, а также общие представления о способах их достижения) [2, с. 7].

Литература

1. Гаврилюк В.В. Динамика ценностных ориентаций в период социальной трансформации (поколенный подход) / В.В. Гаврилюк, Н.А. Трикоз // Социс. – 2002. – № 1. – С. 96–105.
2. Акулич М.М. Функционально-целевое согласие: становление и развитие / М.М. Акулич // Социс. – 2002. – № 1. – С. 7.
3. Семенченко Ф.Г. Трансформация ценностной системы общества в контексте преобразования политических

институтов [Электронный ресурс] / Ф.Г. Семенченко. –
Режим доступа :
file:///C:/Users/Zver/AppData/Local/Temp/.pdf

УДК 323.173

*Е.А. Проскурина
(г. Луганск, ЛНР)*

СУДЬБА НЕПРИЗНАННЫХ РЕСПУБЛИК В КОНТЕКСТЕ НОВЫХ ПАРАМЕТРОВ МИРОВОГО ПОРЯДКА

Происходящие изменения в мировом порядке, свидетелями которого мы все являемся, представляют собой нетривиальные вызовы, которые порождают огромное число исследовательских вопросов. На взгляд автора, в их число входит и проблематика существования непризнанных государств. Например, только на постсоветском пространстве за тридцать лет мы насчитали шесть подобных образований: Нагорный Карабах, Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье, Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика. Сегодня это – территориальные образования, имеющие свою символику, правительства, глав республик, законодательные органы, формирующие экономические и финансовые системы. А долгая история таких самопровозглашенных республик как Приднестровье, Абхазии и Южной Осетии доказали свое право на жизнь и участие в строительстве новых международных отношений.

Периферийность дискуссии судьбы непризнанных государств в условиях, когда политическая практика показала нестабильность либерального миропорядка, близость его к состоянию глубокого кризиса, открыла всю необоснованность отчуждения в политико-философских исследованиях проблемы непризнанных государственных образований в современном развитии международных отношений.

Тридцатилетняя история после распада Советского Союза выявила, что разрушение глобальной империи, такой как СССР, создало достаточно серьезные проблемы на пространстве

бывшего Советского Союза. Территориальные, межэтнические, межрегиональные споры и противоречия до сего дня не только не разрешены на этой территории, но получили еще большее обострение в виде вооруженного противостояния [1].

Современные российские и зарубежные геополитические исследовательские школы, школы политической глобалистики и цивилизационного анализа сформировали определенную методологию в осмыслении места, роли и содержания непризнанных государств на постсоветском пространстве.

Методология строилась на необходимости трансформации «глобальных политико-правовых институтов и цивилизационных систем в условиях постмодерна и перехода биполярной («ялтинской») модели мирового порядка к иным моделям планетарного устройства и обеспечения военно-стратегической безопасности (Р. Арон, Дж. Белл, З. Бжезинский, Ж. Бодриар, И. Валлерстайн, К.С. Гаджиев, Д. Гольдблатт, А.Г. Дугин, Г. Джемаль, Г. Киссинджер, Б.А. Леви, Н.А. Нарочницкая, А. Негри, А.С. Панарин, К. Поппер, А.И. Уткин, Ф. Фукуяма, С. Хантингтон, М. Хардт, Д. Хелд, К. Шмитт, Э. Юнгер и др.)» [5, с. 5].

Иные позиции занимает автор. Осмысление автором роли, места и значения непризнанных государств на постсоветском пространстве происходит через призму формирования новой мировой биполярной системы отношений. В отличие от системы мировой многополярности с её размытостью отношений соперничества и конкурентности, система биполярности в мире подразумевает противостояние двух конкретных лагерей [4, с. 428].

Формирование новой биполярности относится к периоду усиления, а затем и возвращения Российской Федерации вначале XXI ст. в большую политику в качестве мирового игрока. Сопряжено движение мирового сообщества к биполярности и с ростом новых центров силы в противовес Европейскому Союзу и США – страны БРИКС, Шанхайской организации (ШОС) и других площадок привело к усилению политического напряжения в мире. Отметим, что не последнюю роль сыграла сомнительная эффективность правил игры, предлагаемых

либеральной моделью. В результате чего произошел всплеск напряженности по всему периметру государственных границ России. Посредством так называемых «цветных революций» США и другие страны запада пошли на активное вмешательство во внутренние дела государств, образованных из бывших республик Советского Союза [4, с. 430–432].

Западными странами, составляющих костяк либерального мира, были поддержаны антироссийские политические силы, инициированы откровенно провокационные действия, препятствовавшие интеграционным процессам на евразийском пространстве. Вкладывались огромные средства (о чем, не стесняясь, говорили политики США) в развал России и создания на её территории квази-государств из бывших республик СССР, полностью подчиненных коллективному западу.

Таким образом, непризнанные государственные образования на территории бывших союзных республик: Абхазия, Южная Осетия, Нагорно-Карабахская Республика, Приднестровская Молдавская Республика, демонстрируют собой политико-территориальные образования. Эти образования зафиксировали как в пространстве, так и во времени итоги локальных конфликтов, спровоцированы дезинтеграцией, а затем и распадом масштабного геополитического образования каким был Советский Союз [2].

Образование Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики в значительной степени связаны с историческими особенностями развития этих территорий, которые впоследствии вошли по воле большевиков в состав УССР 1919 г., особенностями менталитета и своеобразием в традициях политической культуры Западной и Восточной Украины [3]. Спусковым крючком отделения ДНР и ЛНР от остальной части Украины стал государственный переворот 2014 года стране, предательство политической элиты и президента.

Самопровозглашенные республики характеризуются тем, что обладают государственным суверенитетом внутри своих территорий и отсутствием легитимация на внешнем контуре. Полагаем, что давно устаревшие и неоднократно уже

нарушавшиеся положения «Хельсинских соглашений», провозгласившие нерушимость границ, стоят на пути легализации этих государств и, сотен тысяч граждан, в них проживающих.

Так формирующиеся анклавов, оказавшиеся за границами огромного мирового политического пространства, а юридическая неопределенность статуса в силу международно-правовых недоразумений непризнанных государств на постсоветском пространстве предполагает переход к принципиально новым политико-правовым моделям мирового устройства.

По мнению автора, вопрос о правосубъектности непризнанных государств в новых условиях мирового порядка, выходят за пределы классических норм и принципов международного права и не могут решаться только по традиционным формальным критериям.

Например, «...актуализирующим рассматриваемую проблему фактором является переход в практическую стадию решения вопроса о статусе Косово и прогнозируемое создание «косовского прецедента» в отношении признания составной части государства в качестве независимого образования, обладающего международной правосубъектностью и легитимного в глазах мирового сообщества» [5, с. 4–6].

В целом нужно признать, что проблема признания или непризнания государств существует в плоскости международной политики в большей степени, чем международного права. До сего дня в парадигме международного права не выработано ясных и конкретных механизмов и принципов управления процессами признания/непризнания территориальных образований. Привилегии признания до сих пор принадлежит государствам, которые, как правило, руководствуются чаще всего своими политическим установками и корыстными желаниями в отношении признания или непризнания отделившегося сообщества на определенной территории.

Понятно, что, как правило, в вопросах признания или непризнания государства доминирует политический фактор,

особое мнение, международный авторитет самого сильного государства или «государства-патрона».

Например, в случае кризиса на Украине «государство-патрон» по отношению к ДНР и ЛНР выполняет Российская Федерация. Основная задача России состоит в необходимости донести мировому сообществу, что гражданское противостояние в этом регионе это – результат неприятия Востоком Украины и Республикой Крым государственного переворота 2014 года, захват радикальными националистами власти с помощью активной поддержки государств Европейского Союза и США.

Предмет обсуждения международной легитимации государств до сих пор остается в подвешенном состоянии. Это создает определенные сложности в развитии международной системы отношений. Считаем, что в рамках ООН могут и должны быть выработаны основополагающие универсальные политические критерии, механизмы и процедуры, которые зафиксируют порядок признание или отказа в нем.

Литература

1. Добронравин Н.А. Модернизация на обочине: Выживание и развитие непризнанных государств в XX – начале XXI века / Н.А. Добронравин. – СПб., М-Центр, 2013.
2. Маркедонов С.М. Де-факто образования постсоветского пространства: двадцать лет государственного строительства / С.М. Маркедонов. – Ереван : Институт Кавказа, 2012.
3. Проскурина О.О. Політико-культурний вимір Донбаського регіону / О.О. Проскурина // Політ. менеджмент. – 2007. – № 1(22). – С. 127–135.
4. Проскурина Е.А. Политико-национальная идентичность народа Украины в контексте процессов глобализации: парадоксы постсоветской трансформации / О.О. Проскурина // Глобалистика: Глобальные проблемы и будущее человечества. Сб. статей Международного научного конгресса Глобалистика-2020, 18 – 22 мая и 20 – 24 октября 2020 г. / под ред. И.В. Ильина. – М. : МОСИПНН Н.Д. Кондратьева, 2020. – С. 427–433.

5. Чемурзиев З.И. Институционально-правовые технологии легитимации непризнанных государств на постсоветском пространстве / З.И. Чемурзиев. – Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук Ростов-на-Дону – 2007.

УДК 342.9:314.7

*М.С. Багликова
(г. Донецк, ДНР)*

ПОЛИТИКА РОССИИ В ОТНОШЕНИИ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Обретение Россией независимости вследствие распада СССР, актуализировало проблему защиты прав и свобод соотечественников, проживающих на постсоветском пространстве. При этом соотечественниками считаются не только граждане РФ, проживающие за рубежом, но и граждане из бывшего СССР, их потомки, отождествляющие себя с Россией, ее культурой, языком. Национальная политика многих бывших постсоветских стран, направленная как на сужение сферы применения русского языка в государственной и общественной жизни, так и введение ряда других ограничений, приводит к разрушению некогда единого культурно – цивилизационного пространства, обуславливая тем самым, возможную миграцию соотечественников в Россию. Это, в свою очередь, вынуждают Россию к корректированию политики, подчеркивая тем самым важность и актуальность проблемы.

Нормативное регулирование было положено еще в начале 90-х годов XX ст. в Федеральном законе «О государственной политике РФ в отношении соотечественников за рубежом» № 99-ФЗ от 24.05.1999 г., неоднократно корректировавшимся в последнее время [1]. Исходя из закона в эту категорию, помимо граждан РФ, проживающих за пределами своего государства, были отнесены лица, имеющие этническую принадлежность, эмигранты, а также, те, кто сопоставляет себя с правовой или

культурой жизнью России, и граждане СССР, проживающие на постсоветском пространстве, желающие вернуться на родину.

Целью политики обозначено оказание государственной поддержки, в том числе обеспечение их правовой защиты, или создание условий, при которых они могли в качестве равноправных граждан жить в других государствах или вернуться домой [1]. Одновременно являясь частью внутренней и внешней политики, она предполагает использование разнообразных мер, осуществляемых органами государственной власти и органами местного самоуправления. Координационным органом выступает Правительственная комиссия по делам соотечественников за рубежом, компетенцией, которой является обобщение опыта работы органов власти, подготовка и разработка предложений, реализация мероприятий и контроль за использованием финансовых средств [2].

На данный момент существует разные направления, в рамках которых реализуются государственные проекты. Одним из них является программа по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников, утвержденная Указом Президента РФ от 22.06.2006 г. № 637 [3]. География выбора места жительства весьма широка и включает 80 субъектов в 8 федеральных округах. В рамках программы предусмотрен ряд социальных и финансовых мер в виде компенсации за переезд, получения разного вида пособий на обустройство («подъемных» и др.), оформление правового статуса переселенцев. Для участия нужно подать заявление и получить соответствующий документ в государственных органах власти. Исходя из официальных данных МВД, за 12 лет существования программы в Россию вернулось 826 тыс. человек. Так, только за 2018 – 2019 гг. переехало более 226 тыс. человек [4]. Росту переселенцев, безусловно, способствовало принятие ряда законов, упрощающих порядок приема в гражданство для граждан ряда постсоветских стран [5]. Чаще всего местом для переселения выбирали Тульскую, Новосибирскую, Калужская, Липецкая, Воронежская, Омская, Самарская и Калининградская области. Данные мониторинга показывают, что большинство соотечественников приехало из Казахстана (35,3%), Украины (19,2%), Таджикистана (11, 8%), Армении (9,7%) и Молдавии (8,6%) [4]. При этом

необходимо отметить, увеличение роста мигрантов из Украины, наблюдаемое с 2014 г. в связи с внутривнутриполитической ситуацией в стране. Так, если в 2011 г. количество соотечественников достигало всего 8,7% от общего числа, то уже к 2018 г. уже 19,2%. За данными МВД, за 2014-2018 гг. в Россию переехало 265, 8 тыс. человек с Украины (32,8%) [4]. Это тенденция будет сохраняться, в силу сложившейся сложной внутривнутриполитической ситуации в Украине и продолжающегося конфликта на Донбассе. Подытоживая, можем констатировать, целесообразность программы, отвечающей стратегическим интересам России, и решающей ряд экономических, социальных и демографических проблем. Так, в планах на 2020 – 2022 гг. предполагается увеличение количества переселившихся в Россию до 197,5 тыс. человек [6].

Не менее важным направлением в государственной политике является и сохранение духовной и языковой среды. Особо актуальной является проблема правового статуса и распространения русского языка, сфера применения которого во многих странах сужается. В 2015 г. была утверждена «Концепция государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом» [7], «Русская школа за рубежом» [8], в рамках, которых действуют соответствующие программы. Наряду с традиционной деятельностью, использовались и новые направления работы, в частности создание центров открытого образования в ряде стран Средней Азии, в которых обучали бесплатно русскому языку. Продолжает работать фонд «Русский мир», представленный в 70 странах, «Институт Пушкина» и его партнерская сеть. Реализуется ряд проектов «Здравствуй Россия», «Всемирные игры юных соотечественников», образовательный интернет курс «Мастерская смыслов» и др. [9].

Ориентированность на защиту и поддержку интересов и прав соотечественников, предполагает активность и вовлеченность в процесс реализации государственной политики разных общественных объединений и религиозных организаций. Одной из таких диалоговых площадок с 2001 г. стало проведение Всемирных конгрессов соотечественников объединяющий организации из 98 стран мира. Совместными усилиями были созданы центры правовой помощи при Фонде поддержки защиты

прав соотечественников при МИД РФ. В 2017 г. из 26 центров, 10 были на постсоветском пространстве (Киргизия, Казахстан, Эстония, Латвия, Грузия, Молдова) [11].

Таким образом, видим, что политика РФ в отношении соотечественников постсоветского пространства, включает ряд направлений, реализуемых как внутри государства, так и за его пределами. Эта многоаспектность, обуславливает сложности и разную эффективность в реализации поставленных задач, что обуславливает дальнейшее усовершенствование законодательства, инструментов и механизмов государственной политики при активном сотрудничестве с общинами соотечественников, их политической мобилизации и консолидации для защиты российской, духовной и языковой среды.

Литература

1. Федеральный закон от 24.05.1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике РФ в отношении соотечественников за рубежом» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://kremlin.ru/acts/bank13875> (Дата обращения: 2.10.2020).
2. МИД России [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.mid.ru/ru/activity/compatriots/commission//asset_publisher/ic6G4m61ZGUP/content/id/69882 (Дата обращения: 03.10.2020).
3. Указ Президента РФ от 22.06.2006 г. № 637 «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в РФ соотечественников, проживающих за рубежом» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/23937> (Дата обращения: 1.10.2020).
4. МВД РФ [Электронный ресурс] : сайт. – Режим доступа : http://мвд.рф/мвд/structure1/Glavnie_upravlenija/guvm/compatriots/monitoring (Дата обращения: 30.09.2020).
5. Указ Президента РФ от 24.04.2019 г. № 183 «Об определении в гуманитарных целях категорий лиц, имеющих право обратиться с заявлениями о приеме в гражданство РФ в упрощенном порядке» [Электронный ресурс]. – Режим

доступа : <http://kremlin.ru/acts/bank/44190>(Дата обращения 18.09. 2020).

6. Распоряжение Правительства от 28 июля 2017 года №1636-р [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://government.ru/docs/38589/> (Дата обращения: 30.09.2020).
7. Концепция государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://kremlin.ru/acts/news/50644> (Дата обращения 25.09.20 20).
8. Концепция «Русская школа за рубежом» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://kremlin.ru/acts/news/50643> (Дата обращения: 25.09.2020).
9. Выступление Президента РФ В.В. Путина на VI Всемирном конгрессе соотечественников [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://kremlin.ru/events/president/news/59003> (Дата обращения: 25.09.2020).
10. Приоритеты деятельности Фонда поддержки и защиты прав соотечественников [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://vkrsr.com/publication/igor-panevkin-deyatnosti-fonda-na-2017-god-prodiktuet-kontsepsiya-vneshney-politiki-rf/>

УДК 327.58+321.013

В.И. Сальников
(г. Воронеж, РФ)

РАСШИРЕНИЕ «ЗОНЫ ПРОБЛЕМНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ» НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАК СЛЕДСТВИЕ ТУРБУЛЕНТНОСТИ СОВРЕМЕННОГО МИРОПОРЯДКА

Характеризуя мирополитическую систему после падения Берлинской стены, американский ученый Джеймс Розенау отмечал, что она испытывает высокую напряжённость вследствие кардинальных перемен, из-за которых структуры и процессы, поддерживающие мировую политику, становятся неустойчивыми, и в них происходит переустройство. Главной

характеристикой политики данного периода становится неопределённость, характеризующаяся отсутствием закономерностей. Мировая политика вступает в фазу, не имеющую предварительно установленных правил или границ, поскольку напряжённость в мире обостряется, отношения трансформируются, разработка политического курса основными акторами политики парализуется. Происходит разрушение параметров мировой политики, которые прежде были стабильными и ограничивали колебания ее переменных составляющих. Ход событий становится турбулентным, когда сложность и динамизм социально-политических процессов достигают точки, где существующие правила управления больше не работают [4].

Одним из важнейших проявлений данной турбулентности современной системы международных отношений является расширение т.н. «зоны проблемной государственности» [1], где с одной стороны, существуют проблемы признания суверенитета входящих в эту зону государств, и, с другой стороны, – проблемы государственного контроля над территориями.

Причинами расширения этой зоны в последние десятилетия является не только крушение империй и полиэтничных федераций, периодически случающееся в истории, но и коллапс ряда государств мира социализма, проигравших Холодную войну. Этим нередко пользуются не только народы, стремящиеся осуществить свое право на самоопределение, но и племена, кланы, преступные группы, вооруженные отряды и другие подобного рода «акторы вне суверенитета», которым выгодно существовать в условиях «серой зоны» политики и экономики (особенно в постколониальных странах, где не сформировались нации, и остры межэтнические и межконфессиональные противоречия). Не стоит забывать и «внешних игроков» – как государства, так и негосударственных акторов (транснациональные корпорации, частные военные кампании, этно-конфессиональные структуры и др.), решающие за счет расширения «зоны проблемной государственности» свои задачи [2]. То есть, если такая зона существует и даже расширяется, то значит это кому-то нужно...

Результатом коллапса государств, утративших по тем или иным причинам свою состоятельность, является образование государств де факто, чье возникновение, с одной стороны, являются следствием турбулентности мирополитической системы, а с другой стороны, может быть началом становления нового порядка (как регионального, так и мирового).

Что касается государств де-факто постсоветского пространства, то мы должны исходить из особенностей их образования и становления. Их отличает то, что Нагорно-Карабахская Республика, Приднестровская Молдавская Республика, Республика Абхазия, Республика Южная Осетия, а совсем недавно Донецкая Народная Республика и Луганская Народная Республика, возникли по линии межцивилизационных и межэтнических разломов. Народы большинства из них подверглись дискриминации со стороны «материнских государств» (государств, куда входили их территории), поэтому они не только осуществили сецессию, но и с оружием в руках отстаивали свою независимость.

Что касается возникновения и генезиса государств де-факто на постсоветском пространстве, то они имели следующие особенности:

1. Дискриминация со стороны «материнских государств» (Азербайджана, Грузии, Молдовы, Украины), которой их народы подвергались, еще, когда Азербайджан, Грузия, Молдова, Украина входили в состав СССР в качестве союзных республик. После распада СССР эти республики, получив независимость, усилили процессы централизации и национальной унификации, вплоть до желания сломить сопротивление своих национальных меньшинств, чему до этого препятствовал союзный Центр.

2. Наличие на момент сецессии либо государствовподобных образований (Абхазская ССР, Юго-Осетинская автономная область, Нагорно-Карабахская автономная область), либо исторических прецедентов собственной государственности (Донецко-Криворожская республика в составе РСФСР, Молдавская автономная социалистическая республика в составе УССР).

3. Этническая (Абхазия, НКР, РЮО) и культурная обособленность (ЛДНР и ПМР) их территорий от остальной части их «материнских» государств», плюс наличие «сепаратистской идентичности».

4. Им пришлось вести войну за независимость, что придало их государственности милитаризированный оттенок.

5. Проблемы с получением международного признания. Одни из них уже добились частичного признания (Абхазия и РЮО). Остальные ограничены статусом *ad hoc*-признания, который дает им участие в мирном переговорном процессе в качестве одной из его сторон.

Что касается транзита их государственности, то она представляет собой нелегкий путь от «выпавшего региона» до образования государств *де факто*.

Одни из них (Абхазия и Южная Осетия) после агрессии со стороны Грузии в 2008 г. получили при поддержке России частичное международное признание и помогают другим государствам *де факто* постсоветского пространства преодолевать негативные последствия непризнанности. Как примером, так и через свои структуры.

Что касается других постсоветских государств *де факто*, то их путь к суверенизации – более труден.

В наиболее лучшем положении среди них до недавнего времени находилась НКР. При помощи Армении, армянской диаспоры и международной поддержке, республика не только с оружием в руках отстояла свою независимость, но и достигла успехов в социально-экономическом и политическом развитии, имея чуть ли не лучшие показатели в сравнении с остальными государствами *де-факто* постсоветского пространства [3]. Тем не менее, ни одно из государств-членов ООН, включая Армению, так и не признало Республику Арцах. А высокие рейтинги оценки развития демократии в республике не смогли побудить развитые демократические страны защитить НКР от военного вторжения со стороны Азербайджана, и только помощь России спасла Арцах от полного краха.

Образованная в 1991 г. Приднестровская Молдавская Республика также не имеет международного признания, в т.ч. и со стороны государства-патрона – России. Правда в отличие от

остальных постсоветских государств де факто, ПМР, пыталась вести диалог с бывшим «материнским государством», а в рамках договора Молдовы об ассоциации с Европейским союзом торговать, как со странами Европы, так и со странами ЕАЭС. Однако, победа «революции достоинства» на Украине создала серьезные трудности приднестровско-российским связям, а победа на президентских выборах в Молдове, проевропейски ориентированной М. Санду вообще угрожает самому существованию ПМР.

ДНР и ЛНР, возникнув в 2014 г., как реакция на «революцию достоинства» на Украине, были ориентированы на «крымский вариант», но власти РФ не поддержали ирредентистский сценарий и настояли на урегулировании вооруженного конфликта через Минские соглашения, рассматривающие его не как международный, а как внутриукраинский конфликт. При сохранении поддержки самопровозглашенных республик.

РФ, как государство-покровитель, пока признала только Абхазию и РЮО. В отношении ПМР и ЛДНР она, «поддерживая территориальную целостность» Молдовы и Украины, отказывает им в праве войти в состав РФ. В то же время Россия активно использует эти непризнанные государства как инструмент своего влияния на постсоветском пространстве:

1. Добиваясь для ПМР и ЛДНР особого статуса в составе Молдовы и Украины, и при этом, активно интегрируя их в пространство Русского мира, РФ пытается сделать их «мостом» между Россией и их «материнскими государствами», помогающим возвращению последних в наше общее культурно-цивилизационное и экономическое пространство. Применительно к ПМР стоит отметить также поддержку идеологии «молдавенизма» в противовес «румынизации», которую проводят проевропейские силы в Кишиневе. Что касается ЛДНР, то, скорее всего, Кремль строит в отношении этих государств де факто планы по их превращению в плацдарм Украины-части Русского мира как альтернативы Украине-Антироссии... А если не получится, то возможно, как признание, так и вхождение в состав РФ, хотя российское руководство об этом пока официально не заявляет. Правда,

слова, сказанные главным редактором «России сегодня» Маргариты Симоньян на интеграционном форуме «Русский Донбасс»: «Россия, матушка, забери Донбасс домой!», при участии в нем ведущих российских журналистов, говорят сами за себя.

2. Наличие территориальных проблем у Грузии, Молдовы и Украины, вызванных непризнанием отделившихся от них территорий, препятствует их вхождению в состав НАТО. «Выпавшие» из них территории, образовав государства де факто, выступают в роли своеобразных «гирь», привязанных к ногам своих бывших «материнских государств».

Однако в условиях наметившегося усиления противостояния Русского и Западного миров возможен новый формат взаимоотношений РФ и государств де факто постсоветского пространства в сторону их более тесных связей.

Литература

1. Асимметрия мировой системы суверенитета: зоны проблемной государственности / ред. М.В. Ильин, И.В. Кудряшова. – М. : МГИМО-Университет, 2011. – 244 с.
2. Добронравин Н.А. Модернизация на обочине: выживание и развитие непризнанных государств в XX – начале XXI века / Н.А. Добронравин. – СПб. : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2013. – 255 с.
3. Михалева Г. Государства «де-факто». Как сложилась судьба непризнанных республик на постСССР? [Электронный ресурс] / Галина Михалева // Европейский диалог. Экспертная группа. – 2018. – 15 янв. – Режим доступа : <http://www.eedialog.org/ru/2018/01/15/de-fakto-gosudarstva-na-territorii-sssr-tranzit-bez-mezhdunarodnogo-priznaniya/>
4. Rosenau J.N. Turbulence in World Politics. A Theory of Change and Continuity / J.N. Rosenau. – Princeton: Princeton University Press, 1990. – 480 p.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА ПОД ВЛИЯНИЕМ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И МОНДИАЛИЗАЦИИ

В начале XXI вв. актуализировались проблемы, связанные с трансформацией национальных государств в условиях общемировых процессов. Уникальным явлением данного этапа в мировом политикуме стал транзит («переход») 15 республик постсоветского пространства, которые взяли курс на построение политической и экономической модели западных государств. Становление государств постсоветского пространства на протяжении 1990-х гг. – начале XXI в. шло на фоне разноплановых процессов современного мира. Огромное влияние на дискурс развития национальных государств оказала нарастающая общемировая тенденция к глобализации и мондиализации.

Центральной проблемой нашего исследования является анализ влияния процессов глобализации и мондиализации на трансформацию национальных государств, возникших на постсоветском пространстве после разрушения Советского Союза в 1991 г.

Под постсоветским пространством (или ближним зарубежьем) понимаются (до 2009 г.) страны Содружество независимых государств (СНГ) и Прибалтики (Латвия, Литва, Эстония), т.е. независимые государства, которые вышли в 1991 г. из состава Советского Союза. СНГ – региональная международная организация, созданная на основе Беловежских Соглашений и призванная регулировать отношения между новыми независимыми государствами. По сути, СНГ стала «цивилизованной формой развода» советских республик. Изначально, за исключением Латвии, Литвы и Эстонии, в СНГ вошли все остальные бывшие советские республики – Россия, Беларусь, Украина, Молдова, Армения, Грузия, Азербайджан, Туркменистан, Узбекистан, Казахстан, Кыргызстан и

Таджикистан. На протяжении 30 лет все вышеперечисленные страны сохраняли экономические, политические и культурные связи.

Однако в 2009 г. после развязанной Грузией в 2008 г. войны в Южной Осетии, из состава СНГ вышла Грузия. Вслед за этим в 2014 г. пришедшее к власти в результате государственного переворота новое политическое руководство Украины также приняло решение покинуть структуры СНГ. Невзирая на громкие заявления об агрессии России против Украины, которые служили прикрытием для развязанной против народа Донбасса «антитеррористической операции» («АТО»), Киев оставил за собой право участвовать в тех договорённостях, которые экономически были выгодны.

Следует отметить, что в начале 1990-х гг. политическое руководство новых национальных государств на постсоветском пространстве, включая Российскую Федерацию, взяло курс на вхождение в мировое сообщество под лозунгом евроинтеграции. Бывшие советские республики намеревались ликвидировать фундаментальные принципы социализма, что в экономической сфере означало разрушение плановой системы, в политической – однопартийной системы и ограничений в правах и свободах граждан, в социальной – отказ от надёжных социальных гарантий относительно невысоких стандартов жизни. Фактически копирование неолиберального типа государственности, который возник в середине 1970-х гг. в США и Англии, означал переход к «модерности» капитализма с его рыночной моделью экономики, демократическим политическим режимом, многопартийностью и формированием общества массового потребления. Доктрина неолиберализма, как идеологическое и политическое течение, утверждала, что определять экономическую политику должно не государство, а рынок, в рамках которого ключевая роль принадлежит крупному частному капиталу. В условиях глобализации экономических процессов речь шла не просто о включении постсоветских государств в мировое сообщество, а о передаче ими своего суверенитета под власть международного капитала [2, с. 47].

Однако европейский выбор, который теоретически должен был способствовать модернизационным преобразованиям, на практике выявил значительный объем негативных последствий трансформационных изменений. За 30 лет эти государства так и не смогли достичь норм потребления и общего уровня жизни населения западноевропейских стран, которые они провозгласили в качестве эталона. При этом в странах, которые однозначно сделали геополитический и цивилизационный выбор в пользу Запада, это вызвало эффект «усталости от Европы» и некоторое разочарование в «европейском выборе».

В настоящее время постсоветские государства прошли этап транзита и вошли в состояние «посттранзита». Критерием завершения транзита является практически полное разрушение старого в реальной действительности и отмежевание от него в действительности символической. При этом новое далеко не всегда и не всеми воспринимается как нечто лучшее. Оно мало напоминает те образцы, по которым создавалось, и только относительно соответствует ожиданиям в начале транзита, когда новые элиты брались за разрушение старого и строительство нового. Постсоветский политический и экономический транзит сопровождался и дополнялся транзитом цивилизационно-ценностным: выработкой новой символической картины реальности, основанной на других реперных точках общественной надстройки, – истории, языке, литературе и культуре, которые исследователями определяют с использованием приставки «пост»: «постмодернизм», «постструктурализм», «постпозитивизм» и др.

Все эти процессы проходили в условиях новой важной характеристики современной эпохи – бифуркации (от лат. *bifurcus* «раздвоенный», качественная перестройка). В начале XXI в. завершился процесс перехода от индустриального к постиндустриальному (или информационному) обществу. Мировое сообщество стоит в начале нового этапа, черты которого ещё чётко не определились. В настоящее время окончательно состоялся распад Вестфальской системы международных отношений, к основным принципам которой относились приоритет национальных интересов, национальных

государств и государственного суверенитета; право на невмешательство в дела государства; принцип баланса сил и равенство прав государств; обязательство выполнять подписанные договоры; принцип действия международного права и применения дипломатии в международных отношениях. Кроме того, неотъемлемым атрибутом международных отношений в рамках Вестфальской системы являлся приоритет международного права, что предполагало соблюдение подписанных договоров. Формирование системы «поствестфальского мира» фактически означает трансформацию стран мира, в частности, стран постсоветского пространства, в глобальное сообщество, в котором нивелируется роль наций, этносов и связанной с ними идеологии национализма, а также деградация национальных государств [1, с. 108].

Одним из главных аспектов поствестфальской системы является влияние глобализации и мондиализации (от лат. – «мир»). Если понятие глобализации относится к экономической сфере деятельности человека, то мондиализация – к гражданско-политической сфере. Целью мондиализации является установление власти мирового правительства. Особую значимость этот вопрос приобретает в свете взаимосвязи демократической политической системы и суверенного государства как её гаранта. В условиях национального государства демократия функционирует как механизм публичной политики, однако под влиянием транснационализации её возможности существенно снижаются [4, с. 89]. В условиях глобализации политический объект, который «материализует» народный суверенитет и полноту воли, начинает обладать все меньшей полнотой реальной власти. Переход к мондиалистскому варианту развития мира требует образования прочных транснациональных институтов с единой внешней политикой, вооружёнными силами и финансовой системой. В таком случае формально суверенные государства продолжают существование, их правительства будут иметь некоторые полномочия в области внутренней политики, экологии, социальной сферы, образования, здравоохранения и в рамках полномочий местной власти, например, американского штата или немецкой федеральной земли.

При этом верховная власть будет принадлежать единому планетарному органу власти, который, имея исключительную монополию на решение всех проблем глобального характера, будет иметь полномочия на осуществление реального управления государствами, территориями, народами и нациями. Мировое правительство намерено контролировать выполнение подконтрольными местными (национальными) властями некоего универсального кодекса законов, нормирующего права человека, вопросы экономики, экологии, общепланетарные аспекты жизни и деятельности общества. Возможно, одним из позитивных моментов мондиалистского управления для выживания человечества можно считать решение глобальных экологических вызовов.

Критическое исчерпание потенциала поствестфальской системы выдвигает на ведущие роли глобальных игроков. В этой связи для стран постсоветского пространства в условиях глобализации и мондиализации принципиальными вопросами являются сохранение внешнего и внутреннего суверенитета и монопольного права на применение законного насилия [3, с. 3].

Согласиться с мондиализмом как моделью развития человечества в условиях завершения процесса глобализации, можно лишь в случае признания наступления конца истории, который предсказывал американский философ Ф. Фукуяма, и в контексте библейского пророчества о «последних временах». Именно этот фактор объясняет глубоко негативное отношение мировой общественности к концепции мондиализма. Подобный тип управления требует формирования демократии без полномочий, а межнациональный феномен становится властью, неподконтрольной демократии [5, с. 15–16].

Главными центрами сопротивления мондиалистским тенденциям являются государства, которые недостаточно прочно интегрированы в транснациональные институты и/или обладают ресурсами для полноценного осуществления самостоятельной внешнеэкономической деятельности. Среди западных стран этим ресурсом обладает США, среди стран Востока – Китай и Индия. Но после поражения на президентских выборах в США в 2020 г. Дональда Трампа к власти пришёл представитель демократической партии

Джозеф Байден. Если Д. Трамп преимущественно стоял на позициях изоляционизма в международных делах и усиления роли национального государства – сверхдержавы США, то демократы, прежде всего, выражают интересы транснациональных корпораций, а это означает, что мондиалистский вектор будет усиливаться и навязываться мировому сообществу, что, безусловно, затронет все государства постсоветского пространства.

В начале XXI в., после объявления Западом открытой фазы войны против Российской Федерации (так называемой «ледяной» войны во всех сферах жизни общества, которая не перешла в горячую фазу), общий дискурс политики руководства страны направлен на активное сопротивление и противостояние новым тенденциям в международных отношениях. Движение в сторону реального суверенитета свидетельствует о качественном пересмотре парадигмы развития России в 1990-х гг. Это чётко продемонстрировала инициатива В. Путина о проведении 01.07.2020 г. всенародного голосования за внесение поправок в Конституцию Российской Федерации. В тоже время, в условиях глобализации и мондиализации возвращение России в ранг не просто региональной, а великой державы, привело на всей территории бывшего СССР к дальнейшему обострению конкуренции мировых и региональных акторов за влияние на национальные государства постсоветского пространства.

Таким образом, под влиянием глобализации и мондиализации в русле неолиберальной парадигмы существенно изменился статус национальных государств. Эта трансформация происходит в интересах субъектов – лидеров глобальной экономики и транснационального капитала, которые не считаются с национальными интересами государств и потребностями человечества, навязывая свои решения в межнациональных и межрегиональных конфликтах.

В XXI в. национальные государства постсоветского пространства, несмотря на некоторое ослабление хозяйственных связей и наличие отдельных политических противоречий, сохраняют партнёрские отношения (за исключением стран Прибалтики, Грузии и Украины), что является залогом

сохранения их суверенитета. Развитию кооперационных и интеграционных процессов способствуют общая история, географическое соседство, близость культур и менталитета. Будущее народов зависит от того, как эти национальные государства смогут отстоять свой суверенитет, а значит, обеспечить интересы своих граждан. В случае невыполнения функций государства и народы, которые его создали, перестают существовать. Ответственность за реализацию государством интересов народа не снимается при передаче части функций как над или на межнациональный уровень.

Литература

1. Колтон Т. Победителей нет: украинский кризис и разрушительная борьба за постсоветскую Евразию / Тимоти Колтон, Сэмюэль Чаран // Россия в глобальной политике. Спецвыпуск. – 2017. – Декабрь. – 185 с.
2. Алексеенко И.В. Трансформация института национального государства в условиях глобализации: дис. докт. полит. наук / И.В. Алексеенко. – М., 2006. – 417 с.
3. Шепелев М. Мондиализация как политико-управленческий измерение глобализации: к вопросу о предмете Мироведение / М. Шепелев // Человек и политика. – 2003. – № 4. – С. 82–91.
4. Ткачук Ю.В. Глобализация в сфере политики: институты и механизмы влияния: Автореф. дис. канд. полит. наук / Ю.В. Ткачук. – Одесса, 2004. – 16 с.
5. Эйк К. Опасные связи: взаимодействие глобализации и демократии / К. Эйк / Глобализация, регионализация, региональная политика. Хрестоматия по современной зарубежной социологии регионов. – Луганск : Альма матер-Знание, 2002. – С. 11–25.

ВЕНГЕРСКИЕ СОБЫТИЯ 1956 ГОДА: ПОПЫТКА «ЦВЕТНОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

В октябре 2021 г. исполняется 65 лет с начала венгерских событий, оценка которых неоднократно менялась. В социалистический период они именовались «контрреволюционным мятежом» [2]. С крушением социалистической системы не только в Венгрии, но и в государствах бывшего СССР возобладала оценка событий как «народного восстания», «революции» и даже «национально-освободительной борьбы» [6; 5].

В настоящее время в российском сегменте исторических исследований данных событий можно встретить нейтральную оценку «вооруженное восстание против существовавшего в стране просоветского режима» [3] или «Венгерское национальное восстание» [11]. Однако все чаще события октября-ноября 1956 г. в Венгрии сравнивают с «цветными революциями», технология которых столь активно применяется в последние десятилетия на постсоциалистическом, да и не только, пространстве. Так, Н. Стариков утверждает: «В октябре 1956 года в столице Венгрии был разыгран «цветной» сценарий» [12]. Исследуя американский след в подготовке венгерских событий, проводит параллель с «цветными революциями» Н. Платошкин [10].

Не ставя перед собой задачи подробного анализа технологии «цветных революций», попытаемся сопоставить их основные черты, выделяемые исследователями, с событиями октября-ноября 1956 г. в Венгрии и определить, может ли к данным событиям применяться эта дефиниция.

Так, политолог С. Белковский, анализируя технологии «цветных революций» на постсоветском пространстве, обозначает девять характерных для них черт:

- 1) внешнее давление;
- 2) делегитимизация правящего режима;

- 3) паралич вертикальной социальной мобильности;
- 4) противоречия внутри властной элиты;
- 5) отсутствие проекта будущего;
- 6) оппозиционная сила;
- 7) неспособность власти применить силу;
- 8) регионально-этнические противоречия;
- 9) личная уния бюрократов и политиков в правящем классе [1].

Б.А. Исаев в своей работе «Политическая история: революции» выделяет следующие черты «цветных революций»:

1) системность, т.е. признание «революционерами» существующей политической системы, в рамках которой протестующие действуют. Системность «цветных революций» означает их направленность не на смену политической системы, а на нелегитимный захват власти и приведение политической системы в удобный для себя вид;

2) вооруженный характер. Все акции «революционеров» «цветных революций» сопровождаются пропагандой «революционных» СМИ и общественных организаций о недопустимости применения насилия со стороны властей; в то же время сами «революционеры» постоянно провоцируют полицию на насильственные действия, осуществляют акты вооруженного насилия (например, захват государственных учреждений, разбивка лагеря «революционеров» на центральной площади столицы) и неповиновения властям;

3) быстротечность. «Революционеры», применяя новые технологии воздействия на индивидуальное и общественное сознание и заручившись поддержкой из-за рубежа, сразу переходят к революционным акциям;

4) экспрессивный характер. В «цветных революциях» воздействие на эмоции и чувства основывалось на противопоставлении насилия со стороны полиции и спецслужб по отношению к «революционерам» ненасильственным действиям самих «революционеров», на приписывании протестных настроений большинству населения страны и включении его в число «революционеров»;

5) «цветным революциям», в отличие от классических, не предшествует «эпоха Просвещения» – период революции в умах, переворот в общественном сознании. Цветные «революционеры» не утруждают себя философией и публицистикой для построения «проекта будущего общества»;

6) «цветные революции» согласовываются с зарубежными государственными и общественными организациями, поддерживающими цветных «революционеров» и действующими весьма скоординировано;

7) информационную поддержку цветным «революционерам» оказывают не только оппозиционные СМИ своей страны, но и практически вся пресса развитых стран, определяющая мировое общественное мнение;

8) «революционеры», их сторонники и покровители выдвигают весьма привлекательные и довольно общие лозунги «за демократию», «за свободу», «за права человека», «против коррупции», «против бюрократии» и т.д., и получают, таким образом, моральное преимущество;

9) правящий режим, несмотря на всю свою мощь, наличие полиции, спецслужб, армии и т. д., оказывается морально дезорганизованным перед лицом сравнительно небольшого протестного движения, поддерживаемого как в своей стране, так за рубежом;

10) главным отличием «цветных революций» от классических выступает тот факт, что они имеют своей целью не установление свободы и демократии, а смену правящего режима. При этом свою цель захвата власти «революционеры» умело маскируют под борьбу за права и интересы всего народа [7].

Не освещая подобно ход венгерских событий 1956 г., выделим следующие совпадения с алгоритмом «цветных революций»:

1) противоречия внутри властной элиты. По сути, сами события были спровоцированы борьбой между сторонниками коммуниста-прагматика Имре Надя, возглавлявшего правительство Венгрии в 1953 – 55 гг. и отстраненного от власти, и представителями партийно-государственной верхушки во главе с генсеком Венгерской партии трудящихся Эрне Герё,

продолжавшим курс сталиниста Матьяша Ракоши. И участники студенческих волнений 22 – 23 октября, с которых, по сути, и начались события 1956 года, в качестве одного из центральных требований выдвигали возвращение Надя в правительство.

Заметим, что фигура Имре Надя не менее одиозна, чем его оппонента Матьяша Ракоши. Надь был ставленником Л. Берии и Г. Маленкова. Берия хорошо знал Надя, который, проживая в СССР и работая в Коминтерне, с 1933 года был осведомителем ГУГБ НКВД СССР под псевдонимом «Володя» [11]. В соответствии с документами, имевшимися в архиве КГБ СССР, Имре Надь активно сотрудничал с НКВД и писал доносы на работавших в Коминтерне венгерских коммунистов. По доносам, собственноручно подписанным Имре Надем, были арестованы десятки человек, из которых 15 были расстреляны или погибли в лагерях [9, с. 170].

2) быстротечность. По сути, активные события вместились во временную нишу 23 октября – 10 ноября 1956 г., т.е. заняли 19 дней. 23 октября около 15 часов в Будапеште началась мощная двухсоттысячная демонстрация, закончившаяся штурмом Дома радио. А уже к 10 ноября основные очаги сопротивления были подавлены советскими войсками, хотя диверсии ушедших в подполье продолжались еще до 20-х чисел декабря.

3) делегитимизация правящего режима. Сталинистский режим М. Ракоши и его преемника Э. Герё своими действиями (репрессиями, экспроприационной политикой в отношении крестьянства и т.д.) по сути делегитимизировал себя в глазах населения, лишился доверия масс, что способствовало его моральной дезорганизации и облегчало его падение, чем не преминули воспользоваться восставшие.

4) привлекательные лозунги, выдвигавшиеся восставшими. Первые выступления, пока они еще не перешли в силовую фазу, проходили под лозунгами устранения от руководства и управления страной сталинских ставленников, упразднения полиции госбезопасности, возвращения в правительство Имре Надя, проведения свободных выборов, созыва внеочередного съезда Венгерской партии труда (ВПТ), гарантии свободы слова, восстановления многопартийной

системы и пр. Правда, требования митингующих на глазах радикализировались: в скандируемых лозунгах они уже требовали вывода советских войск из Венгрии и установления равноправных отношений с Советским Союзом. Раздавались также призывы к восстановлению прежней национальной эмблемы Венгрии, а также традиционных национальных праздников. Демонстранты требовали отмены военного обучения и уроков русского языка в школах.

5) активная роль Запада в событиях. Ещё в сентябре 1954 года руководство американского комитета «Свободная Европа» утвердило «Директиву № 15, Венгрия, операция «Фокус», в соответствии с которой была разработана программа «движения национального сопротивления» из 12 пунктов. Радио «Свободная Европа» в специальном цикле передач разъясняло программу. Из 29 передатчиков станции шесть или семь были постоянно нацелены на Венгрию. А в январе 1956 года американская разведка выпустила доклад «Венгрия: активность и потенциал сопротивления». В нём рассматривался «перевод недовольства в фазу активного сопротивления». С 1 октября 1954 года Венгрию начали забрасывать листовками при помощи воздушных шаров. Их вскоре стали запускать тысячами, каждый нёс от 300 до 1000 листовок [11].

В США и в ФРГ (при поддержке американцев) были созданы эмигрантские венгерские организации, ставившие целью реставрацию капитализма. Базировавшийся в ФРГ «Союз венгерских братьев по оружию», объединявший бывших хортистских офицеров, с весны 1955 года приступил к организации и обучению в военных лагерях «добровольцев» для засылки в Венгрию. США финансировали и тренировали венгерских эмигрантов в ФРГ в рамках созданного еще в 1953 году Добровольческого корпуса свободы (Volunteer Freedom Corps). В него входили в основном бежавшие вместе с немцами в годы войны эмигранты из социалистических стран. За корпус отвечали госдепартамент и министерство обороны США, которые предполагали довести его численность до 30 тысяч бойцов [10].

В то же время в венгерских событиях мы видим явные несоответствия самой сути понятия «цветная революция» как

смены правящих режимов, осуществляемой с преимущественным использованием методов ненасильственной политической борьбы. Так, рассмотрим их несоответствие таким вышеуказанным чертам «цветной революции», как системность, невооруженный характер, неспособность власти применить силу.

1) системность, т.е. направленность не на смену политической системы, а на нелегитимный захват власти и приведение политической системы в удобный для себя вид. Если события первых часов еще можно было рассматривать в плане попытки сохранения политической системы социалистического образца, но в откорректированном виде (без сталинизма, с возвращением к многопартийной системе и реальным, а не декларированным свободам), то дальнейшие действия инсургентов вряд ли давали надежду на возможность существования в стране социалистической системы советского образца, да и, вероятно, социализма как такового. Возвращенный на пост главы правительства Имре Надь объявляет о роспуске Венгерской Народной Армии и Венгерской Партии труда (которая и была ядром политической системы).

В дальнейшем, 31 октября Надь объявляет, выступая на площади перед парламентом, что Венгрия снимает с себя обязательства по Варшавскому Договору. Выступая по радио, он говорит о «свободной, независимой, демократической и нейтральной Венгрии» [2, с. 153–154]. Нейтральная Венгрия, не опирающаяся на поддержку СССР, никак не вписывалась в модель социалистической политической системы, и это означало в дальнейшем ее полный демонтаж.

О невозможности сохранения в дальнейшем старой политической системы свидетельствует и массовый наплыв из-за границы вооруженных эмигрантов, бывших хортистов и их активное участие в венгерских событиях. Один из них, бывший офицер хортистского генштаба Бела Кирай даже был назначен Надем на должность председателя «Революционного комитета вооруженных сил охраны внутреннего порядка» [4].

2) невооруженный характер событий. Эта системная черта «цветных революций», безусловно, отсутствовала в

венгерских событиях. Более того, масштаб и формы насилия в Будапеште оставили далеко позади и Украину с ее Небесной сотней, и иные «цветные революции», которые не смогли избежать пусть малой, но крови (и речь идет не только о сакральных жертвах, столь необходимых в технологиях их осуществления).

25 октября во время мирной демонстрации с крыш и чердаков соседних домов по манифестантам и советским солдатам был открыт прицельный огонь (кто устроил провокацию, так и не было выяснено), в ответ на который советские войска применили оружие. После этого градус ожесточения повстанцев резко вырос. Начали действовать вооруженные отряды. Через границу с Австрией, не встречая сопротивления пограничников, на машинах Красного Креста прибывают вооруженные группы. Среди них специалисты по уличным боям. Они вооружены западным оружием. К повстанцам попадает и немецкое оружие времён войны. В Будапеште действуют автономные боевые группы, например Йожефа Дудаша, отряд которого в 400 человек захватил Национальный банк и вместе с ним миллионы форинтов «для продолжения борьбы». В ноябре в процессе подавления восстания было изъято 44 тысяч единиц стрелкового оружия, в том числе 11 тысяч 500 автоматов и около 2 тысяч пулемётов, 62 орудия, из них 47 зенитных. Около 2 тысяч единиц стрелкового оружия было иностранного производства послевоенного периода [11].

Основной жертвой насилия повстанцев (хотя иногда в качестве таковых выступали и случайные люди, но это характерно и, например, для украинских событий 2014 г.) были партийные работники и работники госбезопасности. Так, 29 октября на площади Республики перед зданием горкома партии толпа расправилась с сотрудниками госбезопасности и столичного горкома партии. В ходе расправы было убито 26 человек во главе с секретарем горкома Имре Мезе. Всех коммунистов повесили на деревьях головой вниз (10). Фотографии повешенных коммунистов со следами пыток, с лицами, обезображенными кислотой, обошли весь мир. А корреспонденты иностранных изданий («Монд», «Таймс»,

«Вельт» и др.) писали о 20 повешенных членах Будапештского городского комитета ВПТ и примерно 100 убитых работниках госбезопасности. Жертвами восставших были и советские военные. За 6 дней беспорядков с 24 по 29 октября погибло 350 советских военнослужащих и около 50 членов семей [8].

Из тюрем были выпущены хортисты и уголовные преступники, которые влились в ряды инсургентов, усилив тем самым разгул террора. Всего, по подтвержденным, впоследствии данным, было выпущено и вооружено около 9500 уголовных преступников и 3400 политических и военных преступников [4].

3) неспособность власти применить силу. Для «цветных революций», по крайней мере, успешных, характерна слабая сопротивляемость власти. В венгерском случае власть, переформатированная в начале ноября по рекомендации советского руководства («рабоче-крестьянское правительство», которое возглавил Я. Кадар), смогла защитить себя, пусть и с помощью советских воинских частей.

Таким образом, в венгерских событиях 1956 г. мы можем видеть, как черты, свойственные «цветным революциям» конца XX – начала XXI века, так и противоречащие их сущности. Представляется необоснованным именовать их «первой в Европе цветной революцией», как это иногда делают современные публицисты. Это была скорее попытка «цветной революции», не удавшаяся буквально с первых дней и переросшая в вооруженное восстание.

Литература

1. Белковский С. Общая теория революции, или апология Луки / С. Белковский // Независимая газета. – 2005. – 428 с.
2. Берез Я. Крах операции «Фокус» / Я. Берез. – М. : Политиздат, 1986.
3. Венгерское восстание 1956 года. Досье [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3725940> (Дата обращения: 01.03.2021).
4. Венгрия: кровавая осень 56-го. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://topwar.ru/97465-vengriya-krovavaya-osen-56-go.html> (Дата обращения: 01.03.2021).

5. Всемирная история. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы в 1943 – 1993 гг.: Сборник материалов и методических рекомендаций. – К., 1993.
6. Желицки Б.Й. Венгерские события 1956 г. в свете новейшей венгероязычной историографии / Б.Й. Желицки // Политические кризис и конфликты 50-60 годов в Восточной Европе / отв.ред. Новопащин Ю.С. – М., 1993. – С. 56–92.
7. Исаев Б.А. Политическая история: революции [Электронный ресурс] / Б.А. Исаев. – М. : Юрайт, 2019. – Режим доступа : https://studme.org/373071/politologiya/teorii_praktiki_tsvetnyh_revolyuitsiy#562 (Дата обращения: 01.03.2021).
8. Кровавый Будапешт 56-го [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://shurigin.livejournal.com/82995.html> (Дата обращения: 01.03.2021).
9. Мусатов В.Л. Трагедия Имре Надя / В.Л. Мусатов // Новая и новейшая история. – 1994. – № 1.
10. Платошкин Н. Будапешт: мрачная осень 56-го [Электронный ресурс] / Н. Платошкин // Военно-исторический журнал, 2010 . – № 2. – Режим доступа : <http://history.milportal.ru/archiv/voenno-istoricheskij-zhurnal-2010-g/voenno-istoricheskij-zhurnal-2-2010-g/> (Дата обращения: 11.03.2021).
11. Славин А. Будапешт-1956: восстание обреченных [Электронный ресурс] / А. Славин // Литературная газета. – 2016. – 9 ноября. – Режим доступа : <https://lgz.ru/article/-44-6574-9-11-2016/budapesht-1956-vosstanie-obrechennykh/> (Дата обращения: 11.03.2021).
12. Стариков Н. Венгрия 1956 год – как фашисты убивали коммунистов [Электронный ресурс] / Н. Стариков. – Режим доступа : <https://nstarikov.ru/vengriya-1956-god-kak-fashisty-ubivali-kommunistov-18-81517> (Дата обращения: 15.02.2021).

ПАРИТЕТНАЯ ДЕМОКРАТИЯ КАК ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Модернизационные преобразования предполагают аккумуляцию всех ресурсов общества, особенно в период глобальных вызовов. Актуальность проблемы паритетной демократии в политических институтах обусловлена потребностью в демократическом формировании властных структур, где представлены управленческие качества и интересы всех членов общества. Для эффективного управления демократические политические институты должны мобилизовать интеллектуальный потенциал нации, руководствуясь «качественными» профессиональными признаками. Равный доступ к политическим ресурсам является одной из приоритетных задач для модернизирующегося государства. Особенное значение данный вопрос приобретает, когда идет формирование и трансформация политической культуры и интенсивное развитие политических институтов. Модель реальной паритетной демократии в контексте процессов модернизации требует совместных акций как государства, так и гражданского общества. Поэтому составляющие эффективной модели паритетной демократии должны затрагивать все сферы общества.

Целью данной работы является проанализировать паритетную демократию как фактор процесса модернизации современного общества.

Для категориальной ясности рассмотрим понятие «паритет». Паритет – принцип равного представления сторон, идеальное равенство, состояние относительного равновесия сил, равноценности целей, равенства прав и обязанностей; равенство взаимоотношений двух или более сторон по каким-либо параметрам; равное представительство сторон при решении договорных актов, конфликтов, общественных вопросов [2, с. 930].

Изначально понятие паритетной демократии отождествлялось с гендерным равенством и включало такие параметры как: равное представительство мужчин и женщин в выборных и управленческих должностях; гендерный баланс в законотворческом процессе; равные права и равные возможности для самореализации и участия в общественной жизни и политике всех граждан, независимо от пола, общая ответственность как в частной, так и публичной сферах.

Концепция паритетной демократии была разработана Комитетом по равенству между мужчинами и женщинами и Департаментом прав человека, которые действуют в структуре Совета Европы. Ей было уделено особое внимание на региональном подготовительном совещании в Вене в 1994 г. при обсуждении положения женщин в Европе. Концепция вобрала в себя идеи, широко обсуждавшиеся в те годы женскими организациями многих государств. Эти организации требовали от своих правительств и руководящих органов Европейского сообщества принять конкретные меры по обеспечению реального равенства женщин в структурах власти. Главный лозунг этого времени – паритет, представленность женщин и мужчин в структурах власти по формуле «пятьдесят на пятьдесят». Акцентировано внимание, что только при условии паритетного использования интеллектуального потенциала мужчин и женщин возможны эффективное функционирование политических институтов и самоорганизация демократического общества [3].

На сегодняшний день модель паритетной демократии имеет более широкое понимание и затрагивает не только гендерный аспект, а и другие общественные взаимодействия. Так, современные исследователи рассматривают ее примерно как модель системы сдержек и противовесов, обеспечивающая реализацию равных прав и возможностей для всех участников демократического процесса, создавая определенный баланс интересов [4].

Автор также согласна с тем, что паритетная демократия является более широким явлением, чем гендерное равенство. В систему паритетной демократии параллельно с гендерным равенством предлагаем отнести такие элементы как: социальная

справедливость, адекватное равенство граждан перед законом, систему сдержек и противовесов, корректное распределение ресурсов, политическая инклюзия граждан, развитое гражданское общество, понимание паритета как ценности политической культуры, баланс интересов, эффективное разрешение конфликтных ситуаций, демократическое принятие политико-управленческих решений.

Таким образом, констатируем непосредственную связь паритетной демократии с представлением интересов социальных групп общества в демократических политических институтах. Анализ мировых практик позволил определить, что только при условии паритетного использования интеллектуального потенциала членов общества возможны эффективное функционирование политических институтов и самоорганизация демократического общества. Так как модернизация предполагает эффективное развитие общества с мобилизацией ресурсов, то в свою очередь иллюстрируем непосредственное взаимовлияние между паритетной демократией и модернизацией.

Литература

1. Инглхарт Р. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития / Р. Инглхарт, К. Верцель. – М. : Новое издательство, 2011. – 464 с.
2. Прохоров А.М. Советский энциклопедический словарь / А.М. Прохоров. 4-е изд. – М. : Советская энциклопедия, 1988. – 1600 с.
3. Словарь гендерных терминов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.owl.ru/gender/102>
4. Global Gender Gap Report 2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.weforum.org/reports/global-gender-gap-report-2021>

К ВОПРОСУ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ КАЗАЧЕСТВА

Анализ ситуации в казачьем движении на территории Российской Федерации и сопредельных территориях Луганской и Донецкой Народных Республик выявил ряд неразрешенных на сегодняшний день противоречий, которые влияют на общественное сознание населения и при определенном подходе могут привести к негативному развитию событий. В основе противоречий лежит вопрос о социально-правовом статусе казачества, его экономического и правового устройства в местах компактного проживания казаков. Действующее законодательство разделило казаков на «реестровых» и «не реестровых». Неразрешенным остается вопрос о форме хозяйственно-экономической деятельности казачьих объединений. Научное сообщество расколото своей неспособностью дать четкий ответ на вопрос о происхождении казачества и его статусе в обществе как народа, нации.

Процесс возрождения казачества официально был запущен более 25 лет назад. Был принят ряд федеральных законов и региональных нормативных актов, касающихся казачества, из бюджета страны на его развитие за эти годы были выделены огромные средства, созданы реестр казаков и множество общественных организаций. В настоящее время казачество насчитывает по разным оценкам от семи до десяти миллионов человек.

Однако согласно данным переписи населения 2010 года к казакам себя причисляют 67,5 тысяч человек. Это те люди, которые считают себя казаками по национальности. Национальность – это признак этнической общности людей, включающий общность языка, истории, традиций и культуры. Признак национальности передается по наследству и воспитанием.

Официальное признание казаков народом смогло бы практически полностью и достаточно быстро остановить приход в казачьи объединения лиц не казачьего происхождения, а, следовательно, и прекратить тот список несуразностей, которые возникают в казачестве в среде лиц, не имеющих заложенных еще с детства понятий, принципов и традиций, которые и формируют казака. Необходимо, наконец, признать, что казачество – это не общность интересов отдельных граждан, а многотысячная часть граждан России, объединённых по национальному признаку.

Следующей мерой, которая смогла бы исправить ситуацию, могло бы быть полное упразднение казачьего реестра, как институциональной структуры. Реестр разобщиł казаков, возникли противоречия, которые приняли на сегодняшний день статус неустрашимых. Нереестровые казаки – это те, кто является казаком по рождению. В реестре наблюдается смешение реальных казаков и лиц, пришедших в казачество. Причем мотивы «новообращенных» в абсолютном большинстве являются прагматичными – денежное довольствие, а все остальное для них несущественно. Но именно это «несущественное» и порождает проблему. Именно большой неконтролируемый приток в казачьи объединения лиц не казачьего происхождения породило такое явление как ряженное казачество, создало отрицательный имидж и крайне негативное отношение граждан России к казакам. В казачество подчас вступают любители яркой формы, медалей, погон и чинов, а также от скуки или безделья иные граждане с напрочь отсутствующим собственным национальным достоинством и сознанием. Попадаютя и просто не совсем здоровые психически люди. Вслед за признанием казаков народом и отказ от реестра перестанут существовать и различные псевдоказачьи объединения с сомнительными целями. Реестровый казак – это человек служивый. Вышел в отставку – и ты уже не казак. Настоящий казак – это защитник Отечества от рождения до смерти [6, с. 5].

Помимо прочего, необходимо прекратить процесс с незаслуженным и самовольным присвоением всеми желающими не существующих медалей и наград. Казаки наравне с другими

гражданами России могут и должны при наличии на то реальных оснований получать только те ордена и медали, которые установлены в РФ. Право присваивать чины и раздавать награды превращает казачьи организации в балаган.

Вышеперечисленные меры позволят очистить казачество от всего лишнего и чуждого. Казаки – один из многочисленных народов России и граждане РФ. А потому любые изменения, касающиеся казачества должны осуществляться с учётом интересов, как народа, так и государства.

Необходимо расстаться с практикой создания казачьих школ и кадетских корпусов не на исторических казачьих территориях с поголовным зачислением в них учащиеся любых национальностей. Такие школы и корпуса с традиционным национально-ориентированным воспитанием и обучением наряду с обычными школами должны создаваться только на территориях исторического проживания.

В соответствии с вековыми традициями необходимо всячески поддерживать стремление казаков служить в армии РФ (в том числе из Донбасса), для чего целесообразно создать казачьи части и подразделения на казачьих же землях, куда будут призываться либо служить по контракту (включая командный состав) только казаки. Кроме того, представляется необходимым для государства не препятствовать казакам самостоятельно формировать лёгкие мобильные группы защиты в пределах населённых пунктов, с целью обеспечения порядка и безопасности людей на подконтрольной им территории. Это служба всех казаков, согласно их традиционного служения Отечеству. И не стоит опасаться того, что это может усилить в военно-силовом отношении предполагаемые некоторыми авторами сепаратистские настроения в казачестве. Служение Отечеству – это главная составляющая устройства жизни казаков, гармонично сочетающееся с патриотизмом, привязанностью к своей земле, роду общине, семьях [5, с. 76]. В современной России протестное движение (Навальный и «К») развито значительно масштабнее и сильнее, чем на территориях компактного проживания казаков. Кстати сказать, роль казачества как антитеза протестному антироссийскому, а по сути, антигосударственному движению, не просто

недооценивается, но и не рассматривается вообще. Краснодарский край, где казаки имеют хорошую организацию в рамках реестра, тем не менее, в январе 2021 года оказался среди лидеров протестных акций Навального и его спонсоров. Чем занималось руководство реестрового казачества? Поэтому, говоря о возрождении казачества, не стоит делать упор на реестр, как факт, подтверждающий возрождение казачества. Реестр не делает человека казаком. Казак рождается в своей среде и его становление происходит в семье на основе традиций, воспитания мировоззрения, в основе которого лежит идея, что казачество без Отечества не существует, потому, что смысл казачества – служение Родине. В этой среде «навальные» не появляются, а если и внедряются в нее, то не выживают.

Только имея возможность находиться в своей родной среде и жить по своим традициям, казаки смогут принести максимальную пользу нашему Отечеству, как это было во все века в истории России.

Сегодня, на наш взгляд, необходимо сосредоточить внимание на решении следующих проблем:

1. Принять базовый Федеральный закон в отношении российского казачества. Положение, возникшее после принятия закона о реестровом казачестве является недопустимым, так как оно разделило казаков на «реестровых» и «вольных». Бывшее ранее единство казачьего народа разрушено искусственно. Между казаками возникают неприязненные отношения. Казаки, не входя в состав реестровых, в современной России, существуют на «птичьих правах».

2. На сегодняшний день в государственной политике не существует строго определенных и общепризнанных подходов к самому пониманию проблемы. Это позволяет различным политическим партиям и общественным организациям спекулировать на казачьей тематике и манипулировать казаками.

3. С точки зрения самоуправления, казачество – относительно самостоятельный институт гражданского общества. Поэтому органы казачьего самоуправления не входят в систему органов государственной власти. Однако государство

делегирует казачьим обществам ряд функций, как органам местного самоуправления.

4. Требуется разрешения вопрос о том, считать ли казачество сословием или этносом. Казачество представляет собой самобытный этнос (народ). И это нужно официально признать.

Что мешает внести изменения в гражданское законодательство РФ, которые бы позволили казакам использовать те организационно-правовые формы ведения хозяйства, которые являются для них традиционными? Если законодатель допускает в своем государственном устройстве возможность существования такого правового феномена как «вождь» (у народа крайнего севера в Якутии в поселке Олеринский Суктул) с сохранением образа жизни, то почему многомиллионное казачество, сохранившие свою национальную самобытность, лишены права иметь традиционное общественное и экономическое устройство? В Стратегии государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021 – 2030 годы [2, с. 3] предложено казачьим организациям, не являющимся реестровым казачеством, осуществлять свою хозяйственно-экономическую деятельность в соответствии с нормами права, регулирующим деятельность некоммерческих организаций. Но эта форма ведения хозяйства не свойственна казакам. Опасение того, что это «обособление» может послужить основой сепаратистских настроений явно надуман – в дореволюционной России казаки были опорой государства и защитниками Отечества. А образ жизни казаков, их особое правовое и экономическое устройство обеспечило воспитание новых поколений в духе патриотизма, самопожертвования в деле защиты Родины и государственной власти, которая определила их особый статус. Традиции, культура, патриотизм формировался у казаков именно в условиях специфического хозяйственно-экономического статуса казачьей общины [4, с. 75]. А вот отказ от решения или саботирование этого вопроса является плодотворной почвой для формирования сепаратистских тенденций.

Необходимо разработать не просто новую Федеральную целевую программу государственной поддержки казачьих

обществ на длительную перспективу, а Комплексную программу развития. Федеральная целевая программа поддержки государством казачьих обществ на 1991 – 2001 гг. [1, с. 4] была разработана в июле 1999 г. и утверждена Постановлением Правительства РФ. В последующие годы она не пролонгировалась, а новая не разрабатывалась.

Президентом Российской Федерации определены задачи, которое призвано решать казачество. Главными из них являются:

- патриотическое и нравственное воспитание подрастающего поколения;
- сохранение и приумножение казачьих традиций и культуры;
- участие казаков в поддержании общественного порядка, охране государственной границы в составе общественных формирований;
- природоохранная и экологическая деятельность;
- охрана государственной, муниципальной и личной собственности граждан;
- расширение сети казачьих образовательных учреждений;
- целенаправленная разъяснительная работа с казаками по объединению казачества России.

Все эти правильные, по своей сути, задачи останутся не реализованными пустыми лозунгами, если не будут опираться на обеспеченные правом и экономическими реалиями основы. В 90-х годах XX ст. в стране изменили границы, общественный строй, отношение к собственности, а предоставить в рамках государства право на традиционный образ жизни, в основе которого лежит служение Отечеству – власть не может. Парадокс или умысел?

Возрождение казачества, как полноправного народа в составе государства зависит от реализации комплекса взаимосвязанных теоретических проблем: идеолого-мировоззренческих, экономических, общественно-политических, духовно-культурных, организационно-управленческих. Вопрос о казачестве должен разрешаться с

позиций системного подхода, поскольку все вышеперечисленные вопросы и проблемы являются взаимосвязанными, взаимовлияющими на общественные процессы в стране. Незавершенность и неразрешенность выявленных проблем ведет к их обострению, что может быть использовано организаторами протестных тенденций.

Литература

1. Постановление Правительства РФ от 21 июля 1999 г. № 839 «О Федеральной целевой программе государственной поддержки казачьих обществ на 1999 – 2001 годы».
2. Указ Президента от 9 августа 2020 года № 505 об утверждении Стратегии государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021–2030 годы.
3. Большой толковый словарь донского казачества. Около 18000 слов и устойчивых сочетаний. – М. : Русские словари, АСТ, Астрель, Lingua, 2003.
4. За други своя или все о казачестве. – М. : Международный фонд славянской письменности и культуры, 1993.
5. История Войска Донского и старобытность начал казачества / Коллектив авторов. – М. : Книга по Требованию, 2011.;
6. Плеханов А.А. Казачество на рубежах Отечества / А.А. Плеханов, А.М. Плеханов. – М. : Кучково поле, 2007.

УДК 316.722-029:911.3(470+571)

А.И. Ладыга
(г. Луганск, ЛНР)

РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГЕОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА: ПРЕГРАДЫ И ВЫЗОВЫ

Важнейшей задачей нашей статьи является выяснение основных составляющих русского геокультурного мира, определение роли и места русского геокультурного

пространства и его влияния на процесс формирования современного мирового порядка.

Как отмечают известные российские ученые С. Градировский и Б. Межуев «Российские цивилизационные проекты в своем геокультурном аспекте направлены на интеграцию Российского государства со странами – источниками миграционных потоков в Россию (а не странами, которые принимают эмигрантов из Российской Федерации)» [1]. В этом смысле проектируемый российский геокультурный мир пытаются запустить через проверенные проекты государств «старой» Европы, например, Британского Содружества наций, сообщества франкоязычных государств и другими подобными по своей сути объединениями. Наиболее масштабной попыткой реализации именно такого геокультурного проекта, который трансформирует мир, был Советский Союз, который претендовал на создание новой общности, которая включала в себя даже диаметрально противоположные по своей цивилизационной природе и уровню развития европеизированные народы Балтии, с одной стороны, и народы Средней Азии, с другой. Результатом этого проекта стало его длительное процветание, которое приостановилось благодаря усилиям всех западноевропейских стран во главе с США. Однако попытки формирования позитивной трансформации миропорядка не прекращались. Скажем, на современном этапе в России все большее внимание концентрируется на перспективе, альтернативной «цивилизационному» уплотнению ядра мир-системы, которая, получив оправдание и обоснование в теории, проявляется и на практике, например, в определенных аспектах политики ЕС, которая все больше изолируется от миграционных потоков из государств, которые входили в бывшую колониальную периферию. В то же время российские элиты пытаются построить российский геокультурный мир на более сложной и более перспективной концептуальной основе [1]: сочетании двух антропотоксов – в Россию и из России – и на основе этого создать тот образ будущего, который Россия способна предложить всему миру, находящегося в ожидании начала фазы обострения «войны цивилизаций». Заметим, что предлагается не механический синтез иммиграционных и

эмиграционных потоков, а вынесение проблемы новой мирозвязи в парадигму, которая задается понятием антропотока, предусматривает перенос миграционных перемещений в контекст культурного обмена, а демографические тенденции связываются с задачей культурного воспроизводства. Можно констатировать, что, на основе обобщения позиций и мнений современной российской элиты, с точки зрения теории и практики, единственной возможной и перспективной формой жизни российского социокультурного организма может быть лишь соби́рание «русского» в как можно более широких геокультурных ареалах и распространение в мире российско-культурной идентичности.

В процессе реализации идеи формирования российского геокультурного мира возникает немало вопросов, которые требуют аргументированных ответов: какой «пакет» идентичностей окажется «блокируемым» с точки зрения сохранения управления мир-системы, чтобы она не растворилась в нынешней многообразия? Насколько возможны «конструкторские работы в сфере генезиса идентичностей? Обладает ли «Русский мир» соответствующим гуманитарно-технологическим инструментарием для решения поставленных задач? Сохранят ли элиты российского геокультурного мира моральный потенциал русской культуры для удержания проекта от соблазнов других цивилизационных конкурентов? Какова ограниченность русского геокультурного мира? Можно ли с целью упрощения понимания этого понятия говорить о конкретных границах русского геокультурного мира, скажем религиозной или языковой? Безусловно, все вышеперечисленные вопросы требуют более детального их анализа и изучения. Мы же отметим, что, учитывая всю дискуссионность проблемы определения границ российского геокультурного мира, нынешняя российская элита исходит из того, что границы подобных миров задаются группой различных критериев, а потому не существует единого критерия, с помощью которого можно определить тот или иной мир. В этом контексте становится очевидным, что построить геокультурный мир по аналогу геополитического или с более или менее определенными географическими границами представляется

маловероятным. В то же время на современном этапе мы видим со стороны российского истеблишмента попытку задействовать все три геоподхода одновременно с выделением границ «русского» в мире, что, на первый взгляд, может показаться довольно противоречивым подходом, однако, на самом деле, такая позиция четко вписывается в современный дискурс формирования нового миропорядка.

Однако, по нашему мнению, на этом пути перед Россией стоят немалые препятствия, поскольку интенсивные процессы глобализации, быстрое развитие информационных технологий, формирование новых средств геокультурного и идеологического воздействия приводят не только к проблемам на пути расширения Русского мира, но и к необходимости усиления безопасности нынешнего геокультурного пространства России и разработки ее системной концепции. В результате реализации последней должны быть разработаны системные основы для создания целенаправленной эффективной геокультурной политики Российской Федерации, прежде всего в Евразии, которая включает в себя все постсоветское пространство; состоится описание базовых механизмов усиления геокультурного влияния РФ; систематизируются предложения по структурной координации геополитического, геоэкономического и геокультурного пространства России. Кстати, среди всего многообразия подходов к определению понятия «геокультурное пространство» мы считаем, что наиболее аргументировано его сущность формулирует известный российский политолог Д. Замятин, который под геокультурным пространством России понимает «систему представлений, которая опирается на ряд ключевых географических образов, локальных мифов, территориальных идентичностей и культурных ландшафтов, которые характеризуют российское государство как культурную целостность, которая в своем ментальном смысле имеет тенденцию к своему расширению» [2]. Заметим, что онтологической основой этого пространства, по мнению Д. Замятина выступает Русская культура и русский язык, а базовый смысл существования и функционирования геокультурного пространства России заключается именно в

стремлении к его расширению, то есть увеличению российского влияния в Евразии и в мире в целом [2]. Наряду с этим стоит отметить, что геокультурное пространство России пытаются поддержать путем развития различных культурных, социальных и политических институтов – как общественных, так и государственных, а также неинституционализированными сообществами и отдельными гражданами как на территории современной России, так и за ее пределами. Деятельность подобных институтов может иметь как материальный, так и виртуальный (нематериальный) характер.

Современное геокультурное пространство России сталкивается с рядом серьезных опасностей. Одна из них – возможность постепенной потери российской и/или «русской» идентичности большинством российских сообществ и социальных страт в результате как прогрессирующего роста иммиграционных потоков, так и расширение геокультурного влияния европейского и американского геокультурных пространств, исламского геокультурного пространства (Ближний и Средний Восток, Центральная Азия), а в будущем также и китайского геокультурного пространства.

Следовательно, будущие перспективы России во многом будут зависеть от оперативности развития долгосрочных перспектив видения своих пространственных, геокультурных образов, формирования прочной геокультурной идеологии России. В то же время, концепция геокультурного пространства, которое имеет тенденцию к расширению, по крайней мере, как мы это можем наблюдать на современном этапе, стала основой подобной стратегии развития на базе русской культуры и русского языка как конструктивных компонентов одного из геокультурных пространств мирового значения, которым Россия себя всегда считала и самоидентифицировала.

Литература

1. Градировский С. Русский мир как объект геокультурного проектирования [Электронный ресурс] / С. Градировский, Б. Межуев. – Режим доступа : <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/64> (Дата обращения: 1.02.2021).

2. Замятин Д. Геокультурное пространство России: ключевые положения, интерпретации и перспективное геокультурное проектирование [Электронный ресурс] / Д. Замятин. – Режим доступа: <http://geopolitics.by/analytics/geokulturnoe-prostranstvo-rossii-klyuchevyepolozheniya-interpretacii-i-perspektivnoe#sthash.yVyv7msH.dpuf> (Дата обращения: 2.02.2021).

УДК 94[(470+571):(510)]:[339.94:620.9]

Л.И. Ладыга
(г. Луганск, ЛНР)

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РОССИИ И КИТАЯ В СФЕРЕ ЭНЕРГЕТИКИ: ДОСТИЖЕНИЯ И НЕУДАЧИ

Определимся изначально с общей спецификой энергетического сотрудничества России и Китая:

1. Масштабность энергетического сотрудничества, которая проиллюстрирована имеющимися и запланированными объемами экспорта продукции российского топливно-энергетического комплекса в Китай, так и инвестиций и финансового оборота энергетических проектов;

2. Сотрудничество усиливается поддержкой со стороны высшего руководства, местных органов власти и заинтересованных компаний обеих стран. В частности, можно отметить то, что руководство Автономной Республики Саха демонстрирует активную позицию по привлечению китайских компаний в газовые проекты на своей территории [11];

3. Наблюдается тенденция к расширению. Так, в рамках промышленного процесса оно охватывает инвестиции, технический обмен, разведку, разработку и использование месторождений, транспортировку и хранение ресурсов, а также строительство необходимой для этого инфраструктуры. В секторальном измерении этот процесс работает в диапазоне от торговли нефтью до строительства АЭС.

Конечно, развитие сотрудничества в любой сфере не может достичь практических успехов без наличия

соответствующего механизма для его реализации. Энергетическое партнерство, как и военное и экономическое сотрудничество, являются темой обсуждения во время встреч глав государств и правительств, в ходе которых заключается большое количество энергетических соглашений и меморандумов. Непосредственное содействие со стороны должностных лиц в достижении принципиальных энергетических договоренностей является свидетельством важности этого направления сотрудничества.

В механизм обеспечения энергетического сотрудничества также входят:

- подкомиссия по энергетическому сотрудничеству и подкомиссии сотрудничества в сфере ядерной энергетики в рамках механизма регулярных встреч глав правительств;

- энергодиалог Китай-Россия, получивший институциональное оформление еще в 2008 г. Координацию этой структуры выполняют вице-премьер-министры правительств обеих стран, которые являются руководителями топливно-энергетических комплексов. Энергодиалог отвечает за обеспечение взаимодействия между профильными ведомствами, компаниями и организациями во всех сферах энергетического взаимодействия;

- совместное предприятие «Восток Энерджи», учрежденное в 2006 г. («Роснефть» (51%) и CNPC (49%)) специализирующееся на разведке и добыче энергетических ресурсов на территории РФ [7; 10].

Однако, несмотря на развертывание энергетического сотрудничества в широком диапазоне сегментов, следует учитывать следующие моменты.

Существует антагонизм интересов в отношении контроля энергетических ресурсов Центрально-Азиатского региона (ЦАР), что можно проследить на основе региональных энергетических стратегий сторон.

В частности, Региональная энергетическая стратегия РФ, которая сосредоточена на достижении одновременно политических и экономических целей, выступает в качестве одного из ключевых сегментов для сохранения позиций в ЦАР.

С момента распада СССР усилия Москвы в этом направлении концентрировалась на том, чтобы сохранить контроль над процессом транспортировки углеводородных ресурсов, направляя его исключительно через собственную территорию и не позволяя иностранным компаниям играть здесь определенную роль, следуя при этом формуле: каждая молекула нефти и газа, попадая на российскую территорию, превращается в русскую [2, с. 40]. А потому Россия рассматривала как угрозу национальным интересам реализацию выдвинутых западными компаниями инфраструктурных проектов, как «Баку-Тбилиси-Джейхан» и «Набукко», которые должны были транспортировать энергоносители в обход ее территории с ЦАР. Эта политика позволяла Москве в течение длительное время играть роль монополиста в закупке углеводородных ресурсов Центрально-азиатских государств.

На этом фоне российская сторона в первую очередь несколько по-другому относилась к китайскому проникновению в энергетическую сферу ЦАР, рассматривая направление энергетических потоков на Восток как более приемлемую ситуацию, поскольку в таком случае они не будут создавать конкуренции для российского экспорта на европейском рынке. Об этом свидетельствует то, что реализацию строительства туркменской части газопровода «Центральная Азия – КНР», который соединяет Туркменистан с Поднебесной через территорию Узбекистана и Казахстана, осуществляла дочерняя фирма «Газпрома» – «Стройтрансгаз» [4, с. 43].

Однако растущие потребности в энергоносителях и географическая близость обусловили активную политику Поднебесной с целью получения бесперебойных и значительных по объемам поставок углеводородных ресурсов. При этом китайская региональная политика, опирающаяся на теоретическое основание концепции «сухопутной и морской державы» и стратегии «выхода за пределы» («цзоу чжунь»), а также рассмотрения региона как плацдарма для выхода на рынки Европы, СНГ, Южной Азии и Ближнего Востока, в сочетании с использованием, как и в случае с РФ, подхода «инвестиции в обмен на ресурсы», обусловили активность китайских энергетических компаний в нефтегазовом секторе

Казахстана и газовом секторе Туркменистана (по некоторым оценкам, КНР владеет около 25% добытой нефти и газа в Казахстане, а на импортируемый туркменский газ приходится около 25% потребностей Китая) [5, с. 152; 9, с. 37; 3].

Более того, центрально-азиатская энергетическая стратегия КНР имеет ряд последствий:

1. Строительство нефтепровода «Казахстан-Китай» стало своего рода заменой китайско-российского нефтепровода после неудачных переговоров 2003 г. [8]. С одной стороны, реализация этого проекта создала возможности для развития энергетического сотрудничества Пекина с другими странами ЦА и прорыва на энергетические рынки региона, а, с другой – пошатнуло монополию российских кампаний;

2. Превращение китайского рынка в главный рынок сбыта туркменского газа подорвало российское влияние на экспорт газа из региона и создало дополнительные сложности для реализации геополитической концепции «энергетической сверхдержавы» РФ. Поскольку до этого момента туркменский газ практически активно скупался российской компанией «Газпром» для последующей продажи на европейском рынке;

3. Кроме того, узбекским ответвлением трубопровода «Центральная Азия-Китай» с 2012 г. осуществляется транспортировка природного газа объемом 10 млрд. кубометров/год, что может стать дополнительным рычагом китайского давления при расширении газового партнерства [6]. При этом возникает гипотетическая возможность прямого столкновения интересов сторон в случае существования у них намерений добычи одного и того же объема туркменского газа;

4. В политическом ракурсе РФ в ближайшем будущем может потерять монополию на транспортировку углеводородного сырья из ЦАР, что фактически будет означать рост многовекторности во внешней политике стран региона и уменьшении роли Москвы;

5. В противовес этому политическое влияние Китая растет как в регионе, так и на постсоветском пространстве [1].

Опираясь на проведенный выше анализ, можно отметить, что развитию экономического и энергетического партнерства между Китаем и Россией способствуют факторы

географической близости, экономической взаимодополняемости и актуального высокого уровня политического сотрудничества.

Однако актуальная модель двусторонних торгово-экономических отношений детерминирована наличием ряда дисбалансов и диспропорций в развитии сотрудничества. При этом мы считаем, что актуальные проблемы в этой сфере взаимоотношений следуют из структурно-системных слабостей экономического потенциала РФ и растущей экономической мощи КНР, то есть диспаритетом возможностей влияния сторон друг на друга в процессе двустороннего экономического взаимодействия и, как следствие, возникновение асимметричной взаимозависимости.

Это проявляется в применении сторонами дискриминационных подходов, что не соответствует критериям стратегического партнерства. Так, несмотря на замечания российской стороны о необходимости диверсификации структуры товарооборота, наличия стабильного диспаритета торгового баланса, защиты интеллектуальных прав собственности, экологических убытков, китайская сторона неуклонно придерживается курса реализации собственных коренных национальных интересов. Россия, со своей стороны, длительное время ограничивала экономическое сотрудничество из-за опасений усиления зависимости от КНР.

Экономическое партнерство отвечает в основном национальным интересам Китая. Который фактически задает повестку дня сотрудничеству, учитывая мощный экономический потенциал, что, в свою очередь, может привести в будущем или к обострению отношений между сторонами или же к закреплению за Россией статуса «младшего брата», вероятность чего возрастает в связи с осложнением ее экономического и геополитического положения.

Топливо-энергетическое сотрудничество основывается на комплементарности энергетических интересов сторон и потребности в диверсификации партнеров. Вследствие этого данный сегмент стратегического партнерства превратился в важную составляющую внешнеполитических стратегий обоих государств, что подчеркивает заинтересованность сторон в сотрудничестве, которая к тому же подкрепляется фактами

долгосрочности заключенных соглашений и положительной оценкой, как со стороны высшего руководства, так и на экспертном уровне обоих государств.

Однако, несмотря на наличие позитивных факторов, развитие сотрудничества в нефтегазовом сегменте отмечено затяжным переговорным процессом. Это можно объяснить, как исключительной важностью для сторон энергетической безопасности и разнонаправленностью подходов к ее реализации, так и высоким уровнем приоритетности для каждой стороны достижения максимальных прибылей, что станет ключевым фактором, с одной стороны, в реализации Россией концепции «энергетической сверхдержавы», а с другой, продолжении процесса экономической модернизации, что позволит закрепиться в статусе глобальной сверхдержавы Китаю.

Наблюдается также соперничество за контроль над экономиками стран ЦАР, в том числе на уровне реализации интеграционных проектов, где все большего успеха достигает китайская сторона.

Впрочем наличие положительной, поступательной динамики в развитии экономических и энергетических отношений (рост объемов товарооборота и торговли энергетическими ресурсами, инвестиционного потока), широкая нормативно-правовая база и разветвленный механизм реализации, долгосрочные проекты сотрудничества доказывают стратегический характер этих сфер партнерства, где, несмотря на критичность оценки, факторы взаимодополняемости народных хозяйств сторон и стремление ослабления доминирования западной экономической модели выступают движущими силами процесса. При этом топливно-энергетическая сфера будет выступать одним из основных направлений дальнейшего развития стратегического партнерства.

Следует подчеркнуть, что позитивные тенденции преобладают над проблемными аспектами, однако на этом этапе развития отношений руководство обеих сторон явно сосредоточено на дальнейшем развитии этих векторов взаимодействия.

Литература

1. Казанцев А.А. Дилеммы энергетической политики России в Центральной Азии / А.А. Казанцев // Экономическая политика. – 2018. – № 5. – С. 177–190.
2. Китай начнет строить свой участок «Силы Сибири» весной 2015 года [Электронный ресурс] // НТВ. – 2014. – 1 сентября. – Режим доступа : <http://www.ntv.ru/novosti/1205399>. – Название с титула экрана.
3. Китай проникает в Среднюю Азию, пока Россия и США делят военные базы [Электронный ресурс] // Однако. – 2012. – 8 января. – Режим доступа : <http://www.odnako.org/blogs/kitay-pronikaet-v-srednyuyu-aziyu-poka-rossiya-i-ssha-delyat-voennie-bazi/>. – Название с титула экрана.
4. Петерсен А. Россия, Китай и энергетическая геополитика в Центральной Азии / Александрос Петерсон при участии Катинки Барыш. – М. : Пресс клуб сервис, 2012. – 94 с.
5. Семенова Н.К. Китайский энергетический вектор: значение ШОС и безопасность в Центральной Азии / Н.К. Семенова // Восточная аналитика. – 2019. – № 3. – С. 144–160.
6. Узбекистан начал поставки газа Китаю [Электронный ресурс] // Общество дружбы «Китай-Узбекистан». – 2012. – 5 апреля. – Режим доступа : <http://china-uz-friendship.com/?p=299>. – Название с титула экрана.
7. Хлопов О.А. Китайский фактор международной энергетической безопасности [Электронный ресурс] / О.А. Хлопов // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2011. – № 4. – Режим доступа : <http://cyberleninka.ru/article/n/kitayskiy-faktor-mezhdunarodnoy-energeticheskoy-bezopasnosti>. – Название с титула экрана.
8. Центральная Азия – конфликт интересов между КНР и Россией? [Электронный ресурс] // «Женьмин жибао» онлайн. – 2012. – 11 января. – Режим доступа : <http://russian.people.com.cn/95181/7701778.html>. – Название с титула экрана.

9. Центральная Азия: роль в перестройке мировых рынков нефти и природного газа / Под ред. С.В. Жукова. – М. : ИМЭМО РАН, 2014. – 104 с.
10. ЭнергодIALOG Россия – Китай [Электронный ресурс] // Сайт Министерства энергетики Российской Федерации. – Режим доступа: <http://minenergo.gov.ru/node/49>. – Название с экрана.
11. Xia Yishan. China-Russia Energy Cooperation: Impetus, Prospects and Impacts [Электронный ресурс] / Yishan Xia // Japanese Energy Security and Changing Global Energy Markets: an Analysis of Northeast Energy Cooperation and Japan's Evolving Leadership in the Region. – James A. Baker III Institute for Public Policy of Rice University, 2000. – Режим доступа : <https://bakerinstitute.org/files/2660/>. – Название с титула экрана.

УДК 327[(470+571):(479.22)] "19"

*Л.С. Милокост
(г. Луганск, ЛНР)*

РОССИЙСКО-ГРУЗИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Отношения со странами Южного Кавказа являются одним из основных направлений внешней политики Российской Федерации. На этом направлении наиболее проблематичным для России оказалось выстраивания конструктивных отношений с Республикой Грузия, которая активно ищет пути интеграции в европейские экономические и политические структуры, стремясь участвовать в формировании новой структуры безопасности на основе атлантизма. В новых условиях XXI века необходим пересмотр концептуальных подходов в стратегии взаимоотношения Российской Федерации и Грузии, что актуализирует необходимость рассмотрения истории развития российско-грузинских двусторонних отношений в конце XX – начале XXI вв.

Развитие двусторонних отношений Москвы и Тбилиси было изначально связано с урегулированием существующих конфликтов на территории Грузии. Нормализация ситуации в Абхазии и Южной Осетии стала основой формирования договорных отношений между Москвой и Тбилиси. Поэтому, несмотря на то, что Российская Федерация и Республика Грузия действительно приступили к формированию межгосударственных отношений с 1992 г., необходимо констатировать отсутствие существенного динамизма в этом процессе вплоть до 1994 г. Именно в этот период было подписан Договор между Российской Федерацией и Республикой Грузия о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве, который создавал предпосылки для дальнейшего развития отношений во всех сферах взаимодействия [1].

Во второй половине 1990-х гг. на развитие российско-грузинских отношений существенное влияние стали оказывать, во-первых, повышение заинтересованности в Грузии со стороны Вашингтона и Брюсселя; во-вторых, вопрос о пребывании на грузинской территории российских военных баз, в-третьих, чеченская проблема, которая была вызвана как позицией Грузии, так и активностью чеченских бандформирований в пограничной зоне.

В период 1992 – 2003 гг. наблюдается развитие торгово-экономических отношения между Россией и Грузией, стимулирующее воздействие на динамику которых оказало подписание Соглашения о свободной торговле [7] и Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве [8]. Несмотря на это, по объемам торгово-экономических отношений Грузия занимала последнее место среди стран-партнеров России по СНГ.

В 2003 г. – начале 2005 г. в российско-грузинских отношениях можно наблюдать определенные попытки сохранения диалога, о чем свидетельствует позиция Москвы в ходе и «революции роз», и кризиса в Абхазии. М. Саакашвили изначально подчеркивал значение для Грузии как экономических отношений с Россией, так и сотрудничества в военной сфере. При этом, торгово-экономические отношения в

данный период развивались достаточно неравномерно, испытывая действия, как общей экономической конъюнктуры, так и общей динамики политического диалога между Москвой и Тбилиси [6].

Начиная со второй половины 2005 г., наблюдается постепенное ухудшение двусторонних отношений, которое во многом было вызвано стремлением нового грузинского руководства дистанцироваться от Москвы, позиционировав евроатлантический выбор Грузии. Одними из основных проблем в отношениях Грузии и России периода первого президентства М. Саакашвили оставались вопросы, во-первых, о выводе российских военных баз с территории Грузии, во-вторых, об изменении мандата миротворческих операций в Южной Осетии и Абхазии путем их интернационализации – перехода под эгиду ООН или ОБСЕ. При этом в каждом из этих вопросов позиция грузинского руководства была поддержана США.

В первом вопросе Москве и Тбилиси удалось выработать компромиссный вариант решения: во-первых, были согласованы сроки и механизм вывода российских военных баз до 2008 г.; во-вторых, грузинская сторона брала на себя обязательства по созданию нормальных условий их функционирования до завершения вывода. Относительно вопроса об изменении мандата миротворческих операций в Южной Осетии и Абхазии, то стремление грузинского руководства не были поддержаны Москвой.

В марте-октябре 2006 г. происходит существенное ухудшение российско-грузинских отношений в виду так называемых «винного» и «шпионского» скандалов. Однако, это, прежде всего, было своеобразным отражением ухудшения отношений Москвы и Тбилиси в виду обострения ситуации вокруг Южной Осетии и Абхазии, решения М. Саакашвили усилить грузинское военное присутствие в зоне конфликта. Кризис в двусторонних отношениях 2006 г. привел к свертыванию политического диалога на высшем уровне, приостановлению сообщения между РФ и Грузией, вывода российских подразделений, ужесточению визового контроля.

К прекращению практически всех институциональных отношений между Российской Федерацией и Республикой

Грузия привел грузино-югоосетинский конфликт августа 2008 г., который таким образом трансформировался из внутригрузинского кризиса в кризис российско-грузинских двусторонних отношений.

Официальная позиция Российской Федерации по поводу событий августа 2008 г. в Южной Осетии была озвучена президентом Д. Медведевым, в соответствии с которой грузинские войска совершили акт агрессии против российских миротворцев и мирных жителей [3], что потребовало адекватных действий со стороны России. Начало операции грузинских вооруженных сил в августе 2008 г. официальным Тбилиси объяснялось, прежде всего, как попытка «восстановить конституционный порядок» или как вынужденный ответ на ввод российской армии в Южную Осетию.

После событий августа 2008 г. формальные отношения между Россией и Грузией начали осуществляться при посредничестве швейцарских дипломатов. 13 декабря 2008 г. было подписано двустороннее межправительственное соглашение о представительстве Швейцарской Конфедерацией интересов Российской Федерации в Грузии [4]. Единственным форматом, в котором Москва и Тбилиси смогли осуществлять контакты, стали переговоры в Женеве.

С 5 марта 2009 г. была возобновлена работа по выдачи виз между РФ и Грузией при посольствах Швейцарии. В октябре 2010 года грузинская сторона объявила о введении безвизового въезда в Грузию для российских граждан, проживающих в северокавказских республиках России. В августе 2011 года Д. Медведев заявил, что Российская Федерация готова рассмотреть предложения грузинской стороны об облегчении визового режима, но не от М. Саакашвили, который в феврале 2010 г. был объявлен российским президентом персоной нон грата.

29 февраля 2012 года грузинское руководство в одностороннем порядке отменило визовый режим с Россией, что, по мнению российской стороны, носило более популистский характер с учетом существования определенных норм законодательства Грузии, в соответствии с которыми «часть российских граждан при въезде в страну автоматически

подлежит уголовному преследованию». В ответ на одностороннюю отмену визового режима России заявила о готовности ввести на взаимной основе безвизовый режим с Грузией при надежных правовых условиях гарантии безопасности и предложила восстановить дипотношения [2].

Со сменой власти в 2013 г. процесс нормализации отношений между Российской Федерацией и Грузией сдвинулся с мертвой точки. В этом аспекте организация и функционирование диалога Абашидзе-Карасин стали одним из возможных форматов двустороннего взаимодействия. Определенная положительная динамика наблюдается в развитии торгово-экономических отношениях и гуманитарной сферах, то есть там, где это в принципе возможно при отсутствии дипотношений. Однако на данном этапе серьезное грузинско-российское сближение представляется невозможным, исходя, во-первых, из диаметрально противоположных позиций Москвы и Тбилиси в отношении Абхазии и Южной Осетии, во-вторых, стремления Грузии стать полноправным членом НАТО.

Литература

1. Договор между Российской Федерацией и Республикой Грузия о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве от 3 февраля 1994 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://base.garant.ru/1148098/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/1>.
2. Заявление официального представителя МИД России А.К. Лукашевича в связи с объявлением Грузией безвизового режима для граждан России [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.mid.ru/ru/maps/ge/-/asset_publisher/uwNHxf8KDaOY/content/id/166690.
3. Заявление Президента России Д.А. Медведева в связи с ситуацией в Южной Осетии [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.mid.ru/ru/maps/ge/-/asset_publisher/uwNHxf8KDaOY/content/id/328894.
4. Интересы РФ в Грузии будет представлять Швейцария [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ria.ru/20081003/151857146.html> (Дата обращения: 27.03.2019).

5. О развитии российско-грузинского экономического сотрудничества [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.mid.ru/ru/maps/ge/-/asset_publisher/uwHHxf8KDaOY/content/id/485616.
6. Российский статистический ежегодник, 2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/year/year18.pdf.
7. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Грузия о свободной торговле [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-363/48251.
8. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительства Республики Грузия о торгово-экономическом сотрудничестве в 1994 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-363/48200.

УДК 327

О.А. Дибас
(г. Луганск, ЛНР)

РОЛЬ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В УРЕГУЛИРОВАНИИ КОНФЛИКТОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Государство, оставаясь главным актором международных отношений, уже не является единственным участником разного рода взаимодействий на международной арене. Государство, конечно же, сохраняет за собой определение «традиционный участник МО», а также эксклюзивное право на легитимное насилие. Оно, несомненно, продолжает играть ключевую роль в международных отношениях наших дней. Однако новые, так называемые «нетрадиционные» участники международных отношений сегодня зачастую способны не только обращать на себя внимание различными,

осуществляемыми ими действиями на международной арене, но и составлять значительную конкуренцию государству в этой области

Различные неправительственные организации (НПО) сегодня уже в полной мере доказали, что они являются полноправными участниками современной системы международных отношений, и с их деятельностью в международной политике уже не могут не соотносить свои действия все остальные международные акторы [1].

Одной из характерных черт современных международных отношений является нарастание конфликтности в различных регионах мира, зоной особой турбулентности можно назвать постсоветское пространство, которое сотрясилось различными конфликтами: этническими, этно-религиозными, гражданскими, международными, что отражалось как на динамике взаимодействия официальных акторов международных отношений так и на общем ощущении стабильности и доверия между акторами международных отношений постсоветского пространства.

Если в 2014 году тематику необходимости поиска путей решения «замороженных» и «дремлющих» конфликтов постсоветского пространства актуализировал Украинский кризис, то уже осенью 2020 года произошло обострение на Карабахском направлении, что закономерно актуализировало необходимость поиска механизмов решения конфликтов и потенциального расширения архитектуры урегулирования конфликтов за счет задействования различных площадок и деятельности НПО.

Изучением вопросов деятельности НПО, экспертной дипломатии и развитию неофициального посредничества посвящен ряд отечественных авторов среди которых хотелось бы отметить С.В. Генюш [2], М.Ю. Лебедеву [3], Р.С. Мухаметова [4]

Как отмечал Р.С. Мухаметов «сложность внутригосударственных и межгосударственных конфликтов стала серьезной проблемой для области разрешения конфликтов. Наиболее распространенными методами урегулирования конфликтов являются переговоры,

использование услуг третьей стороны и посредничества с целью помочь сторонам прийти к согласию. В качестве официальных медиаторов, как правило, выступают межгосударственные организации и отдельные государства. Однако в последнее время свой вклад в область управления конфликтами и построения мира вносят неправительственные некоммерческие организации» [4, с. 66].

Как нам представляется, в сфере урегулирования международных конфликтов НПО могут выполнять две основные роли.

Во-первых, в рамках превентивной дипломатии НПО предпринимают меры по предотвращению перерастания межгосударственных споров в вооруженные конфликты, содействуя диалогу и создавая условия для взаимопонимания сторон. НПО вносят свой вклад в поддержание или улучшение отношений между сторонами. Они содействуют установлению контактов с целью снижения напряженности между участниками конфликта. Данная практика получила название «второе направление дипломатии» (track two diplomacy). В научной литературе можно встретить другие названия: «неофициальная дипломатия» и «экспертная дипломатия» [4, с. 66].

Во-вторых, НПО могут играть роль посредника и медиатора. В данном случае их деятельность направлена на разрешение уже существующих вооруженных конфликтов и примирение конфликтующих сторон. Данная практика получила название «полуторного направления дипломатии» [4, с. 67].

Среди организаций, которые занимаются разрешением как международных, так и внутригосударственных конфликтов, можно выделить:

- Центр за гуманитарный диалог (Женева);
- Центр Картера (Атланта);
- Институт мира (Вашингтон);
- Инициатива по преодолению кризисов (Crisis Management Initiative) (Хельсинки);
- Институт проблем мира (Swisspeace) (Берн и Базель, Швейцария).

Неправительственные некоммерческие организации являются каналами коммуникации по обмену информацией и точками зрения между участниками конфликта, оказывая таким образом помощь сторонам в понимании интересов и целей друг друга.

Если останавливаться более детально, то за конкретный пример международной неправительственной организации можно взять СМІ, которая успешно занимается миротворческой деятельностью и урегулированием конфликтов с 2000 года, с момента учреждения организации Мартти Ахтисаари (лауреат Нобелевской премии мира, бывший президент Финляндии).

Так, деятельность СМІ предполагает как завершенные проекты, среди которых «Содействие разрешению и предотвращению конфликтов в Черноморском регионе» так и активные на современном этапе.

В рамках «Содействию разрешению и предотвращению конфликтов в Черноморском регионе» СМІ предоставил участникам гражданского общества платформу для совместной работы по урегулированию конфликтов в Черноморском регионе.

Необходимо отметить, что в странах Черноморского региона произошло несколько ожесточенных конфликтов в период с 2009 по 2013 год и СМІ работал в этом регионе, чтобы помочь представителям гражданского общества развить навыки мирного разрешения существующих конфликтов. Деятельность организации была направлена на оказание помощи субъектам гражданского общества в Черноморском регионе в анализе тенденций конфликтов и нахождении путей их решения. Еще одним направлением деятельности являлась попытка предотвращения конфликтов в будущем.

СМІ предоставлял участникам гражданского общества платформу для совместной работы по урегулированию конфликтов в Черноморском регионе. Усилия включали выработку рекомендаций как для местных, так и для международных участников. В рамках проекта были созданы сети гражданского общества по миростроительству в семи странах: Армении, Азербайджане, Грузии, Молдове, России,

Турции и Украине. Участники проекта из всех этих стран использовали метод СМІ Foresight для изучения развития социального капитала и связанных с ним вопросов [5].

Необходимо отметить, что хотя проект «Черноморская миротворческая сеть» является завершенным, но при этом текущая работа СМІ на Южном Кавказе, в Молдове и Украине основывается на достижениях Черноморской сети.

На современном этапе в рамках деятельности СМІ на Евразийском пространстве как раз представлены преимущественно конфликты постсоветского пространства, которые представлены в рамках 4 действующих проектов: «Диалог в Украине и вокруг нее», «Южный Кавказ», «Гагаузия – парламентские диалоги», «Приднестровский процесс урегулирования» [5].

В рамках «Диалога в Украине» одним из выбранных направлений деятельности является поддержка национального миростроительного потенциала, что осуществляется при помощи деятельности Национальной платформы – «Диалог о мире и безопасной реинтеграции». Заявленная цель которого состоит в том, чтобы «обеспечить непрерывное функционирование беспристрастной, профессиональной и инклюзивной общественной платформы для поддержки достижения устойчивого мира в Украине. Как значится на официальном сайте СМІ «платформа предоставляет регулярную, публичную и профессионально модерлируемую площадку для обсуждения эффективных политик реинтеграции и обеспечения национального единства в Украине, а также международного опыта укрепления доверия и устойчивого мира» [5].

Отметим, что, так как данное направление деятельности является одним из приоритетных, то хотя Национальная платформа действует с февраля 2018 года при финансовой поддержке Швейцарии и Финляндии, то уже с 2019 года финансируется и Европейским союзом.

При этом анализ информационного контента сайта «Национальной платформы "Диалог о мире и безопасной реинтеграции"» демонстрирует некоторое расхождение в интерпретации реализуемых целей Платформы. Согласно

официальным выставленным в публичное пространство документам «это площадка для поиска консенсуса по мирному процессу на Востоке Украины и для разработки рекомендаций органам власти. Проект предусматривает приход к договоренностям через расширение общественного участия в мирном процессе; предоставление предложений власти в выработке соответствующей политики, в том числе по вопросам безопасной реинтеграции и национального единства, а также обеспечения общественной осведомленности в этих процессах» [6].

Проект реализуется на трех уровнях: национальном, региональном и «низовом» общественном. При этом возникает весьма резонный вопрос насколько эффективно происходят консультации в рамках деятельности данной Платформы с представителями Республик Донбасса, могут ли они оказывать действенное влияние на принимаемые и транслируемые власти решения, учитывается ли мнение населения приграничных территорий зоны конфликта или продиктованы существующим социальным заказом действующей власти или международных правительственных организаций, которые в качестве содонора принимают участие в финансировании данной Платформы.

Таким образом, в урегулировании конфликтов на постсоветском пространстве принимают участие как официальные традиционные акторы международных отношений – государства и международные правительственные организации, при этом достаточно активны международные неправительственные организации целью деятельности которых является миротворчество, посредничество и фасилитация существующих конфликтов. Хотя с некоторыми проектами в рамках их деятельности вызывают определенные сомнения, а иногда даже и опасения в zaangażированности, но необходимо отдавать должное и положительным проявлениям их деятельности в виде налаживания горизонтальных связей гражданского общества.

Литература

1. Довженко М.В. Роль неправительственных организаций в урегулировании политических конфликтов современности: автореферат дис. ... кандидата политических наук: 23.00.04.

2. Генюш С.В. Экспертная дипломатия: гражданское общество на службе внешней политики / С.В. Генюш // *Контурсы глобальных трансформаций: политика, экономика, право.* – 2012. – Вып. 5. – С. 14–25.
3. Лебедева М.М. Развитие неофициального посредничества в современном мире: тенденции, проблемы, перспективы / М.М. Лебедева // *Вестник Московского университета. Сер. 18 // Социология и политология.* – 1998. – № 3. – С. 5–10.
4. Мухаметов Р.С. Место и роль неправительственных организаций в урегулировании международных конфликтов / Р.С. Мухаметов // *ДискурсПи. Парадигмы и процессы.* – №1 (30) 2018. – С. 65–72.
5. Регионы и темы. Официальный сайт СМИ [Электронный ресурс] : сайт – Режим доступа : <https://cmi.fi/our-work/regions-and-themes/#eurasia> (Дата обращения: 02.03.2021)
6. Національна платформа «Діалог про мир та безпечну реінтеграцію» [Электронный ресурс] : сайт – Режим доступа : http://www.ucipr.org.ua/index.php?option=com_content&view=article&id=1073:oc-nka-parlamentskih-vibor-v-kr-z-prizmu-prav-lyudini-2&catid=en (Дата обращения: 05.03.2021)

УДК [323.272:164.02] (292.4/5)

*Д.М. Писаний
(г. Луганск, ЛНР)*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО СИМВОЛИЗМА «ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ» НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В настоящее время уже ни для кого не секрет, что «цветная революция» – это тщательно проработанная политическая технология, успешно апробированная в разных регионах мира. В механизмах таких «революций» очень важное место отводится воздействию внешних факторов. Образно

говоря, если «искра», из которой «разгорается» революционное «пламя» и находится внутри социума, то уж «топливо», на котором поддерживается революционное «горение» подвезится «со стороны».

Уже несколько лет назад «цветные революции» стали объектами сравнительных политических исследований. Содержание таких изысканий довольно многогранно. Так, весьма ценная фактическая информация и теоретические построения содержатся в работах Дж. Шарпа, В. Жарихина, А. Наумова, М. Будиной, А. Прокофьева [1–5]. Но немало аспектов данной проблематики почти не раскрыты. В частности, в дополнительном изучении нуждается символика революций, в т.ч. иерархия символов, вопросы их заимствования и трансформации, спонтанный или «проектный» характер каждого «бренда». Анализу этих вопросов посвящен настоящий доклад.

Перед рассмотрением символов целесообразно кратко вспомнить ключевые факты первых «цветных революций» на территории СНГ.

Страна	Название	Хронологические рамки	Прежний лидер	Кто взял власть
Грузия	Революция роз	2003, 2 – 23 ноября	Э. Шеварднадзе	М. Саакашвили
Украина	Помаранчевая	22 ноября 2004 – 23 января 2005 гг.	Л. Кучма	В. Ющенко
Киргизия	Тюльпановая	2005, 27 февраля – 11 апреля	А. Акаев	К. Бакиев

Главным следствием «цветных революций» была смена государственных лидеров, а потом и полная «перезагрузка» вертикали власти. Чтобы такие дерзкие замыслы удались, да к тому же бескровно, нужно было мобилизовать сотни тысяч людей. А задолго до начала протестов нужно было предварительно обучать активистов.

Для сохранения протестной атмосферы и перенаправления энергии масс в соответствующее русло нужно

мощное эмоционально-психологическое воздействие, направленное на подсознательную и даже бессознательную сторону человеческой психики. Символы для этого прорабатывались тщательно. Начнем с образов, сразу позиционировавшихся как «брэнды» революций.

Так, в Киргизии это был тюльпан. В Грузии одним из главных символов революции была красная роза. Протестующие также широко использовали белый цвет. Его человек ассоциирует со светом, днем, когда люди наиболее активны и воспринимают окружающее отчетливо и ясно. Также это образец чистоты мыслей и поведения. Кстати, после победы революции был изменен государственный флаг, объединивший два «протестных» цвета.

В Украине узнаваемых символов – «брэндов» было, как минимум, три. Во-первых, это желто-оранжевый (помаранчевый) цвет. Он символизирует восходящее солнце. Оттенки этого цвета предпочитают энергичные люди, что было использовано для манипулирования сознанием людей с целью более активного вовлечения в протестное движение.

Конкретным «осязаемым» воплощением были апельсины, которые «благодетели» щедро раздавали участникам майдана. В связи с этим уместно вспомнить ироническое стихотворение «Плач Януковны», написанное и опубликованное в прессе в разгар предвыборной борьбы накануне 3-го тура. Прим. Авторская лексика и орфография сохранены.

*В Донецьку-граді так чарівно –
Там стогне, плаче Януківна.
«Була я, – каже, – на Майдані,
Де всюди – п'яні наркомани,
Американські мокасіни
Й наколотіє апельсіни.
Один з'їдять – беруть другою,
Туди я більше ні ногою!
Аж до сіх пор мені протівно –
Як вспомінаю шабаш той...».*

Во-вторых, подкова в конце лозунга «Ющенко – так!». Это многовековая традиция, символ защиты, счастья, удачи. «Помаранчевые» идеологи как бы «монополизировали» её в

пользу своего кандидата. В-третьих, у революции был даже своеобразный «гимн». Это хип-хоп композиция «Разом нас багато» группы «Гринджоли». Скандальное «послевкусие» от событий на майдане – посыл заполитизированной песни на 50-й, юбилейный, конкурс «Евровидение», который благодаря победе Русланы Лыжичко проходил в Киеве. Над этим «самолюбованием» президента Ющенко смеялись не только внутри страны, но и далеко за её пределами.

Очертив «брендовый» пласт, перейдем ко вторичным, но также очень важным символам революционных событий в СНГ. Так, сами лидеры революций тоже стали их символами. Но Саакашвили, Ющенко и Бакиев не были «политиками с улицы» (в отличие, скажем, от Леха Валенсы). Это были узнаваемые политики с многолетним стажем и широким кругом связей внутри политического класса.

Кроме того, в числе лидеров революций неизменно оказывались эффектные харизматичные женщины (Нино Бурджанадзе, Юлия Тимошенко, Роза Отунбаева). Если говорить о «женском следе», как тут не упомянуть иностранных жен Саакашвили и Ющенко. Это Сандра Рулофс и Кэтрин Клэр Чумаченко соответственно. Обе замечены в связях с Госдепартаментом США.

Как известно, человека видно по поступкам. Некоторые действия оппозиционных лидеров в разгар борьбы также имели символическое значение и были призваны придать им «вес» в глазах толпы. В Грузии это слом и сожжение президентского кресла Э. Шеварднадзе, выброшенного с 11-го этажа после прихода Саакашвили в здание парламента.

В Украине это импровизированная «присяга» Ющенко в здании Верховной Рады на Острожской Библии. Спикер Верховной Рады Владимир Литвин отмечал, что этот шаг не влечет за собой никаких юридических последствий. А Юлия Тимошенко заявила, что этим практически была обеспечена победа оппозиции. Взвинченному народу хотелось эффектных зрелищ, и политики на них не скупилась.

Если же говорить о символах «поневоле», то во всех трех странах таковым, безусловно, является беспомощный и бездействующий силовик. Подчеркнуто «мирный» характер

демонстраций вместе с давлением со стороны западных держав лишал действующую власть оснований для применения легитимного насилия. Милиция (полиция) находилась как бы между «молотом и наковальней». С одной стороны – инструкции властей, запрещающие применение силы, с другой – многотысячные толпы протестующих, от которых можно было ожидать не только цветов и ленточек, но и совсем других действий. Например, захваты земель, грубые жесты, снятие одежды догола, насмешки над должностными лицами, «демонстративные похороны», «ненасильственное преследование», возведение баррикад и т.д.

То есть стражи порядка подвергались психологическому насилию. К слову, в США такое просто невозможно представить. Пример Фергюсона это подтверждает. И вообще, даже за простое прикосновение к полицейскому, находящемуся при исполнении, человека там могут арестовать на месяц.

Еще один символ революций – это оппозиционные СМИ. В Грузии это телеканал «Рустави – 2», в Украине – агентство УНИАН, в Киргизии – медиа-холдинг «Пирамида». Грузинский канал, например, неоднократно показывал д/ф «Свержение диктатора» (о «бульдозерной революции» в Югославии) с последующим обсуждением. Наконец, символом революций можно считать радикальную молодежь, которая якобы «сражается за светлое будущее». В Грузии «сердитых молодых людей» объединяла организация «Кмара», в Украине – «Пора», в Киргизии – «Кел-Кел» и «Бирге».

Как молодежные организации, так и оппозиционные СМИ щедро спонсировались из-за рубежа. «Заказчики музыки» даже не скрывались. Это Агентство США по международному развитию, Национальный фонд в поддержку демократии, Институт «Открытое общество» Дж. Сороса, «Фридом Хаус» и др. Финансовые вливания исчислялись сотнями миллионов долларов.

Таким образом, сравнительный анализ главных и «побочных» символов «цветных революций» позволил выделить множество общих черт. Сходство отмечено и во влиянии символов на поведение масс, что в итоге решило исход борьбы, которая везде закончилась победой оппозиции.

Вот только целью оппозиционеров была всего лишь смена политической элиты, перераспределение властных рычагов и денежных потоков в свою пользу. Используя народное недовольство и зарубежные политические технологии для завоевания власти, «цветные» лидеры, по сути, ничего не дали своему народу, а спустя несколько лет и сами канули в политическое небытие, перед этим запустив механизм саморазрушения собственных государств.

Литература

1. Будина М.Э. Символы цветных революций в составе их наименований / М.Э. Будина // Концепт: научно-методический электронный журнал. – 2014. – № 8. – С. 3–8.
2. Жарихин В. Семилетний срок для Тимошенко обернулся неопределенным сроком для Януковича [Электронный ресурс] / Владимир Жарихин. – Режим доступа : <http://www.specletter.com/politika/2011-10-19/semiletanii-srok-timoshenko-obernulsja-neopredelennym-srokom-dlja-janukovicha.html> . – Загл. с экрана. (Дата обращения : 07.02.2021).
3. Наумов А.О. «Цветные революции» на постсоветском пространстве: взгляд десять лет спустя / А.О. Наумов // Государственное управление. Электронный вестник. – 2014. – Вып. 45. – С. 148–178.
4. Прокофьев А.В. Трансформации политических режимов Грузии, Киргизии и Украины: сравнительное исследование: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Прокофьев Артем Вячеславович; Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина. – Казань, 2009. – 24 с.
5. Шарп Дж. От диктатуры к демократии: концептуальные основы освобождения [Электронный ресурс] / Джин Шарп; пер. с англ. – Режим доступа : http://www.aeinstein.org/wp-content/uploads/13/10/FDTD_Russian.pdf. – Загл. с экрана. (Дата обращения: 10.02.2021).

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ «ГИБРИДНЫХ РЕЖИМОВ»

С конца XX в. мир стоит на пороге коренных изменений, определенной модернизации общества и перехода от антидемократических режимов к демократии. С начала 1980-х годов стали распадаться казавшиеся ранее совершенно несокрушимые государства, которые долгое время строили свою независимость на принципах недемократичных режимов. Для корректного обозначения данного процесса, в политической науке появилось новое направление – транзитология, которое предполагало исследование и анализ политических изменений переходного характера, связанных со становлением нового состояния политической системы государств.

В конце 1990-х годов стало очевидно, что государства «серой зоны» или «переходные государства» никуда не «переходят», не претерпевают существенных изменений, а являются достаточно стабильными политическими образованиями, к которым слабо применима терминология, разработанная ранее политической наукой. К концу 1990-х гг., когда «переход» перестал восприниматься как неизбежность, была признана идеологическая окраска видения посткоммунистических государств как будущих демократий с либеральным капитализмом. Транзитология, или вернее ее парадигма восприятия истории как прогресса, понимаемая с точки зрения западных ценностей, была обвинена в предвидении хода и результатов исторического процесса, отождествляемого в данном случае с вестернизацией [6].

Сравнивая различные типы политических режимов, многие авторы признавали существование смешанных разновидностей различных режимов. Это умозаключение составило основу трактовки сущности «гибридов». В ряду авторов, которые впервые применили термин «гибридный

режим», называют Т.Л. Карла, который изучал политические системы Центральной Америки [7].

В 2000-х гг. концепция гибридного режима начала активно разрабатываться в трудах отечественных и зарубежных политологов. Среди зарубежных ученых следует отметить Ф. Шмиттера, Г. О’Доннела, Л. Даймонда, Т. Карозерса и др. На первом этапе (1980 – 2000 годы) формирования теоретической базы Г. О’Доннелл и Ф. Шмиттер (1986) предлагали две формы гибридных политических режимов.

Первая, «диктабланда» – либерализация без демократизации. Вторая, «демократура» – демократический переход без либерализации, где выборы проводятся под контролем правящих элит. Позднее Г. О’Доннелл приумножил свой вклад, предложив новый концепт «делегативная демократия», применив его непосредственно на латиноамериканскую политическую среду. Отличительной чертой данного концепта являются дополнительные выборы, которые проводятся в случае, если первый тур выборов не принес явного лидера. А уже избранный президент рассматривается как воплощение нации и хранитель её интересов. Ученый отмечал, что «делегативные демократии» не являются институциональными. А угроза возврата к авторитаризму у таких режимов неуклонно возрастает. «Делегативной демократии», в определенной мере, не чужда демократическая традиция. Однако низкий уровень плюрализма и партиципации граждан указывает на неготовность к полной консолидации демократии.

Некое подобие теории «делегативной демократии» можно проследить в концепте «нелиберальной демократии» Ф. Закарии (1997), где автор отмечает, что процесс либерализации сдерживается правящей элитой и отмечает отсутствие института честного соперничества. Между «делегативной демократией» и «нелиберальной демократией» можно наблюдать несколько явных отличий. Во-первых, «делегативная демократия» отличается отсутствием конституционализма – политической системы, опирающейся на конституционные методы правления. Во-вторых, отсутствием характера публичной конкуренции. Элиты и контрэлиты

находятся в напряженном противодействии, частью которого становится административный прессинг со стороны правящих элит [2].

В XXI веке гибридные режимы выделяются, как самостоятельная категория политических режимов со специфической логикой функционирования. Основополагающей областью, нуждающейся в конкретизации, является определение границ между гибридными режимами и демократией, с одной стороны, и определение границ между гибридными режимами и авторитаризмом, с другой стороны. Отличительную черту гибридных режимов Т. Карозерс выразил в терминах «бесформенный плюрализм» и «доминирующая власть». Л. Даймонд, с концептом «псевдодемократии», делает заключение, что функциональность демократических институций у гибридных режимов достаточно сложно проверить на практике и ставит под сомнение достаточность доказательств в пользу транзита режима в направлении демократии, основанных на формальной многопартийной системе с элементом соревновательности [2].

Гибридные режимы не отличаются особой устойчивостью – откровенно авторитарные режимы (монархии, автократии) и консолидированные демократии выказывают большую стабильность, чем находящиеся между ними «половинчатые» режимы. Эта неустойчивость – предмет постоянной озабоченности верховных правителей и их окружения, заинтересованных в укреплении своей власти и легитимности, в поддержании лояльности аппарата и местных элит, в подконтрольности силовых структур, в готовности полиции и военных защищать режим в случае кризиса и массовых протестов [5].

В гибридных режимах под прикрытием формальных демократических и бюрократических институтов неизбежно действуют кланы и патрон-клиентские сети, основанные на личной лояльности и частных договоренностях преимущественно коррупционного плана (экономический ресурс в обмен на политическое покровительство и т.п.). Это обусловлено двойственным характером гибридных режимов, в которых за завесой демократического устройства всегда

прячутся структуры и практики авторитарного типа. Эти структуры и практики по самой своей природе не могут зависеть от демократической выборности и сменяемости власти. Вполне естественно, что этот принцип замещается традиционной, унаследованной от прежних патримоний «семейной» личной и вертикальной лояльностью патрону и клану.

В то же время, анализ научной литературы позволяет утверждать, что вопрос функционирования и трансформаций гибридных режимов остается одним из наиболее дискуссионных в современной политологии. В частности, научным сообществом не выработано единого подхода к классификации гибридных режимов, которые могут серьезно варьироваться в зависимости от сочетания признаков демократии и авторитаризма [4].

По мнению Х. Линца, в них себя хорошо проявляет трудно выявляемая характеристика авторитарных режимов – подмена идеологической составляющей ментальностью. Если идеологической составляющей по Линцу является упорядоченная система смыслов, то под ментальностью понимается такая форма мышления, при которой на первый план выходит эмоциональная составляющая, превалирующая над рациональностью [8, с. 162].

По мнению Леонардо Морлино, гибридные режимы сочетают авторитарные и демократические институты и практики и представляют «оптическую иллюзию», так как могут одновременно классифицироваться как «демократии с прилагательными» и как «авторитаризмы с прилагательными».

Гибридные режимы («соревновательный авторитаризм» у Стивена Левицкого и Люкана Уэя или «электоральный авторитаризм» у Андреаса Шедлера) представляют собой полудемократии разного типа, от приближающихся к электоральным демократиям по уровню плюрализма и соревновательности систем с доминирующей партией, в которых правящая партия широко использует любые средства для превращения оппозиции во второстепенную силу, до персоналистских режимов, организующих выборы, но нарушающих гражданские права своих граждан.

Главное отличие подобных режимов от настоящих автократий – это готовность толерантно относиться к существованию (но не победе) оппозиционных партий, независимых СМИ и неправительственных организаций. Гибридный режим представляет собой наиболее концептуально размытую категорию, так как является результатом определенных сочетаний полуоткрытости, полусоревновательности, полурепрессий. Такие характеристики делают эти режимы уязвимыми перед протестными действиями, восстаниями и другими формами гражданского неповиновения и насилия, в том числе вооруженными конфликтами. Вследствие этого институционального противоречия гибридные режимы наименее стабильны и несут в себе самые высокие риски режимных изменений [1].

Американский политолог М. Оттауэй объединяет эти режимные разновидности под рубрикой «полу-авторитаризма», который он понимает, как тщательно выстроенные поддерживаемые альтернативные системы, а не как неудавшиеся демократии или демократии с состоянием транзита. В данной связи возникает серьезная проблема пределов и ресурсов институционального строительства «новых демократий».

По мнению многих аналитиков, возникновение политических «гибридов» и неоавторитарных режимных разновидностей было в значительной мере обусловлено слабостью институционального дизайна и недостатками конкретного институционального строительства. Как свидетельствует опыт последних десяти с лишним лет, утверждение формальных демократических процедур, прежде всего выборов, вовсе не предопределяет характер легитимизируемого ими политического режима. Более того, формальные электоральные процедуры – не главное в демократии.

Как отмечает Л. Даймонд, «демократия подразумевает нечто гораздо большее, чем просто выборы, даже если они являются регулярными, свободными и честными. Она предполагает, что нет «заповедных пространств» власти, зарезервированных для военных или иных социальных и

политических сил, не ответственных перед электоратом, что существует «горизонтальная» ответственность официальных лиц по отношению друг к другу, ограничивающая власть исполнительных структур и защищающая конституционализм, верховенство права и совещательные процедуры. Наконец, она предполагает наличие условий для политического и гражданского плюрализма, а также для обеспечения индивидуальных и групповых свобод, чтобы соперничающие интересы и ценности могли находить выражение и конкурировать не только в ходе периодических выборов... Все это выводит на более высокие стандарты и более глубокий феномен, который может быть определен как «либеральная демократия» – не в смысле взаимоотношений между государством и экономикой, а в смысле качества политической и гражданской свободы».

И дело тут не только в том, что «внутри» формально демократических институтов зачастую ведутся «недемократические игры», но и в том, что сами эти формальные институты и внешне демократические процедуры могут – и вполне эффективно – использоваться в качестве «дымовой завесы» для различных видов недемократических режимов – цезаристских, султанистских, популистских, плебисцитарных, в том числе и в их «гибридных» формах.

Мировая политическая реальность демонстрирует весьма широкий спектр «пост-» и «нео-» авторитарных траекторий развития, включая переходы от одних типов недемократических режимов к другим, а также возникновение «гибридов», никак не вписывающихся в понятие демократии в его привычном значении. Именно поэтому в современном научном и политическом дискурсе и появляются в таком количестве так называемые «демократии с прилагательными» – «делегативная», «авторитарная», «имитационная», «электоральная», «нелиберальная» и др. При всех нюансах сквозной линией в подобных интерпретациях является понимание того, что очень часто (особенно, в посткоммунистическом пространстве) внешне демократические институты и процедуры используются как «фасад», за которым скрыты те или иные формы элитарно-олигархического

распределения и воспроизводства власти, причем власти симбиотической – политической и экономической [3].

Литература

1. Вестник РУДН. Серия: Политология [Электронный ресурс]. – 2017. – Vol. – 19. – No. 4. – С. 379–391.– Режим доступа : <https://mgimo.ru/upload/iblock/887/17571-18392-1-PB.pdf> (Дата обращения: 17.03.2021).
2. Клокава А.И. Анализ теории гибридных политических режимов и их классификации [Электронный ресурс] / А.И. Клокава. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2018. – № 11 (197). – С. 264–266. – Режим доступа : <https://moluch.ru/archive/197/48725/> (Дата обращения: 17.03.2021).
3. Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты / А.Ю. Мельвиль // Политология: Лексикон / Под ред. А.И. Соловьева. – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007. – С. 123–134.
4. Подлесный Д.В. Проблема классификации гибридных политических режимов [Электронный ресурс] / Д.В. Подлесный. – Режим доступа : https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/81557/1/978-5-91416-007-1_2016-018.pdf
5. Розов Н.С. Динамика гибридных режимов и устойчивость хрупкость неототалитаризма [Электронный ресурс] / Н.С. Розов. – Режим доступа : [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2018-1\(88\)-30-46.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2018-1(88)-30-46.pdf) (Дата обращения: 17.03.2021).
6. Шабасова М.А. Транзитология как научный подход и идеология / М.А. Шабасова // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. Вып. 4 / рэдкал.: У.К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2009. – С. 195–202.
7. Terry Lynn Karl. The Hybrid Regimes of Central America / Lynn Karl Terry, 1995.
8. Linz J. Totalitarian and Authoritarian Regimes / J. Linz. – London: Lynne Rienner Publishers Inc, 2000.

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ТРАНЗИТ КАК ЛОГИЧЕСКАЯ ФАЗА РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Последнюю четверть ушедшего XX века было принято описывать как эпоху глобальной демократизации, воспринимавшейся в качестве главного направления мировой динамики. Тогда происходили процессы распада монолитных авторитарных и посттоталитарных режимов и постепенного становления демократических институтов и практик в ряде стран, объявивших себя «новыми демократиями». В тот период многие были убеждены, что концепт «третьей волны» глобальной демократизации способен обеспечить начальную, но достаточно цельную концептуальную модель для понимания и прогнозирования этих процессов, в том числе и в СССР.

В 1990-е гг. при анализе переходного состояния общества в отечественной науке стали применять термин «демократический транзит», обозначающий замену той или иной разновидности недемократических режимов (авторитаризм, тоталитаризм) демократией. Транзит демократических идей означал формирование гражданского общества путем либерализации общественно-политической жизни и проведения независимых выборов с неопределенным заранее результатом. В своих работах ученые Д. Растоу, Г.О. Доннел, Т.Л. Карл, Ф. Шмиттер и А.Ю. Мельвиль создали транзитологию как науку, изучающую закономерности многообразных и разноплановых политических трансформаций современности [2]. Большинство сторонников транзитологической теории признают вероятность возникновения «четвертой волны» демократизации. На современном этапе развития общества переход к демократии изучается как глобальный мировой процесс, в котором признается разнообразие содержания демократического транзита, и трактовки идеалов демократии не связываются с

прагматическими целями, а интерпретируются как общепризнанные ценности гражданского общества.

После демократического транзита, следует период консолидации демократии, сопровождающийся усвоением большинством общества демократических ценностей. Ее минималистское определение подразумевает необратимость установившихся демократических политических структур, когда определенность процедур ведет к значительному ограничению «неопределенности результатов», т.е. когда недемократические результаты практически исключены. Необходимо отметить, что сам процесс демократической консолидации, и его исход зависят от совокупности эндогенных и экзогенных факторов. К первым относятся наличие и характер доавторитарного политического опыта; тип и особенности распадающегося или распавшегося недемократического режима, а также обстоятельства, при которых произошел сам авторитарный распад, стратегии, избираемые ключевыми политическими фигурами в процессе транзита. Ко вторым – внешняя среда; степень включенности в основные международные структуры и институты; масштабы международной политической, экономической и иной поддержки и т.п. В то же время нельзя избежать акцентуации таких структурных предпосылок демократической консолидации, как политическая культура и гражданское общество, относительно высокий уровень социально-экономического развития в сочетании с умеренной инфляцией и снижающимся имущественным неравенством, а также более или менее равномерное распределение совокупных общественных ресурсов [4].

Из обобщенного критерия оценки отдельных стадий конкретного демократического развития консолидированная демократия превратилась в конечный «пункт назначения», который рано или поздно достигнут государства переходного типа. Модель демократической консолидации была призвана служить теоретико-методологическим обоснованием «выхода из неопределенности» в парадигме линейного транзита. Согласно утверждению Д. Растоу, распространение демократии было обусловлено не только внутренними, но и внешними факторами. Он приходит к выводу, что хронологические рамки

демократического транзита в СССР совпали с периодом перестройки времен М.С. Горбачева. Транзит начинается с момента реформирования политической системы СССР, и завершается ее разрушением с возникновением постсоветского политического и экономического пространства, новыми реалиями жизнедеятельности граждан. По мнению Д. Растоу, демократический транзит является одним из этапов модернизационного процесса, перехода от традиционного общества к обществу современному. В современных транзитологических исследованиях понятие «транзит» является составной частью модернизации и означает перевод всей политической системы в качественно новое состояние.

В современных условиях исторического развития процессы модернизации имеют глобальный характер. Согласно утверждению П.К. Гончарова, после социальных революций наступали длительные периоды усвоения демократических ценностей и стабилизации общества. Однако в XX – начале XXI века демократический транзит не завершился этапом сохранения новых ценностей изменяющегося общества и приводит к «глобальной перманентной транзитивности». Транзитивные этапы периодически повторяются в истории каждой страны, или, иначе говоря, демократизация как мировой исторический процесс идет волнами. Волна демократизации – это группа переходов от недемократических режимов к демократическим, происходящих в определенный период времени, количество которых значительно превышает количество переходов в противоположном направлении в данный период. Первая и вторая волны демократизации имели место соответственно в XIX веке (революционный процесс в Европе и либерализация правящих режимов); и после Второй мировой войны (деколонизация стран третьего мира, и демократизация бывших фашистских или милитаристских государств) [1].

Демократический транзит – процесс длительный, сопровождающийся глобальными трансформационными процессами в обществе. Благодаря микросистемному анализу российский исследователь Е.В. Тышта выделяет четыре этапа прохождения транзита:

1. Формулирование транзитивной идеи.
2. Создание теории демократического транзита.
3. Осуществление транзита демократии.
4. Результаты институционализации транзита.

Е.В. Тышта трактует понятие «транзит» как процесс изменения региональных общественных структур благодаря общеисторическим процессам развития [5]. Луганская Народная Республика, как часть бывшего СССР без сомнения унаследовала свою русскую идентичность и пребывает на стадии осуществления транзита демократии. Однако американский исследователь Т. Карозерс, утверждает, что большинство переходных стран не являются ни диктаторскими, ни стремящимися к демократии, а находятся в политической стабильной «серой зоне». В этом случае перемены имеют длительный характер и сопровождаются отдельными демократическими процессами, например, систематически проводятся избирательные кампании [3]. Это подтверждает тезис о долгосрочности и неоднозначности процессов принятия демократических ценностей и традиций.

Поэтому процесс демократического транзита полностью зависит от признания людьми идеи консолидации общества с целью укрепления демократических традиций в развивающейся республике.

Литература

1. Величко С.А. Государство, общество, церковь в истории России XX-XXI веков / С.А. Величко // Материалы XIV Международной научной конференции: в 2 ч. Том. Часть 1. – Ответственный редактор Корников А.А. – 2015. – 739 с.
2. Величко С.А. Человек и общество в нестабильном мире / С.А. Величко // Материалы международной научно-практической конференции. – Ответственный редактор Г.И. Тюменцева. – 2019. – С. 26–31.
3. Карозерс Т. Конец парадигмы транзита / Т. Карозерс // Политическая наука. – 2003. – № 2. – С. 42.
4. Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты / А.Ю. Мельвиль // Политология: Лексикон. – Под ред.

А.И. Соловьева. – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007. – С. 123–134.

5. Тышта Е.В. Синтез концепций модернизации и транзита в современной исторической науке / Е.В. Тышта // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2013.– № 5. – С. 18.

УДК 327.7

Н.С. Сидорова
(г. Тула, РФ)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

Пандемия COVID-19 это уникальное, но в то же время печальное явление для современного общества. В начале 2020 года мир даже не подозревал какие плачевные последствия могут произойти в будущем, сколько жизней унесет никому не известная ранее болезнь, по сей день съедающая миллионы.

Паника накрыла мировое сообщество. Страны не могли противостоять угрозе заражения населения единолично, необходимы были взвешенные решения, которые не привели бы к еще более ужасающим последствиям. Меры, принятые правительством в условиях угрозы распространения коронавирусной инфекции в России, были признаны мировым сообществом и институтами ООН, в том числе ВОЗ эффективными и своевременными. Несомненно, была возможность введения ограничительных мер в более ранние сроки, но по оценке экспертов этого не было предпринято ввиду негативного отношения граждан к карантину и самоизоляции. Только через некоторое время у общества появилось понимание масштаба настигшей угрозы заражения COVID-19, не последнюю роль в этом процессе сыграли волонтеры, помогавшие пожилым людям. К сожалению, органы власти не проводили мониторинг ситуации в Китае, в следствии чего оказались не готовы принимать ответственные и верные решения. Введение жестких мер означало спад экономики,

перед всех отраслей в цифровую реальность, многие люди остались вовсе без работы в кризисное время. Всем это только больше подрывало авторитет института власти. Введение мер позволило снизить уровень заболеваемости и смертности, но в то же время настроило граждан против власти. Примеры такого рода последствий мы можем увидеть на территории других стран СНГ [2].

Александр Панкин – заместитель Министра иностранных дел России курирующий сотрудничество с интеграционными объединениями на пространстве СНГ и экономическую дипломатию 24 марта дал интервью «Интерфаксу», где рассказал об угрозах пандемии COVID-19 для российской экономике, интеграционным процессам в ближайшем зарубежье, о значении в преодолении последствий COVID-19 в Москве придадут взаимодействию с ОЭСР и ВТО, а также о том, скажется ли коронакризис на объемах финансирования Россией международных организаций, включая ООН.

«Пандемия коронавируса – новый глобальный вызов всему человечеству. В мировой истории уже были и войны, и масштабные смертельные эпидемии, но такого, чтобы болезнь парализовала всю планету, вспомнить сложно. В этих беспрецедентных обстоятельствах большинство интеграционных объединений по всему миру проходят серьезную проверку на прочность. Для минимизации потерь от кризиса, вызванного распространением COVID-19, требуется масштабная кооперация, как на региональном, так и на глобальном уровнях. Чувство солидарности, взаимная поддержка и общая сплоченность сейчас как никогда важны и востребованы. Что касается пространства СНГ, текущая ситуация, безусловно, угрожает таким аспектам интеграционного сотрудничества, как свободное передвижение рабочей силы, беспрепятственная взаимная торговля товарами и услугами. С момента начала пандемии региональные межгосударственные структуры в рамках тех компетенций, которые им делегированы государствами-участниками, прилагают максимум усилий, чтобы справиться со своей задачей – дать отпор коронавирусной инфекции и внести свой

вклад в борьбу с ее последствиями. Совместно с партнерами по СНГ, ЕАЭС и ОДКБ мобилизовали все имеющиеся для этого возможности» [1].

Можно отметить хорошее влияние диалога государств-участников СНГ на различных площадках Содружества. Прежде всего, это созданная 25 марта в рамках СНГ рабочая группа по мониторингу ситуации, связанной с пандемией COVID-19. Результаты ежедневно предоставляются в правительства и МИД государств-участников Организации.

Литература

1. Панкин А. Борьба с COVID-19 требует объединительных усилий [Электронный ресурс] / Александр Панкин. – Режим доступа : <https://www.interfax.ru/interview/705782>
2. Марсович А.А. Пандемия COVID-19 как вызов для постсоветских стран Центральной Азии / А.А. Марсович. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.interanalytics.org/jour/article/viewFile/270/222>

УДК 327(479.22:73)"2009/2020"

*Д.Г. Прошин
(г. Луганск, ЛНР)*

ГРУЗИНО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПОСЛЕ 2008 года

Поиски своей идентичности в рамках возможного выбора между атлантическим и евразийским вектором развития – одна из основных задач Грузии, от решения которой будет зависеть стабильное развитие Южного Кавказа, что актуализирует необходимость изучения векторов международного сотрудничества Грузии.

США рассматривают Каспий как новый фронт мировой нефтедобычи, а Грузию как регион, по которому в перспективе будут проходить стратегические коммуникационные «артерии». Идея диверсификации мировых потоков нефти и появления принципиально нового маршрута транспортировки напрямую из

Каспийского региона в Средиземное море очень привлекала США. Как подчеркивал бывший государственный секретарь США Джордж Бейкер, «...в XXI веке каспийская нефть может иметь такое же значение для индустриального мира, какое сегодня имеет нефть Персидского залива» [5, с. 37].

Российские исследователи В.В. Карякин и В.П. Козин в коллективной монографии «Военная политика и стратегия США в геополитической динамике XXI века» указывали, что Вашингтон планирует «...установление и политическую поддержку проамериканских режимов в Грузии и Азербайджане», что позволит использовать территорию Грузии «для создания военных баз, строительства объектов глобальной системы ПРО и подготовки плацдарма для будущих военных операций» [3].

Важным для развития грузино-американских отношений стал визит в июле 2016 года Госсекретаря США Джона Керри в Грузию. Это был первый визит Госсекретаря США с 2012 года, когда Грузию с официальным визитом посетила Хилари Клинтон. В целом, администрация Б. Обамы уделяла Грузии гораздо меньше внимания, чем Белый дом при Дж. Буше-младшем, в связи с попыткой «перезагрузки» российско-американских отношений. Но в связи с новым витком обострения в отношениях США и РФ, грузино-американские отношения снова получили существенный импульс.

Как указывает Джонни Меликян, основными результатами визита Джона Керри в Грузию стали поддержка как евроатлантических устремлений официального Тбилиси в преддверии саммита НАТО в Варшаве, так и оборонительных возможностей Грузии, реформ в экономике [4]. На реализацию последних Агентство международного развития США выделит сумму 15 млн. долл. для оказания помощи грузинским бизнесменам и фермерам.

В 2016 году в Вашингтоне (18 – 19 июля) была проведена рабочая встреча Группы по обороне и безопасности в рамках Хартии стратегического партнерства США и Грузии, где уже были обсуждены конкретные вопросы по разработке Плана по осуществлению программы в рамках нового Меморандума. В интересах практической реализации определенных

меморандумом договоренностей, касающихся межгосударственного сотрудничества в сфере обороны, в декабре 2016 года между военными ведомствами было заключено соответствующее рамочное соглашение [1].

Полноценная реализация отмеченных договоренностей в будущем, при Дональде Трампе, может привести к существенной активизации двухсторонних грузино-американских отношений и включение Грузии в список приоритетных направлений внешней политики США. Свообразным подтверждением этой возможности стал визит премьер-министра Грузии Георгия Квирикашвили в США в мае 2017 года. Так, вопросы сотрудничества Грузии и США в сфере обороны и безопасности стали главной темой обсуждения с госсекретарем США Рексом Тиллерсоном [2, с. 278]. В ходе встречи было подписано соглашение по обмену разведывательной информацией и борьбе с терроризмом, которое представляет собой важный этап в американо-грузинском сотрудничестве в области безопасности.

Важным направлением двустороннего взаимодействия США и Грузии в военной сфере является: 1) оказание финансовой поддержки США Грузии в сфере военного строительства; 2) подготовка грузинских военнослужащих в высших военных учебных заведениях США, а также в самой республике под руководством американских инструкторов; 3) проведение совместных мероприятий оперативной и боевой подготовки на территории Грузии с привлечением вооруженных сил ряда государств-партнеров, а именно: учения «Эджайл спирит», «Ноубл партнер», «Джекал стоун-2016».

Наряду с военным сотрудничеством в ходе визита Георгия Квирикашвили стороны обсудили использование возможностей Грузии и ее географического положения в аспекте торгово-экономического сотрудничества. Особое внимание было уделено участию американских бизнесменов в строительстве глубоководного порта в Анаклия, на строительство первой фазы которого планируется осуществление инвестиции в размере 586 млн. долл. [6].

Говоря об экономическом сотрудничестве США и Грузии, нельзя не сказать об оказываемой Вашингтоном

финансовой помощи Грузии, деятельность по распределению которой, осуществляет Агентство международного развития США (USAID). Основные цели использования этих средств, очевидно, направляются на формирование такой структуры государства и общества, которая бы отвечала интересам США.

Литература

1. Военное сотрудничество США и Грузии [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://factmil.com/publ/strana/gruzija/voennoe_sotrudnichestvo_ssha_i_gruzii2017/87-1-0-1135
2. Военное сотрудничество США и Грузии [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://sputnik-georgia.ru/reviews/20170511/235948518/Premer-Gruzii-v-SShA-vstrecha-s-Trampom-i-novuj-uroven-partnerstva.html>
3. Карякин В.В. Военная политика и стратегия США в геополитической динамике XXI века / В.В. Карякин, В.П. Козин. – М. : Граница, 2014. – 364 с.
4. Меликян Д. Внешняя политика Грузии в июле 2016 г. [Электронный ресурс] / Д. Меликян. – Режим доступа : http://www.noravank.am/rus/articles/detail.php?ELEMENT_ID
5. Орлов А. Персидский Залив в Каспийском море // Итоги. – 16.09.1997. – С. 37.
6. Meeting with US Secretary of Commerce [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://gov.ge/index.php?lang_id=ENG&sec_id=463&info_id=6.

*Е.М. Ковалёва,
Т.В. Татоли
(г. Луганск, ЛНР)*

ТЕХНОЛОГИИ ОРГАНИЗАЦИИ «ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ» НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В современном мире термин «цветная революция» применяется для определения политических технологий по силовой смене политической власти в том или ином государстве путём организации массовых уличных протестов. «Цветные революции» исследуются как новое поколение инструментов демонтажа политических режимов в мире [2], и кроме этого, как одно из основных направлений использования организационного оружия в государствах, которые находятся в поле интересов ведущих мировых акторов [3].

Причиной повышенного интереса к «цветным революциям» является то, что на протяжении десятилетия во множестве стран, с достаточно стабильными политическими режимами, произошла смена власти путём государственных переворотов. При этом наблюдается необыкновенное совпадение сценариев смены политической власти, использование одной и той же формулы в организации переворотов.

В течение любой «цветной революции» можно выделить пять главных этапов.

На первом подготовительном этапе намечается формирование в государстве организованного протестного движения, которое будет являться основной движущей силой революции. Для формирования протестного движения в большинстве случаев используют сетевой принцип. В основном, активистами сети выступает молодёжь, так как её легко заинтересовать разнообразными яркими лозунгами и обещаниями.

На втором этапе данная сеть одновременно собирается на улицах больших городов после так называемого инцидента. Инцидентом может стать любое событие, которое смогло бы

повергнуть в шок общество и получить большое общественное внимание. Очень часто таким событием являются результаты выборов, о фальсификации которых заранее распространяются слухи.

После инцидента начинается третий этап, в течение которого в протестную сеть вовлекаются все большие слои общества. Причиной вступления в протестные движения выступает страх за собственное будущее. Общее волнение общества ведет к тому, что сознание людей переходит в предельное состояние и становится предрасположенным к массовой панике.

Дальнейшим действием является объединение политической толпы. С этой целью подбирается довольно большая площадь, на которой смогли бы расположиться значительные силы активистов. Основными методами влияния на власть являются захват и блокирование важных административных зданий, а также массовые демонстрации и митинги, в ходе которых начинает использоваться довольно яркая отличительная символика. На этом же этапе складывается благоприятная обстановка для поддержания протестующих (пункты питания, финансовое обеспечение, палатки и т.д.).

На пятом этапе активисты выступают с определёнными требованиями к власти, за невыполнение которых поступает угроза массовых беспорядков. Если власть не выдерживает такого натиска, то происходит смена политических лидеров. В том случае, когда власть готова дать отпор, толпа принимает весь удар на себя. В скором времени такая революция непременно перерастёт в мятеж, а в некоторых случаях – в гражданскую войну, сопровождающуюся военной интервенцией.

«Цветные революции» также нередко называют технологиями или инструментами «мягкой силы». Активисты на начальном этапе поддерживают ненасильственный характер протестных действий, однако в течение «революционных действий» протестующие часто нарушают закон, опираются на применение физической силы и оружия. Ярким примером этого является гибель людей в Одессе 2 мая 2014 года.

Характерным для современных «цветных революций» является то, что разработка и осуществление сценария воплощается с помощью средств массовой информации, в том числе через сеть Интернет. Также довольно часто применяется манипуляция массовым сознанием общества. Для этого используют различные языковые методы и приёмы, с помощью которых можно обратить внимание общества на спорные вопросы. Такими приёмами являются опора на стереотипы, навязывание пресуппозиций, опора на количественные данные, использование упрощений и метафор и т.д. [1].

Молодёжные движения также играют весомую роль в ходе «цветных революций». С помощью своих названий: «Хватит» в Грузии, «Отпор» в Югославии, «Пора» на Украине они призывают общество к активному участию в акциях протеста. Сами же названия «цветных революций» («Оранжевая революция» и «Революція гідності» («Революция достоинства») на Украине, «Тюльпановая революция» в Киргизии, «Сиреневая революция» в Молдове, «Революция роз» в Грузии) утверждают в сознании общества позитивный образ представителей революционных сил.

Успех «цветных революций» заложен в ненасильственном способе сопротивления, поскольку данный вид сопротивления обеспечивает решение исхода противостояния средствами, в которых у правительства нет абсолютного преимущества, а именно:

- может значительно обострить слабости и перекрыть источники силы действующей власти;
- может охватывать множество целей или концентрироваться на одной конкретной;
- приводит к ошибкам в действиях правительства;
- может быстро вовлекать общество в целом или отдельные его группы в борьбу.

Следует отметить, что за последние 20 лет революция из процесса смены общественно-экономической формации, была превращена в технологию реализации процесса смещения неугодного режима или правительства, то есть в сущности стала синонимом понятия «государственный переворот». В процессе

проведения «цветных революций» выделяется общие черты и сходная методология действий: ненасильственный характер сопротивления, достаточно прочная поддержка в странах Запада, широкое использование ИТ и СМИ в области пропаганды и мобилизации.

Литература

1. Громова А.В. Использование языковых средств манипуляции сознанием в ходе «цветных революций» / А.В. Громова // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. – 2009. – № 1. – С. 49–56.
2. Манойло А.В. Цветные революции и проблемы демонтажа политических режимов в меняющемся мире / А.В. Манойло // Вестник Московского государственного областного университета. – 2014. – № 2. – С. 3–14.
3. Овчинский В.С. Организационное оружие: функциональный генезис и система технологий XXI века [Электронный ресурс] / В.С. Овчинский, И.Ю. Сундиев. – Режим доступа : <http://devec.ru/politika/analitika/1441.html>.

УДК 316.624: 316.343.656

***В.В. Коломойцева,
М.С. Багликова
(г. Донецк, ДНР)***

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ УКРАИНЫ НА ПРОТЯЖЕНИИ 2010-2020 ГОДОВ

Коррупция, является одной из главных проблем государств постсоветского пространства, включая Украину. Ее опасность для государственной системы и граждан проявляется в разных аспектах, от политического до экономического. Сложность коррупционной ситуации в сегодняшней Украине вызвана ошибками политического руководства страны, времен президентства Петра Порошенко и Владимира Зеленского.

В Украине, до событий 2014 года во время президента Виктора Януковича за борьбу с коррупцией отвечали органы прокуратуры, Служба безопасности Украины и Министерство внутренних дел. Вступив в должность, Янукович в 2010 году подписал Указ об учреждении Национального антикоррупционного комитета [8], который сам и возглавил. Во время его каденции по обвинению в коррупции были привлечены к ответственности экс-премьер министр Юлия Тимошенко [12], бывший глава МВД Украины Юрий Луценко [14], экс-глава Государственной таможенной службы [9], бывший первый замглавы НАК «Нафтогаз Украины» [10] и главы областных государственных администраций [13]. При этом, против экс-главы МВД Юрия Луценко возбудили три уголовных дела, включая превышение служебных полномочий и незаконную слежку за гражданами.

Антикоррупционная политика Виктора Януковича после силовой смены власти в Украине и бегства президента была объявлена неэффективной. Новое политическое руководство заявило о принятии «нового курса», в русле проевропейских реформ, с основным акцентом на борьбе с коррупцией. На сегодняшний день, в Украине существует много новых институтов, созданных под влиянием разных западных структур и МВФ в виде Национального антикоррупционного бюро (НАБУ) [6], Специализированной антикоррупционной прокуратуры (САП) [7], Национального агентства противодействия коррупции (НАПК) [4], Государственного бюро расследований (ГБР) [3], Национального агентства по вопросам выявления, розыска и управления активами (АРМА) [5] и даже Высшего антикоррупционного суда (ВАКС) [2]. На учреждение и функционирование антикоррупционных органов на 2020-й год, было израсходовано, по разным оценкам, от 7 до 12 миллиардов гривен. Однако, эффективность их деятельности близка к нулю. Так, за шесть лет их существования ни одно из возбужденных дел против высших должностных лиц Украины не было доведено до приговора с тюремным заключением, а в бюджет страны ими было возвращено менее 500 тысяч гривен, в 2020 г. всего лишь – 50 тысяч.

Создание такого количества структур с расширенными полномочиями обуславливает недобросовестную конкуренцию между ними, порождая ряд резонансных скандалов. Так, в 2015 г. главой НАБУ по согласованию с посольствами ряда западных стран был назначен А. Сытник. В августе того же года Генеральная прокуратура Украины начала в отношении Сытника досудебное расследование по статье 364 (часть 1-я) УК Украины – «Злоупотребление властью или служебным положением», за включение посторонних лиц в состав украинской делегации для поездки в Великобританию. Суд официально признал Сытника коррупционером (с внесением его в соответствующий реестр), однако представители западных стран оказали на украинское правительство давление, настаивая на дальнейшем пребывании в его в должности [11]. Чуть позже Конституционный суд признал неконституционным указ пятого президента Украины Петра Порошенко о назначении Сытника директором НАБУ, но данное ведомство проигнорировало судебное решение, продолжая функционировать при его бессменном руководителе. Парадокс же данной ситуации заключается в том, что главой Национального антикоррупционного бюро является, и по сей день, коррупционер.

Низкая эффективность НАБУ, САП, НАПК и ВАКС можно объяснить двумя главными факторами. Первый – изначальная незаинтересованность политического руководства Украины в создании независимых антикоррупционных органов, способных расследовать коррупционные действия высокопоставленных чиновников. Вторым фактором является использование западными странами указанных структур как источника конфиденциальной информации, необходимой для давления на официальный Киев и удержания его под контролем. Оба фактора делают невозможными проведение в Украине результативной антикоррупционной политики. Так, данные международной организации Transparency International фиксируют, что Украина в 2020 году из 120 стран заняла лишь 117 позицию, соседствуя с Египтом, Непалом, Сьерра-Лионе, получив всего 33 балла из 100 возможных [1].

Таким образом, анализ антикоррупционной политики на протяжении 2010 – 2020 годов свидетельствует о снижении ее эффективности. Отчасти это вызвано дроблением государственных органов, ответственных за борьбу с коррупцией, функции которых четко не разграничены, что вызывает недобросовестную конкуренцию между ними. Если во времена президентства Виктора Януковича привлекались к ответственности чиновники, уличенные в коррупции, то с 2014 г. власть лишь декларирует борьбу с коррупцией, подменяя ее популистской риторикой. Ярким примером тому является незначительное количество возбуждённых уголовных дел, реальных приговоров по которым практически нет, а возвращённые в государственный бюджет суммы крайне малы.

Исходя из вышеизложенного, можем констатировать отсутствие политической воли нынешней украинской власти воплотить в реальность декларируемые намерения о борьбе с коррупцией. Украина продолжает процесс имитации антикоррупционной политики, создавая все новые и новые структуры к уже существующим, наделяя их все большими полномочиями и обеспечивая их финансирование за счет средств государственного бюджета. Их деятельность, несмотря на крайне низкую эффективность, поддерживается рядом западных стран и структур даже в случаях уличенных коррупционных действий служащих этих структур. Это свидетельствует о том, что данные структуры, обладая значительными полномочиями и возможностями, используются Западом исключительно как политический инструмент контроля над украинской властью и борьбы с политическими оппонентами. При действующем политическом режиме эффективная борьба с коррупцией в Украине является маловероятной. И только при смене власти и ее курса, избавлении от внешнего управления, приоритетом нового политического руководства должна стать ликвидация неэффективных и ненужных стране антикоррупционных структур.

Литература

1. Transparency International Ukraine [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ti-ukraine.org/> (Дата обращения: 25.02.2021).
2. Официальный сайт Верховной Рады Украины. Закон Украины «Про Вищий антикорупційний суд» № 2447-VIII от 07.06.2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/#Text> (Дата обращения 24.02.2021).
3. Официальный сайт Верховной Рады Украины. Закон Украины «Про Державне бюро розслідувань» № 794-VIII от 12.11.2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/794-19?lang=ru#Text> (Дата обращения: 24.02.2021).
4. Официальный сайт Верховной Рады Украины. Закон Украины «Про запобігання корупції» № 1700-VII от 14.10.2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1700-18#Text> (Дата обращения: 24.02.2021).
5. Официальный сайт Верховной Рады Украины. Закон Украины «Про Національне агентство України з питань виявлення, розшуку та управління активами, одержаними від корупційних та інших злочинів» № 794-VIII от 10.11.2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://zakon.rada.gov.ua/laws/#Text> (Дата обращения: 24.02.2021).
6. Официальный сайт Верховной Рады Украины. Закон Украины «Про Національне антикорупційне бюро України» № 1698-VII от 14.10.2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1698-18/paran197#n197> (Дата обращения: 24.02.2021).
7. Официальный сайт Верховной Рады Украины. Приказ Генеральной прокуратуры Украины «Про затвердження Положення про Спеціалізовану антикорупційну прокуратуру Генеральної прокуратури України» №149 от 12.04.2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/v0149900-16#Text> (Дата обращения: 24.02.2021).

8. Официальный сайт Верховной Рады Украины. Указ президента Украины «О создании национального антикоррупционного комитета» № 275/2010 от 26.02.2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/275/2010#Text> (Дата обращения: 23.02.2021).
9. Суд приговорил бывшего главу ГТС Макаренко к 4 годам лишения свободы условно [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.rbc.ua/rus/news/sud-prigovoril-byvshego-glavu-gts-makarenko-k-4-godam-lisheniya> (Дата обращения: 25.02.2021).
10. Суд приговорил бывшего первого заместителя председателя правления «Нафтогаза Украины» к трем годам условно [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://tass.ru/blizhnee-zarubezhe/500365> (Дата обращения: 25.02.2021).
11. Суд признал коррупционером главу Антикоррупционного бюро Украины Сытника [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7343143> (Дата обращения: 26.02.2021).
12. Тимошенко приговорили к 7 годам и взысканию 1,5 миллиарда [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://kr.ua/politics/305747-tymoshenko-pryhovoryly-k-7-hodam-y-vzyskanyui-15-mylylyarda> (Дата обращения: 24.02.2021)
13. Экс-губернатора Днепропетровщины обвиняют в нанесении ущерба государству на 5 млн [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://politdengi.com.ua/novosti-ukraini/3123.html> (Дата обращения: 25.02.2021).
14. Юрия Луценко приговорили к 2 годам заключения [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://kr.ua/politics/352192-yuryia-lutsenko-pryhovoryly-k-2-hodam-zakluicheniya> (Дата обращения: 25.02.2021).

КОНСТРУИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ МИФОВ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В XXI веке рождается особый интерес к исследованию политического мифотворчества. Особо актуальной проблематика конструирования политических мифов является в отношении стран бывшего постсоветского пространства, в том числе и Российской Федерации. Ведь можно отметить, что данные страны, в том числе и Россия, в последние десятилетия вышли на совершенно новый качественный уровень работы средств массовой информации с общественным и индивидуальным сознанием граждан.

Как отмечает исследователь Н.В. Шульга, «реальность феномена политической мифологии связана с массовизацией общества, кризисным характером политических процессов и общественного развития в XX веке, рождением новой силы управления общественным мнением – медиакратии» [5, с. 91]. На сегодняшний день для большинства членов социума медийная картина мира является основным источником формирования ценностных ориентаций, представлений об окружающей реальности и базиса в определении поведенческой стратегии.

С точки зрения культурологии, миф не утратил своей актуальности и продолжает существовать в современных формах, обретая форму специфичных современных технологий. Учёный С. Смирнов делает следующее утверждение в отношении мифов: «С уходом древних культур миф как культурная модель никуда не уходит. Миф как мир, как культурная модель, как особая действительность культуры постоянно воспроизводится» [4, с. 157–158]. Главным преимуществом современных мифов является их управляемость и возможность трансформирования в зависимости от

реализуемых задач. Благодаря большому количеству СМИ и их ключевой роли в жизни современного человека на мифах можно акцентировать внимание, активно смешивать рациональные и иррациональные элементы, эффективно воздействовать на общественное сознание путём повторяемости данных мифов, закреплением их содержания в головах людей.

Средства массовой информации в современных реалиях становятся творцами мифологии общества и отдельных индивидов. Именно они формируют повестку дня и выделяют ключевую проблематику, формируя информационную картину для граждан. Российская Федерация в этом плане не является исключением, но довольно интересна та специфика, в рамках которой работают российские СМИ.

Во-первых, стоит отметить, что после распада СССР России достался уже достаточно сформированный медийный комплекс, который был разделён в пользовании между государством и частными собственниками.

Во-вторых, нужно говорить о том, что пользование благами, в том числе созданным при СССР медийным потенциалом России, не мешает заказчикам создания новой политической реальности посредством политических мифов ставить задачу убеждать людей в бесперспективности идеологии пролетариата и невозможности воссоздания советского государства. В то же время, когда это нужно, точно и избирательно вспоминаются выдающиеся достижения СССР, которые современное российское государство сохраняет в качестве важнейших традиций.

В-третьих, в обиходе укрепились мифы, связанные с потреблением, рыночными отношениями и некими якобы «общемировыми стандартами», которые стремятся значительно упростить жизненную реальность граждан, в том числе и политическую картину мира.

В-четвёртых, сложнейший кризис в 90-х годах прошлого века породил серьёзное недоверие к либеральным течениям и политическим партиям, в результате чего современное политическое мифотворчество в России включает в себя значительный слой мифов про «лихие 90-е» и «либералов, продающих национальные интересы». Эти мифы зачастую

имеют под собой персонификацию в конкретных лицах, партиях и движениях. Сделано это, чтобы направить людей против определённых «врагов народа», которые хотели его уничтожить. В то же время либеральные воззрения и идеи государственных и провластных деятелей не поддаются осуждению, а порой даже продвигаются для общественного одобрения.

В-пятых, политическая обстановка в мире заставила политические силы Российской Федерации вернуться не только к рассмотрению истоков идеологии евразийства, но и к продвижению политического мифа об исключительном евразийстве русского менталитета. Связано это с ключевыми стратегическими задачами российского государства в современной экономической политике.

В-шестых, заявления и действия российского руководства с середины 2000-х годов и по сегодняшний день побудили к вызреванию политического мифа о «возрождении великой державы», который на сегодняшний день активно повторяется в средствах массовой информации. Таким образом, была восполнена потребность граждан в ощущении за собой реальной силы и влияния, утерянная с распадом СССР.

Российский политолог и публицист Г. Бовт в качестве основной задачи современных СМИ называет «не информирование, а «кормление тараканов» в головах представителей разных сегментов аудитории» [1].

Однако стоит заметить, что создание и распространение СМИ политических мифов не является безграничным и имеющим всеобъемлющее влияние. Известный политический обозреватель Уолтер Липпман отмечает, что в некотором плане действие механизмов конструирования медийной картины социальной реальности имеет определённые ограничения:

а) недолговременность воздействия;

б) переключить внимание публики с одной проблемы только на другую проблему, при этом не менее важную в рамках общественного сознания;

в) направляющее и отвлекающее воздействие СМИ эффективно лишь в отношении «навязанных» проблем, то есть таких, которые не входят в личный опыт и круг интересов респондентов [2].

Так, например, можно отметить, что в рамках российского информационного поля в последнее время возникло множество обсуждений, связанных с деятельностью Алексея Навального и его соратников, а также разбор взаимоотношений с Евросоюзом и санкций США в отношении трубопровода «Северный поток-2». Они не призваны изменить доминантную зону общественного мнения, которая состоит в социально-экономических проблемах граждан Российской Федерации в период пандемии COVID-19, а заикливаются на подобной тематике лишь для постоянного кратковременного отвлечения внимания и формирования устойчивых образов в отношении сфер, малопонятных для простых граждан.

Доминирование крайне малого, узкого набора тем в рамках медийного пространства является одной из важнейших характеристик современных российских СМИ. Сопровождается этот процесс тем, что существует ограниченный список спикеров, которые дают комментарии на эти темы. Особенно такая практика касается формата телевизионных ток-шоу. Политолог С. Марков обосновывает такую узконаправленную привязанность тем, что «зритель... хочет видеть знакомых участников ток-шоу, которые в бесчисленный раз сойдутся в споре про Украину и бандеровскую хунту, и он хочет ещё раз утвердиться в мысли о том, что Россия права и он, зритель, тоже прав вместе с Россией» [3]. Таким образом, можно отметить, что именно так формируется иллюзорная сопричастность граждан к позиции государства и ощущение того, что воля народа определяет политический курс и позиции в отношении других стран.

Исходя из того, что было описано выше, можно определить стандартный ряд мифологем, используемых различными экспертами: «Россия – осаждённая врагами крепость», «лучше, чем в страшных 90-х, которые уходят вместе с преступниками за решётку», «угроза коммунизма и либерализма», «сильному государству – сильный президент», «в России больше демократии, чем в развитых западных странах».

В последнее время можно наблюдать появление политических мифов, связанных с общемировым протеканием

пандемии COVID-19. Например, всё чаще можно встретить следующие установки:

1. Западные страны не справляются с пандемией, в то время как Россия постоянно имеет сдержанно позитивную динамику решения проблемы.

2. Социально-экономические проблемы западных стран имеют значительно более широкие масштабы и глубокие последствия, ведь высшие эшелоны власти этих стран заботятся только о своём благосостоянии. В то же время российский президент и остальное руководство государства ведут борьбу за каждую жизнь и за материальное благосостояние граждан.

3. Россия имеет передовой опыт в борьбе с этой опасной болезнью и её искоренение является не только долгом власти перед своими гражданами, но и перед всем остальным миром, в том числе, в первую очередь, перед «братскими народами».

4. Вакцинация происходит по плану и без прецедентов благодаря чёткой координации всех структур, в то время как западные страны не имеют чёткого плана и понимания того, как действовать.

5. Россия готова к любым современным вызовам, в то время как остальной мир демонстрирует свои слабости.

Если рассмотреть все описанные мифологические установки, то можно свести деятельность современных российских СМИ к ряду инструментов, составляющих основу политического мифотворчества:

1. Искажение информации и создание правдоподобной, но фальшивой картины мира на основе манипуляции информацией.

2. Сведение многомерного пространства политики к двумерному, в котором Россия всегда права и действует с позиции силы и общенациональной выгоды.

3. Создание образа врага, который всеми силами пытается опорочить Российскую Федерацию, но при этом сам выглядит смешным и слабым.

4. Самые «светлые» политические ценности врагов становятся передовыми ценностями России, так они только их декларируют, а российское руководство постоянно движется в сторону их неукоснительного исполнения.

5. Использование излишней драматизации для привлечения внимания на сторону тех, кто является бенефициарами при определённом состоянии общественного мнения.

6. Привлечение к общей информационной картине фактов со значительным сроком давности.

7. Явная речевая агрессия и вульгаризация дискурса.

8. Упрощение подачи материала, его лозунговость, штампованность, категоричность оценок.

9. Замена рациональных аргументов эмоциональными заявлениями.

В качестве вывода стоит отметить, что российские СМИ используют большинство приёмов мифотворчества, используемых их коллегами по всему миру. Однако ключевые направления воздействия на общественное сознание определяются, исходя из той особой специфики, которая проявилась при становлении нового молодого государства. Конструирование мифотворчества в российских СМИ является динамичным процессом, ещё не сложившимся до конца в каких-то определённых рамках. По сей день происходит апробация эффективности определённых мифов или целого комплекса мифологических представлений с целью захвата как можно более широких целевых аудиторий.

Можно сказать, что происходит и попытка распространения новых российских политических мифов в мировом масштабе, результатом которого должна быть замена старых представлений новыми, имеющими позитивное влияние на политический имидж российского государства на международной арене.

Литература

1. Бовт Г.Г. Торговля вниманием, или как накормить тараканов [Электронный ресурс] / Г.Г. Бовт // Газета.ru. 24.09.2018. – Режим доступа : <https://www.gazeta.ru/.shtml> (Дата обращения: 23.02.2021).
2. Липпман У. Общественное мнение [Текст] / У. Липпман; пер. с англ. Т.В. Барчуновой, под ред. К.А. Левинсон,

- К.В. Петренко. – М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.
3. Марков С. Тайны политического ток-шоу эпохи гибридной войны: взгляд изнутри [Электронный ресурс] / С. Марков // Московский Комсомолец. 26.05.2017. – Режим доступа : <https://www.mk.ru/social/2017/05/26/tayny-politicheskogo-tokshou-epokhi-gibridnoy-voyny-vzglyad-iznutri.html> (Дата обращения 23.02.2021).
 4. Смирнов С.А. Культурный возраст человека [Текст] / С.А. Смирнов. – Новосибирск: «Офсет», 2001. – 261 с.
 5. Шульга Н.В. Мифотворчество в средствах массовой информации [Текст] / Н.В. Шульга // Концепт. – 2013. – № 3. – С. 91–95.

УДК 329.7

*Ю.Р. Хахалева,
М.С. Багликова
(г. Донецк, ДНР)*

АЛЬТЕРГЛОБАЛИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Сегодня особую важность представляет осознание противоречивости глобализации, ввиду порожденных ею деструктивных процессов и скрытых угроз. Именно глобализация во многом обострила, а в отдельных случаях и спровоцировала возникновение непреодолимых на сегодняшний день глобальных проблем в виде экономического неравенства стран, экологических катастроф, упадка национальных экономик на фоне роста влияния ТНК и многое другое. В связи с этим особую актуальность приобретает вопрос выработки или анализа и оценки уже существующих альтернативных вариантов развития общества и государства.

Одной из таких альтернатив является альтерглобализм, в основе которого лежит осознание взаимосвязи глобальных проблем, их обусловленности иррациональностью и антигуманностью существующего общественного устройства с

доминированием в нем ТНК. Однако при всей актуальности альтерглобалистского движения сегодня оно по-прежнему воспринимается как совокупность радикальных, маргинальных, а то и вовсе террористических организаций, плохо взаимодействующих друг с другом и привлекающих к себе внимание исключительно проведением митингов, сопровождающихся массовыми беспорядками и нападениями на полицию. Низкая поддержка среди населения, навешивание идеологических ярлыков, недостаточная просветительская деятельность и, что самое главное, отсутствие позитивной программы – всё это является реалиями современного альтерглобализма, в том числе и в России.

Альтерглобализм – общественно-политическое движение, направленное против определенных аспектов процесса глобализации в ее современной форме, в частности, против доминирования глобального капитала, преобладания интернациональных интересов перед национальными, уменьшения роли национальных государств как акторов международной политики, сворачивания социальной политики, размывания национальных культур и деструктивного воздействия на окружающую среду [1, с. 18].

Особенностью альтерглобализма как движения является его идеологическая пестрота и специфика структуры. Оно действует на основе сетевого принципа, ситуативной мобилизации, соблюдения открытости и гибкости. Отличительной его чертой является межклассовый и кросс-идеологический характер. В частности, идейными источниками альтерглобализма выступают экологизм, феминизм, неомарксизм, анархизм, а также ряд философских концептов, сформировавшихся под влиянием контркультуры. С одной стороны, подобная идеологическая пестрота является плюсом, поскольку позволяет искать пути решения глобальных проблем с позиций различных идеологических платформ. В это же время неоднородность спровоцировала раскол движения на «умеренных» и «радикалов», которые не могут прийти к согласию в выборе тактики и методов достижения целей движения.

Особую роль в его деятельности играет Всемирный социальный форум, выступающий в качестве открытой площадки для собраний, обсуждений идей, выработки предложений, и свободного обмена опытом и взаимодействия групп, выступающих против неолиберализма и любой формы империализма. Однако в последнее время социальный форум носит в большей степени самовоспроизводящийся характер и используется только для формальной вербовки новых членов.

Альтерглобалистское движение начало свою деятельность в России с начала 2000-х годов. В 2001 г. начались первые контакты с западными коллегами на форуме в Порту-Алегри в Бразилии, куда отправилась небольшая делегация российских левых [1, с. 5]. В 2002 г. были созданы в Москве, Воронеже и Ярославле местные отделения французской сети АТТАК [4]. Тогда же была проведена и первая акции, направленная против визита в Москву и Петербург президента США Д. Буша. Демонстрации сопровождалась массовыми столкновениями с силами правопорядка, что придало движению должную огласку [3, с. 35]. В 2002 году в Москве было создано объединение «Антиглобалистское сопротивление» (АГС), инициаторами которого выступили левые политические силы России. С 2003 г. они начали заниматься активной просветительской деятельностью, издавая газету «Планета Антиглоб» и проводя всероссийские форумы. Однако, несмотря на их активность, низкий уровень организации акций при отсутствии реальной социальной базы сторонников привели к краху их усилий. Так, проведение саммита «Большой восьмерки» в Санкт-Петербурге летом 2006 г. при массовых акциях антиглобалистов, давало им возможность попасть на передовые полосы мировых СМИ, однако исключительно маленькое количество участников протестов (не более нескольких сотен человек) обернулось настоящим провалом [3, с. 36].

В дальнейшем деятельность российских альтерглобалистов концентрировалось вокруг проведения разного рода международных съездов и конференций. Так, в 2015 г. в Москве под эгидой РОО «Антиглобалистского Движения» была проведена Международная экспертная

конференция «Диалог наций. Право народов на самоопределение и построение многополярного мира». В съезде приняли участие 35 представителей политических движений и организаций, выступающих за независимость и самоопределение разных регионов мира [2]. В 2020 г. при поддержке России, площадкой для проведения международного съезда была выбрана ДНР. В онлайн – встрече приняли участие представители Пуэрто-Рико, Африки, Финляндии, Каталонии и т.д. Главной целью онлайн-конференции была объявлена выработка общей стратегии борьбы с новыми вызовами глобализация, а также легитимация статуса ДНР с последующим «превращением Донецка в столицу мирового антиглобализма» [5].

Таким образом, видим, что деятельность движения альтерглобалистов в России носит достаточно ограниченный характер, сводясь в основном к просветительской деятельности. Это обусловлено, на наш взгляд, рядом причин. Во-первых, отсутствие широкой социальной базы движения. Во-вторых, противоречивость и некая упрощенность в осознании реальных угроз глобализации. В российском общественном дискурсе, глобализация либо идеализируется, либо демонизируется, между тем, процесс глобализации порождает нелегальную миграцию, рост безработицы, отток капиталов, разрушением внутренних экономических структур, наносящих урон малому и среднему бизнесу. В-третьих, наличие идейных противоречий внутри самого движения. В российском альтерглобализме просматриваются два течения – «новые левые» и «охранители». Первое ориентировано на европейскую альтерглобалистскую идею о возможности иной глобализации, свободной от издержек нынешней, и предполагает международное взаимодействие для совместной выработки позитивной программы преобразования мироустройства. Второе же рассматривает глобализацию как угрозу национальным традициям России и видит будущность страны в «особом пути» ее развития, предлагая политику изоляционизма. Не маловажен и тот факт, что альтерглобалистское движение в целом пребывает в кризисном состоянии, в связи с наличием целого комплекса внутренних противоречий и страхом перед организационными

преобразованиями. Следовательно, если альтерглобализм на глобальном уровне неспособен выработать модель взаимодействия и позитивную программу, то деятельность альтерглобалистского движения в рамках конкретного государства, в частности России, испытывает ещё больше трудностей и препятствий.

Таким образом, не имея достаточно широкой социальной базы, четко выработанной позитивной программы и методов ведения борьбы, при наличии внутренних идейных противоречий движение альтерглобализма в России, рискует остаться мимолётным упоминанием в контексте критики глобализации или превратиться в очередной инструмент ведения политических игр.

Литература

1. Бузгалин А.В. Альтерглобализм: к теории феномена / А.В. Бузгалин // Альтерглобализм: теория и практика «антиглобалистского движения». – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 124 с.
2. Бухарова М. Диалог наций: каким будет мир, если все народы получат право на самоопределение [Электронный ресурс] / М. Бухарова. – Текст: электронный // RT на русском: Интернет-портал. – Режим доступа : <https://russian.rt.com/article/322791-dialog-nacii-kakim-budet-mir-esli-vse> (Дата обращения: 29.09.2020).
3. Голубев К.А. Перспективы альтерглобализма в России / К.А. Голубев // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2008. – № 80. – С. 34–42.
4. Кноблаух Е. Три источника и три составные части российского антиглобализма [Электронный ресурс] / Е. Кноблаух. Текст: электронный // Интернет-сайт издания «Планета Антиглоб»: Интернет-портал. – Режим доступа : <http://antiglob.narod.ru/st/tri.htm> (Дата обращения: 28.09.2020).
5. Пегов С. Донецк — центр антиглобализма [Электронный ресурс] / С. Пегов. – Текст: электронный // RT на русском: Интернет-портал. – Режим доступа : <https://russian.rt.com/opinion/741177-pegov-donbass-forum-antiglobalisty> (Дата обращения: 29.09.2020).

ДИНАМИКА РОССИЙСКО-БРИТАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 1992 – 2018 ГГ.

Соединенное Королевство Великобритании и Серверной Ирландии и Российская Федерация, являясь важными субъектами международных отношений, играют значительную роль в обеспечении стабильности на европейском континенте, международного мира и устойчивого развитие в условиях процесса глобализации и, несмотря на всю неоднозначность, противоречивость политического диалога, Лондон и Москва, во-первых, остаются ключевыми участниками переговоров по важным вопросам международной повестки дня; во-вторых, сохраняют устойчивый потенциал торгово-экономического и культурного сотрудничества.

В период 1992 – 1994 гг. российско-британские политические связи развивались по нарастающей, в виду того, что Российская Федерация как правопреемник СССР воспринималась Соединенным Королевством одним из основных внешнеполитических игроков, без стабильных отношений с которым невозможно построения новой архитектуры европейской безопасности. Основой для нового формата отношений, в первую очередь, в политической сфере, стало подписание в этот период шести основополагающих соглашений в различных сферах. Развитию британо-российского диалога способствовали и позитивные тенденции, которые наблюдались в отношениях США и Российской Федерации. Однако, начиная с 1995 г., наблюдается постепенное снижение интенсивности политического диалога, что объясняется, прежде всего, внутренними экономическими трудностями в России, чеченской кампанией и югославским кризисом.

Несмотря на то, что новые лейбористы и, прежде всего, премьер-министр Т. Блэр исходили из возможности определенного сближения с РФ, что определялось во многом

экономическими причинами, установить новый формат британо-российских отношений в 1997 – 1999 гг. не удалось [5]. Началом нового этапа в отношениях двух стран стали изменения в высшем российском руководстве, которые привели к активному диалогу глав государств, служившему выражением значительной заинтересованности в интенсификации британо-российского политического диалога.

Основой стабильного взаимодействия Москвы и Лондона вплоть до 2004 г. был ряд факторов:

1) стремление новых лидеров утвердить свой международный авторитет за счет налаживания традиционно напряженных отношений Лондона и Москвы;

2) экономические «дивиденды» от стабильного развития двусторонних отношений. Среди основных проблем, которые оказывали определенное негативное влияние на динамику развития двустороннего диалога, были выдача политэмигрантов, чеченский вопрос и связанные с ним спекуляции по поводу нарушения прав человека [3]. При этом британская сторона делала попытку нивелировать расхождения по данным вопросам и сотрудничество в 2000 – 2002 гг. привело к качественно новому уровню британо-российских отношений, который можно охарактеризовать как «стратегическое партнерство». Однако участие Великобритании в военной агрессии против Ирака послужило началом постепенного охлаждения отношений Лондона и Москвы. Эта тенденция четко проявилась во время саммита G8 в Санкт-Петербурге в июле 2006 г. Появление «дела Литвиненко» помешало преодолению имевшегося политического кризиса, который продолжался до конца правления Т. Блэра. Именно данное уголовное дело, как его классифицировали российские власти, которое переросло в политическое, стало своеобразной «лакмусовой бумагой» для определения уровня британо-российского диалога [4].

В период правления Г. Брауна «дело Литвиненко» еще более обострилось, превратившись в один из основных проблемных вопросов в развитии двусторонних отношений. Одновременно продолжали существовать такие «старые» проблемы, как экстрадиция Б. Березовского, А. Закаева, несоблюдении прав человека, шпионские скандалы. Помимо

этого, к факторам, которые негативно сказывались на развитии политического диалога, можно отнести закрытие двух отделений Британского Совета, проблемы на совместном предприятии ТНК-ВР. В августе 2008 года важным фактором осложнения отношений Москвы и Лондона стал военный конфликт в Грузии [7].

Политический британо-российский диалог период в период 2008 – начала 2010 гг. был практически заморожен и акценты были смещены на многостороннюю повестку дня, которая выступила одной из возможных площадок для активизации диалога Лондона и Москвы. С приходом к власти коалиции во главе с Дж. Кэмерон британское руководство проявило определенную заинтересованность в выстраивании партнерских отношений с Россией и конструктивном диалоге с Москвой в виду стремления Великобритании расширить влияние на международной арене, в том числе за счёт укрепления связей с быстрорастущими экономиками мира. Однако, как и в предыдущий период, двусторонние отношения Великобритании и России в этот период во многом испытывали влияние международного контекста и «перезагрузки» не получилось на фоне нарастания общих кризисных явления во взаимоотношениях Запада и России [7]. Одновременно Лондон не смог реализовать роль посредника между Москвой и Вашингтон и убедить Россию согласиться на предложенный США и их союзниками план по решению конфликта в Сирии.

В 2014 г. произошел наиболее существенный спад в развитии отношений Москвы и Лондона, который был связан с украинским кризисом. В свете антироссийских санкций, «дела Скрипалей», взаимных обвинений в кибератаках [1] приходится говорить об очередном замораживании британо-российского политического диалога в период 2015 – 2018 гг., пожалуй, наиболее критичном за последние десятилетия.

Важнейшей составляющей отношений Соединенного Королевства и Российской Федерации является экономическая и культурная сфера, которые, несмотря на политические коллизии в отношениях Лондона и Москвы, имеют определенную внутреннюю динамику развития и порой

выступают единственно возможными площадками для двустороннего взаимодействия.

Динамика экономических отношений в рассматриваемый период имела стабильный показатель роста, за исключением кризисных 1998 – 1999 гг. и 2008 – 2009 гг. Анализ торгово-экономического сотрудничества показывает, что если в начале 1990-х гг. взаимодействие Великобритании и России определялось во многом необходимостью экономической помощи со стороны Лондона, то в конце 1990-х гг. возникает устойчивый британский интерес к российской экономике как к сфере приложения капитала.

В 2000-х гг. Великобритания активно инвестировала в российскую экономику, британский бизнес осваивал различные сегменты российского рынка [6]. При этом вплоть до 2014 г. экономические отношения не ощущали преобладающего давления со стороны политической конъюнктуры. Существенный спад в показателях приходится на период введения антироссийских санкций.

Сопоставимо с темпам развития торгово-экономического сотрудничества Лондона и Москвы шел процесс британо-российского взаимодействия в сфере культуры, спорта и образования. Основными направлениями двустороннего взаимодействия в этой сфере являлись сотрудничество в области распространения культурного продукта; проведение выставок, гастролей ансамблей, театров, перекрестного Года культуры в 2014 г.; мероприятия образовательного характера с целью популяризации британской и русской культуры; организация площадок сотрудничества между университетами; участие в Олимпийском движении [2].

Литература

1. Спецслужбы Великобритании не могут полностью защитить страну от кибератак РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5148364>.
2. Валеева Р.Р. Культурная дипломатия в развитии российско-британских отношений / Р.Р. Валеева // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств

- [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/v/kulturnaya-diplomatiya-v-razvitii-rossiysko-britanskikh-otnosheniy>.
3. Годованюк К.А. Тенденции и перспективы российско-британских отношений / К.А. Годованюк // Доклады Института Европы № 270: Коалиционное правительство Великобритании – год после выборов. – М. : ИЕ РАН, 2011. С. 170–177.
 4. Ответ официального представителя МИД России М.В. Захаровой на вопрос СМИ по поводу обнародования в Великобритании доклада председателя «публичного расследования» по «делу А. Литвиненко» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.mid.ru/ru/maps/gb/-/asset_publisher/0OgUTpTJSJ2GM/content/id/2015592.
 5. Пресс-конференция по итогам переговоров с Премьер-министром Великобритании Энтони Блэром 26 июня 2003 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22041>.
 6. Российский статистический ежегодник, 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_13/Main.htm.
 7. Britain and Russia: Hotlines and cold words [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.theguardian.com/commentisfree/2011/feb/16/britain-russia-editorial>.

**ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ТРАНЗИТ НА
ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ:
ВЗАИМОУСЛОВЛЕННОСТЬ ВНУТРЕННИХ И
ВНЕШНИХ ФАКТОРОВ**

Демократический транзит на посткоммунистическом пространстве представляет собой уникальный политический процесс, разворачивающийся одновременно в институциональной и социокультурной сферах, сопровождающийся при этом трансформациями в политике, экономике и т.д.

В настоящее время можно констатировать наличие государств, как успешно осуществляющих демократический транзит (Чехия, Польша, Словакия, Венгрия, Словения и др.), так и явных аутсайдеров в данном отношении (Туркменистан, Узбекистан, Киргизия, Таджикистан, Грузия и пр.). При этом преимущественно безуспешно осуществляется демократический транзит в азиатских республиках на фоне в целом результативной демократизации европейских посткоммунистических стран.

На посткоммунистическом пространстве наблюдается определенная детерминированность успешности демократических транзитов взаимообусловленностью внутренних и внешних факторов: подавляющее большинство демократий фиксируется именно в европейской, а авторитарных политических режимов – в азиатской части посткоммунистического пространства, находящихся в зонах влияния НАТО, ЕС, США и ОДКБ, ШОС и РФ соответственно. Одновременно с этим на каждую из стран посткоммунистического пространства воздействует совокупность внутренних факторов, обуславливая многообразие вариантов демократического транзита в его европейской и азиатской частях.

Переход к демократии – это временный процесс. Он представляет собой нечеткий период времени, протекающий между падением режима и моментом, когда рычаги власти оказываются под полным контролем сменяющего его демократического режима. Он обычно завершается, когда данная демократия наделяет себя законными институтами и конституцией, когда демократические руководители обеспечили свое верховенство, признанное армией и номенклатурой, тем самым, делая возможным мирные переходы власти. Такая оценка удовлетворительного завершения этого процесса, по мнению французского политолога Ги Эрмэ, является по сути его определением.

Переход к демократии рассматривается как промежуточная по своим характеристикам ситуация. Самой важной чертой транзита является многообразие форм, в которых он протекает. Ги Эрмэ выделяет три основных формы перехода к демократии:

«Договорной» переход может стать средством сдерживания радикальных политиков различных полюсов политического спектра. Такой вариант предоставляет необходимые гарантии тем, кто является противником реформ, а также дает возможность ограничить требования тех политических сил, которые являются инициаторами преобразований.

Другой формой перехода является «демократия сверху», означающий стремление прежнего авторитарного режима установить новый режим – демократический. Вероятность успеха данного вида перехода определяется последовательностью действий политического руководства и поддержкой народными массами инициатив демократически настроенной политической элиты.

Еще одной формой может стать «совместно управляемая демократия», являющаяся разновидностью перехода, осуществляемого на основе соглашения. На какое-то время это позволяет умеренным, из соперничающих партий, иметь влияние в правительстве с целью предотвращения негативных последствий крушения государственной власти.

Демократизации способствуют или препятствуют внешние и внутренние факторы. Значимость внешних факторов определяется глобализацией демократических процессов, среди которых важнейшими являются такие, как: нормативное отношение к демократии и массовая притягательность демократических идеалов, экономическая неэффективность и делегитимизация авторитаризма, практическое экспериментирование с демократическими институтами и процедурами, благоприятная для демократизации международная среда и некоторые другие. Внешние факторы могут выступать в виде прямого принуждения, когда внешняя сила навязывает демократические институты другой стране; в виде убеждения, осуществляемого не силовым внешним воздействием на внутривнутриполитические процессы; в виде использования системы различных стимулов, побуждающих политических акторов осуществлять те или иные шаги, в конечном счете, благоприятные для реализации определяемых извне целей, как демократических, так и недемократических.

При анализе внутренних факторов демократических транзитов существует два подхода – структурный и процедурный. В первом случае упор исследователями делается на структурные факторы – государство- и нациеобразующие, социально-экономические и культурно-ценностные условия и предпосылки демократии, во втором – на факторы процедурные: выбор и последовательность конкретных решений и действий тех политических акторов, от которых зависит процесс демократизации.

При анализе взаимообусловленности внутренних и внешних факторов демократических транзитов в европейской части посткоммунистического пространства возможно выделить ряд закономерностей. Во-первых, десять из двадцати относящихся к ней стран можно отнести к группам демократических и полудемократических государств. Во-вторых, тринадцать из двадцати стран находятся в сферах влияния других государств, в основном западных демократий. Это позволяет утверждать, что относительно высокий процент успешно демократизирующихся государств в европейской части посткоммунистического пространства прямо пропорционален

количеству стран, находящихся в сфере влияния западных демократий. В свою очередь столь высокий показатель стран, находящихся в сфере влияния западных демократий объясняется их географической близостью к последним.

В азиатской части посткоммунистического пространства прослеживаются несколько иные закономерности. В данном случае все девять стран имеют авторитарные и полуавторитарные политические режимы. При этом только четыре из девяти государств находятся в сферах влияния других стран. Высокий процент авторитарных и полуавторитарных государств здесь коррелирует со значительным количеством самостоятельных и переключающихся государств, что позволяет сделать выводы о доминировании авторитарных традиций осуществления власти на изучаемой территории. В свою очередь низкий показатель демократических и полудемократических стран в азиатской части посткоммунистического пространства объясняется отсутствием в географической близости от него развитых демократий, что усилило влияние на находящиеся здесь страны склонных к авторитаризму КНР, РФ и Ирана.

При этом следует отнести к полуавторитарным самостоятельным государствам Монголию, к авторитарным самостоятельным – Туркменистан, к авторитарным переключающимся – Грузию, Узбекистан и Азербайджан, к авторитарным включенным – Армению, Таджикистан, Киргизию и Казахстан [6, с. 115].

На постсоветском пространстве основными факторами, определяющими демократическое развитие в ближайшем будущем, являются сила президентской власти и степень проявления «европейского стиля» поведения политической элиты. В случае ослабления президентской власти будет возникать возможность свержения существующего в стране политического режима и перехода государства в сферу влияния НАТО, ЕС, США. При этом большое значение будет приобретать второй фактор, т.к. от него будет зависеть доминирующее качество нового политического режима: авторитарность или демократичность. В случае же сохранения сильной президентской власти наиболее вероятно нахождение

этого государства в сфере влияния ОДКБ, ШОС, РФ, что, однако, не исключает дальнейшего ослабления влияния последней на постсоветском пространстве.

В качестве основных сценариев взаимообусловленности внутренних и внешних факторов демократических транзитов в посткоммунистических государствах выступает приобретение ими переключающегося статуса. В восточноевропейских республиках, не входивших в СССР, этому способствует распространение настроений евроскептицизма, что позволит им обратить большее внимание на необходимость развития региональной идентичности. С одной стороны, это с высокой долей вероятности может привести к демократическому откату. С другой стороны, достраивание полноценного правого фланга спектра политических сил, в рамках которого возможно осуществление представленного сценария, является необходимым условием для эффективного функционирования партийной системы, а стало быть, и консолидации демократии. Значительно менее вероятным выглядит выход этих государств из евро-атлантических интеграционных процессов. Перспективы реализации этого варианта существенно зависят от сложности экономического положения в единой Европе.

Для постсоветских республик сценарии взаимообусловленности внутренних и внешних факторов демократических транзитов на посткоммунистическом сводятся к политической воле руководств данных стран, а именно желание и умение местных политических элит приобретать своему государству переключающийся статус. Это позволит им, с одной стороны, получить частичную поддержку западных демократий без однозначного делегирования им части суверенитета, а с другой стороны, сохранить возможность для маневрирования во внешнеполитической деятельности с целью получения собственных выгод в отношениях с претендующими на влияние в них государствами. Однако достижение указанных целей возможно и посредством сохранения государством самостоятельного статуса, но лишь при условии наличия политической воли к этому у правящей элиты и тщательно проработанной внешнеполитической стратегии. Реализуемость подобного сценария доказывает пример Монголии, тяготеющей

по ряду политических, социальных, культурных, экономических и географических признаков к постсоветскому пространству.

При этом наблюдается следующая закономерность: устанавливаемый в посткоммунистическом государстве политический режим приобретает черты политического режима влияющего государства вследствие желания властной элиты первого получить дополнительные преимущества от отношений со вторым. В частности, это выражается в том, что контролируемое государство по уровню демократизации не может находиться выше контролирующего субъекта. Данная особенность связывается с наличием дополнительного уровня контроля и управления влияющего субъекта [7, с. 198].

Таким образом, следует отметить, что тенденции взаимообусловленного развития внутренних и внешних факторов демократического транзита на посткоммунистическом пространстве носят выраженный динамический характер и меняются как во времени, так и в пространстве. В непостсоветских республиках на данный момент они связаны с развитием партийной системы и вариативностью прихода к власти тех или иных политических сил; в постсоветских странах с permanently меняющимся соотношением силы президентской власти и стиля поведения политической элиты. И в том, и в другом случае тенденции взаимообусловленности внутренних и внешних факторов демократического транзита на посткоммунистическом пространстве и их конкретные проявления на практике могут трансформироваться каждый электоральный цикл, обуславливая тем самым возможности инверсий в ходе демократического транзита.

Литература

1. Баранов Н.А. Трансформации современной демократии // Н.А. Баранова. – СПб. : БГТУ, 2006. – 248 с.
2. Вайнштейн Г.И. Российский транзит и проблема типологического разнообразия «глобальной демократизации» / Г.И. Вайнштейн // Политические институты на рубеже тысячелетий. – Дубна, 2001. – 320 с.
3. Красин Ю. Российская демократия: коридор возможностей / Ю. Красин // Полис. – 2004. – 167 с.

4. Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты (теоретико-методологические и прикладные аспекты) / А.Ю. Мельвиль. – М., 1999. – 349 с.
5. Оффе К. Дилемма одновременности: демократизация и рыночная экономика в Восточной Европе / К. Оффе // Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей: В 2 т. – Т.2 : Постсоциалистические трансформации в сравнительной перспективе. – СПб., 2003. – 480 с.
6. Сморгунов Л.В. Сравнительная политология: теория и методология измерения демократии / Л.В. Сморгунов. – СПб., 1999. – 290 с.
7. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / С. Хантингтон. – М., 2003. – 390 с.

УДК 32

*А.И. Косинский,
О.Г. Михайловская
(г. Луганск, ЛНР)*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕКЛАМА В ПРАКТИКЕ СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВ

Функции политической рекламы всегда реализуются в конкретно-исторической ситуации, политическом контексте. Решая свои задачи в рамках национального государства, политическая реклама всегда приобретает соответствующие национально-страновые отличия, касающиеся содержательных, стилевых компонентов рекламной деятельности, а также характера ограничений на распространение рекламных материалов. Они весьма разнообразны. Например, в Коста-Рике не используется реклама, содержание которой невозможно доказать.

Предвыборная агитация в США кардинально отличается от той, которую привыкли видеть россияне. Во-первых, никаких билбордов и растяжек с фотографиями кандидатов. Только наиболее активные сторонники тех или иных кандидатов

выставляют небольшие постеры на своих лужайках. Частная собственность – здесь каждый решает сам. Также вы не увидите здесь людей, раздающих на улицах рекламные листовки или партийные газеты.

Личный подход – вот что отличает американскую предвыборную кампанию. Представители партий и доверенные лица кандидатов ходят в гости к избирателям. Просто стучатся в двери, чтобы побеседовать, рассказать о программе.

Ограничений по содержанию политической рекламы и агитации в США нет. Единственный критерий, которым руководствуются кандидаты – чтобы это было не слишком противно, не отпугнуло избирателей. А вот на какие деньги агитация снимается, транслируется и печатается – это по-настоящему важно. И вопрос этот, как и многое в избирательной системе этой страны, контролирует некоммерческая организация. Официально она называется «Центр за ответственную политику», его главная задача считать из каких источников финансируется кампания каждого кандидата.

Ограничений по тратам на выборах по закону нет 2016 году побит рекорд стоимости выборов – 6,6 млрд долларов. А вот ограничения по сборам средств в предвыборные фонды есть. Первое и главное – никаких иностранных денег. Второе – сумма пожертвований лимитирована. Каждый житель США может перечислить в поддержку своего кандидата не более 2700 долларов. И ни центом больше. Это делают немногие, всего 0,44% населения жертвуют в избирательные фонды более 200 долларов, но лимит есть – он установлен как раз для самых богатых. Однако с введением этого ограничения система не стала прозрачной. Ведь кампания может финансироваться не только из фонда кандидата. Может из персонального кармана 23% стоимости кампании Трампа, его личные деньги. Может из какого-то другого фонда, денег партии – и еще множества источников. Если заинтересованный избиратель, гражданин США, хочет просто заказать видеоролик в поддержку своего кандидата, или провести мероприятие, или сделать что угодно еще – пожалуйста. Т.е. избиратель может 2700 долларов отдать в фонд Хиллари Клинтон, а потом еще на 27 000 или на 2 700 000 долларов поагитировать за неё саму [1].

В Европе сложились другая практика, другой стиль использования политической рекламы. Здесь в избирательном процессе акцент делается в большей степени на популяризацию партийных структур и их программных документов, нежели личностей кандидатов. Диалог с общественностью строится вокруг волнующих и широко обсуждаемых ею тем, а не персональных качествах претендентов на власть. Весьма показателен и общественный контроль за содержанием рекламных материалов. Например, в Финляндии не разрешается показ рекламы, в которой содержатся нападки на личность. Не допускается здесь и сочетание политической рекламы с другими видами рекламной продукции.

Во Франции в рекламных материалах нельзя использовать символы государства. Даже демонстрация служебного офиса правительственного чиновника в рекламном клипе считается нарушением законодательства.

Во Франции под политической рекламой сегодня понимается политическая реклама, распространяемая на платной основе, то есть платные рекламные ролики на телевидении, аудиоролики по радио, печатные сообщения в газетах и журналах. Подобная реклама во Франции запрещена, что отображено в Избирательном кодексе [2].

Существуют определенные правила, касающиеся оформления рекламных плакатов: кандидаты не могут использовать цветовую гамму французского флага в той комбинации, в которой она его повторяет – синий-белый-красный, так как это является символикой государства. Во Франции, согласно избирательному законодательству, подлежит запрету так же популярная, и считающаяся одной из самых эффективных технологий завоевания дополнительных голосов в США – телефонный обзвон избирателей [3].

Политическая реклама в Федеративной Республике Германия ограничена. Исключением является период предвыборной кампании. Действующим законодательством Германии запрещена сравнительная реклама. Важно отметить, что широкоформатная реклама в стране не пользуется популярностью, так как размещение на билбордах стоит дорого, время размещения лимитировано одним-двумя днями.

Перед выборами улицы Германии пестрят изобилием табличек с лицами кандидатов в президенты или другие органы власти. Главное требование к представителям рекламной кампании – отсутствие сравнения. В стране строго запрещено приводить сравнительные характеристики кандидатов и участников предвыборной кампании.

Помимо билбордов и табличек на улицах, в Германии используют полиграфическую продукцию. Немцы получают буклеты, брошюры и листовки через почтовые ящики. Часто на этих буклетах фигурирует формулировка «Не для рекламы». Важной особенностью печатного материала, да и немецкой политической рекламы в целом является лаконичность, краткость и выразительность. Те, кто получают рекламные материалы, в рамках предвыборной кампании, сразу видят то, что нужно: информацию о партии или кандидате, слоган и его изображение.

В 2000 году канцлер ФРГ Ангела Меркель приходит в «большую» политику, становится лидером партии Христианско-демократического союза. С этого момента рекламщики начинают уделять ей повышенное внимание, критикуя, в том числе и её немодную стрижку. Этот образ ложится в основу рекламного текста компании Sixt с двойным изображением Ангелы Меркель с её повседневной стрижкой и прической под панка и подписью «Хотите новую прическу? Возьмите в аренду кабриолет.

Много различий между государствами и в других областях рекламной деятельности. Большинство из них продолжают контролировать телеэфир, предоставляя всем кандидатам равное количество времени. Практически во всех европейских странах преимущество в использовании телерекламы отдается сложившимся партиям. Но при этом во Франции и Германии рекламное время предоставляется партиям на национальных каналах только в соответствии с количеством набранных ими голосов на предыдущих выборах.

Чтобы показывать предвыборную рекламу в Израиле, как в предвыборный период, так и на постоянной основе, необходимо пройти специальную проверку.

Проверка является обязательной независимо от того, какие объявления и расширения планирует размещать рекламодатель. Подача заявки может состоять из одного или двух этапов, каждый из которых может занимать до пяти рабочих дней. Ниже приводится подробная информация об условиях прохождения проверки.

Израиль отводит для выступлений всем партиям равное количество минут, а новым, только выходящим на политический рынок организациям, меньше времени – десять минут.

В Финляндии и в Италии с 1994 г. представители всех партий и объединений могут свободно покупать рекламное время на телевидении. А во Франции – в отличие от Англии, Германии и Нидерландов – запрещено размещение рекламы на частных телеканалах. Практически во всех странах ограничено количество рекламных вставок в телепередачах, и там, как правило, используются в основном короткие заставки перед фильмами и спортивными передачами. Как правило, их время равняется 0,5 – 2,5 минуты, однако в Англии правящая партия находится в привилегированном положении и может рекламировать свою деятельность пять минут. Во время президентских выборов в ряде стран время показа рекламной продукции увеличивается.

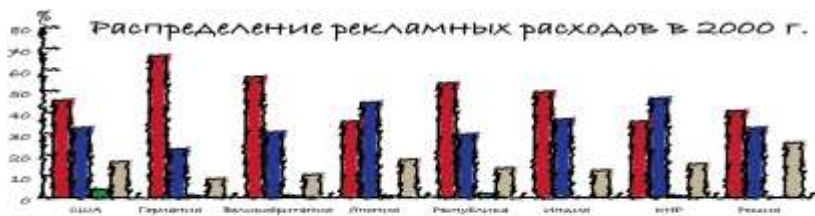
В России же, где освоение технологий политической рекламы происходило в кратчайший исторический срок, также сложились собственные особенности установления

соответствующего типа коммуникаций. За десятилетие в стране возникли кадровые и институциональные структуры, выросло поколение специалистов, сформировались первые элементы законодательного регулирования этой сферы. В частности, законодательные ограничения касаются распространения рекламных сообщений, нарушающих тайну частной жизни, осуществляющихся опасным для здоровья людей способом и популяризирующих деятельность запрещенных законом партий. Наложено запрещение на участие в рекламных акциях должностных лиц. Установлены свои соотношения времени и цены на распространение рекламных продуктов в СМИ. Например, в определенных передачах под рекламу отводится не более 10% всего времени или 40% площадей отдельного номера, специализирующегося на рекламе печатного издания.

Как показывают современные исследования, только 14,9% россиян обращают внимание на рекламу по радио, а 61,2% жителей привлекает телереклама. 26,2% вообще не обращают внимания ни на какие виды рекламы. Реклама в газетах и журналах может заинтересовать приблизительно 21% респондентов. Щитовая реклама привлекает 6,6% опрошенных, а на транспорте – 4,7%. Реклама, присылаемая по почте, вызывает интерес у 2,5%, а интернет-реклама – у 0,5% опрошенных граждан [4].

В 2016 г. произошло знаменательное событие – расходы на рекламу в интернете превысили расходы на телевидение, в страновом разрезе лидер однозначный – США. Страна аккумулирует 37% рекламного рынка планеты.

Российский рынок интернет-рекламы является крупнейшим в регионе Центральной и Восточной Европы, его объем занимает 50% от совокупного рынка. В 2019 году российский рынок интернет-рекламы достиг объема 3,75 млрд долларов, что на 21% больше, чем годом ранее.

Развитие рынка рекламы отразилось на политической рекламе, преимущества которой выражаются в её интерактивности, политик имеет возможность вести постоянных диалог с аудиторией, экономии денег и времени, точный геотаргетинг, политик может настроить рекламу на аудиторию в подходящей локации, ненавязчивости, если реклама не заинтересует человека, он спокойно может ее пропустить, близости к целевой аудитории, политические публикации не напоминают рекламные.

Литература

1. Особенности политической рекламы по-американски [Электронный ресурс] // Знак. Интернет-газета. – 8 ноября 2016. – Режим доступа : https://echo.msk.ru/blog/znak_com/1870118-echo/
2. Гайсина Э.И. Практика политического рекламирования в России и Франции (на примере президентских избирательных кампаний 2007 – 2008 гг.) [Электронный ресурс] // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2012. –

№ 12 (26): в 3-х ч. – Ч. III. – С. 54-59. – Режим доступа : https://www.gramota.net/articles/issn_1997_2012_12-3_11.pdf

3. Там же.
4. СМИ в России: потребление и доверие. Аналитический обзор ВЦИОМ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://wciom.ru/tematicheskii-katalog/mass-media>

УДК 32.2

*О.В. Ковалёва,
О.Г. Михайловская
(г. Луганск, ЛНР)*

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ

На современном этапе развития политического процесса особенно актуальной становится проблема политического участия граждан. Так как, во-первых это, – способ презентации рядовыми участниками политического процесса своих интересов в разнообразных видах политической деятельности: участие в выборах, референдумах, забастовках, общественно-политических движениях и т.д. Во-вторых, принятие и реализация управленческих решений, осуществляемых политическими лидерами и элитами. Этими особенностями и обусловлена важность политического участия в демократической практике государств.

В политическую практику западных государств, возможность всех и каждого принимать участие в решении судеб общества и своей собственной, быть сопричастным к политической жизни страны, региона, города приходит в 60 – 70-е гг. XX в., это было обусловлено рядом причин, прежде всего, усиливается отчуждение политических партий от рядовых членов и избирателей, растёт профессионализм, повышается культурно-образовательный уровень граждан.

В транзитивных государствах эта традиция закрепляется в политической практике на определенном этапе, и поэтому

существует острая необходимость сделать процесс политического участия не только традиционным для их граждан, но и более демократичным и прозрачным.

Под политической участием мы понимаем систему форм, методов и средств воздействия на политические институты власти со стороны субъектов политических отношений для достижения собственных целей.

Особую роль в этих процессах играет политическая элита. Особенностью современного этапа развития политического процесса в государствах постсоветского пространства сложившаяся система в целом закрытого для управляемого общества процесса формирования политической элиты. Такой процесс осуществляется в форме отбора кандидатов узким кругом руководящих лиц по субъективным причинам, в связи с чем, политическая элита еще более обособляется от управляемого общества и поднимается на новый, недостижимый уровень элитарности. Идёт процесс стагнации оппозиционных политических сил, отсутствии политической конкуренции внутри крупных политических партий и их невысокая электоральная поддержка в силу сложившего политического абсентеизма.

В настоящее время в России только три социальных института имеют положительный баланс доверия: вооруженные силы РФ, президент и органы госбезопасности. Все остальные, начиная с церкви и других религиозных объединений, благотворительных организаций, по отношению к ним доли «доверия» и «недоверия» примерно равны, находятся в зоне преимущественно негативного отношения. Если же к этим показателям недоверия добавить затрудняющихся с оценкой как выражение косвенного недоверия или оппортунистического ухода от открыто негативной позиции, что свойственно пассивным в общественном плане контингентам населения, то картина массовых представлений о социальной и политической системе современной России предстанет с абсолютной ясностью

Сегодня в обществе сформировался запрос на обновление политических элит, учет такого запроса позволит купировать риски усиления деструктивной части экономической и региональной политической элиты, расширит возможности

ротации политических элит, усилит роль институтов гражданского общества и приведет к воспроизводству авторитетных политических лидеров.

Сравнение рейтингов «полного доверия» 1999 и 2020 годов

(в % к числу всех опрошенных, ранжировано по 1999 г.)

	1999	2020
Церковь	36	42
Армия	35	66
СМИ	22	35
Местная власть (городская, районная администрация)	22	33
Органы госбезопасности	19	53
Областные, республиканские органы власти	19	36
Профсоюзы	10	27
Правительство	8	38
Политические партии	4	22
Президент	2	58
<i>Сумма сопоставимых ответов</i>	177	41

(<https://www.levada.ru/2020/09/21/doverie-institutam/>)

Литература

1. Бурда М.А. Политическая элита современной России: кризис формирования. Проблемы постсоветского пространства [Электронный ресурс] / М.А. Бурда. – 2017. – № 4(4). – С. 373–379. – Режим доступа : <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2017-4-4-373-379>

*А.А. Эскузян,
О.Г. Михайловская
(г. Луганск, ЛНР)*

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ В ТРАНЗИТИВНЫХ ГОСУДАРСТВАХ

В соответствии типу оппозиции формируются и методы ее политической деятельности: от критики режима узкой группой инакомыслящих, диссидентов, которые олицетворяют духовную оппозицию власти и не прибегают к каким-либо активным политическим действиям, организации протеста к политическому террору и насилию со стороны партий и движений, которые находятся в нелегальном положении. В сочетании с реакцией власти на свою деятельность оппозиционные силы дифференцируются по степени влияния на процесс принятия политических решений, по объему доступа к общегосударственным СМИ, по характеру критики власти. Они могут инициировать разрушительные для государства формы, такие как, нелегальное вооруженное сопротивление, революции, мятежи, бунты, гражданские войны. Но оппозиция также может играть роль «клапана» для «выпуска пара», снижения уровня протеста с целью стабилизации власти и даже выполнять чисто декоративные функции.

Нередкие случаи, когда общественный протест передается от прошлого режима и усиливается в абсолютно другой ситуации, действуя независимо от положительных, реформаторских усилий власти. В такие периоды режим может оказаться в частичной изоляции, а оппозиция играть роль защитницы общественных интересов, используя методы манипулятивного убеждения общественности.

Наиболее ощутимые проблемы для режима создает непримиримая оппозиция, которая не признает данного правительства, постоянно призывает к пересмотру результатов

выборов, не учитывает правила политической игры и имеет тенденцию переходить к вооруженным формам протеста.

Непримиримые оппозиционеры нередко отказываются от участия в выборах, используют провокации, ведут поиск союзников за границей, призывают к международной поддержке своих требований, убеждают общество в том, что правящий режим является проводником зарубежных интересов и получил власть вследствие противоправных действий или международного тайного заговора, в виде популярных призывов «масонов», «мирового сионизма» и т.п.

При конкурентной демократии даже непримиримая оппозиция может приобщиться к политической системе. И одновременно она может возглавить сопротивление режиму, протесты и добиться свержения власти, как, например, антикоммунистические силы в странах Восточной Европы в 90-е гг. XX ст. В то же время, непримиримая оппозиция, когда общество отказывает ей в доверии, нередко подвергается политическим репрессиям, а правительственные решения принимаются с целью ее окончательного разгрома.

Конкуренция власти и оппозиции позволяет обеспечить поступательное развитие общества, содействует его консолидации, а в рамках государства – создает надлежащую основу альтернатив правовой политики. При этом можно констатировать, что чем больше структурировано и развито гражданское общество, тем меньше расхождений в программах партий, которые находятся у власти и в оппозиции, например, республиканцы и демократы в США. Существующие расхождения затрагивают преимущественно тактические вопросы и не относятся к стратегическим, а тем более не расходятся в фундаментальных принципах развития общества и государства. Смена президента, парламента или правительства не ведет к изменению политического курса. Таким образом, можно констатировать, что в таких условиях гражданское общество и его институты, идеалы и ценности являются основой социальной стабильности общества в целом.

Положительно оценивая наличие оппозиции и ее в целом положительное значение для развития гражданского общества и правового государства, нужно учитывать, что

оппозиция ни в коем случае не должна посягать на суверенитет и территориальную целостность государства, призывать к актам массового неповиновения. В таком случае должна быть четко определена граница между актами массового неповиновения, демонстрациями, манифестациями, митингами, пикетами, другими акциями протеста и массовыми беспорядками, которые угрожают стабильному, поступательному развитию государства и общества.

Оппозиционные политические силы по обыкновению более близки народу, лозунги и призывы оппозиции более понятны для среднего гражданина, ведь их объединяет негативное отношение к официальной власти. Публичность оппозиции создает впечатление открытости действий и прозрачности намерений. Общественность не пугает отсутствие конкретного плана преодоления тех или иных кризисных явлений. В этом кроется главный риск – построение стратегии, которая лишена действия, то есть полное отчуждение лозунгов от реальной деятельности. Ярким примером могут служить популярные в парламентах некоторых стран методы «воздушных шариков» и методы «активной бездеятельности». Вместе с блокированием работы парламента и демонстративными призывами, не выдвигаются альтернативные программы или же аргументации протеста.

Главной характеристикой любого типа оппозиции есть степень ее слаженности, организованности, массовости, отношение к легальным и законным средствам протеста. Иногда оппозиция создается даже внутри правящих кругов, например, на основе разочарования правящей элиты в идеалах системы власти.

В большинстве государств переходного типа, на протяжении многих лет независимости возникли такие понятия, как «тихая оппозиция», «маргинальная оппозиция», «игрушечная оппозиция», «карманная оппозиция» и т.п. Это свидетельствует о непонимании сущности этого явления и о невозможности воплощения его в жизнь. Изменение ролей между властью и оппозицией происходит настолько часто, что проследить и проанализировать принципы оппозиционной деятельности довольно сложно. Но основными чертами,

которые отличают оппозиционную силу, есть ярко выраженная враждебность, несдержанность, агрессивность, категоричность и т.п. В целом политические акции оппозиции могут носить насильственный характер: вооруженные восстания, партизанская война, террористические акты, военные перевороты и т.п. И вместе с тем, существует множество форм легальной конструктивной борьбы за достижения политических целей. Этот «арсенал» мирного противостояния должен стать основой политической деятельности современной оппозиции, а принципы, которые мотивируют действия оппозиционеров должны коррелироваться с нормами морали и этики.

Характеризуя статус оппозиции, ученые акцентируют внимание на том, что политическая сила должна определить границы своей оппозиционности. Критериями данной классификации выступают: степень лояльности к целям и ценностям правительства, соответственно выделяют проправительственную, нейтральную и непримиримую формы (типы) оппозиции, а также институционализированную, такие как, партии, «теневые кабинеты» и т.п. и не институционализированную, та, которая ограничивается идейной критикой. Значительные проблемы для политического режима создает непримиримая оппозиция, которая не признает ценностей властной верхушки, постоянно призывает к пересмотру результатов выборов, не считается с нормами политической игры и имеет тенденцию переходить к военным формам протеста.

Исследуя процесс перехода к оппозиционному статусу и построение новой, отличительной платформы политического действия, не имеется в виду полное отчуждение оппозиции от государственной власти. Исследователи не сводят отношения власти и оппозиции к состоянию враждебности и неприемлемости целей и ценностей. Государства, которые постепенно продвигаются путем демократических изменений, должны учесть, что необходимо выработать гибкую тактику относительно оппозиции. Для этого целесообразно использовать технологии политического логроллинга, введение торга с конкурентами, достижение соглашений и т.п., частичного

блокирования и создания коалиций с представителями оппозиции. Необходимо широко внедрять механизмы согласования интересов, создавать согласительные комитеты, арбитражные комиссии в парламенте, проводить «круглые столы». В таком случае оппозиция никогда не станет «одиночным» институтом, угроза для власти уменьшается, а уровень интеграции общества повышается.

Таким образом, политическая оппозиция, независимо от состояния своего институционального оформления, должна перейти от статуса маргинального политического актора к статусу носителя альтернативных путей общественно-политического развития. Придерживаясь принципов цивилизованности, конструктивности, системности, действенности, оппозиция должна выработать механизм сотрудничества с представителями официальной власти. Не решенным остается вопрос ответственности политической оппозиции в государствах переходного типа на уровне государственной власти.

Среди государств, относящихся к категории «переходных / гибридных режимов». Наилучший рейтинг среди 27 посткоммунистических стран имеет Эстония 7,85. Украина, начиная с 2002 года, имела постоянно возрастающий в рейтинге среди демократических стран Восточной Европы, с 2015 г. этот рейтинг стал резко снижаться и сегодня страна занимает 86 место, разделяя эту строку с Мали [1].

Как уже отмечалось, статус оппозиции влияет на отношение общественности к политической силе. Многочисленные социологические исследования, мониторинги общественных настроений фиксируют рост негативного отношения к политической сфере, более того 43% украинцев считают, что оппозиции в стране не существует, такого антирейтинга нет ни в одном государстве переходного типа [2]. Разочарование. Вот главная характеристика отношения украинцев к политической жизни в стране. И, в первую очередь, к оппозиционерам. Ведь те, кто сегодня критикует действующую власть, вчера управляли государством и наоборот, тот, кто сегодня у власти вчера был в оппозиции.

Таким образом, на современном этапе развития политической системы транзитивных государств, на деятельность политической оппозиции влияют такие факторы:

- медиатизация политики, что обуславливает перемещение деятельности оппозиции в коммуникативную сферу, ставит задачу формирования оппозиционного дискурса;

- процессы глобализации, которые разрушают границы между государствами и переносят центр политического взаимодействия из национальных государств и правительств на транснациональных политических и экономических акторов;

- демократизация политического взаимодействия, формирование консолидированной демократии на постсоветском пространстве. Учитывая изменение властных элит, такой контекст влияет как на деятельность власти, так и оппозиции;

- уменьшение роли идеологии в политической жизни общества, в том числе – веса в предвыборных программах оппозиционных партий.

Недостаточная эффективность оппозиционной деятельности обуславливается такими факторами:

- фрагментарность общества, интересов групп и сообществ;

- фактическое отсутствие традиций оппозиционной деятельности на постсоветском пространстве;

- неразвитость институтов гражданского общества;

- противоречия между содержанием политической деятельности правящего класса и интересами общества;

- недостаточный уровень профессиональной компетентности политических акторов, их ценностная разобщенность в решении ряда принципиальных вопросов внутренней и внешней политики;

- несовершенство правовой базы деятельности оппозиции;

- низкий уровень политической и гражданской культуры общества;

– не достаточный уровень развития партийной демократии, альянс партийных структур и финансово-промышленных групп.

Литература

1. Рейтинг стран мира по уровню демократии [Электронный ресурс] // Гуманитарные технологии. Аналитический портал. – Режим доступа : <http://gtmarket.ru/ratings/democracy-index/info>
2. Опросы украинцев [Электронный ресурс] // Корреспондент. – Режим доступа : <https://korrespondent.net/tag/3179/>

УДК 321.6/8:061.2

*А.А. Боровской,
О.Г. Михайловская
(г. Луганск, ЛНР)*

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Политическая модернизация характеризуется созданием дифференцированной политической структуры с высокой специализацией государственных и гражданских институтов, необходимостью повышения уровня политического участия граждан. Это обуславливает необходимость определения роли институтов гражданского общества в обеспечении данного процесса на современном этапе политического развития.

Гражданское общество как целостный феномен возникает на определенном этапе исторического развития общества. Основными предпосылками его формирования есть наличие индивидов, которые имеют фундаментальные гражданские права и свободы; существование в социальном просторные свободных от прямого государственного вмешательства сфер, необходимых для создания таких институтов; наличие в гражданской среде идей согласия, плюрализма, толерантности, взаимоуважения, которые

должны стать основой объединения людей, мотивом их участия в общественно-политической жизни [1].

Создание политико-правовых условий предоставляет возможность объединениям граждан принимать участие в общественно-политической деятельности через соответствующие институты.

Формирование институтов гражданского общества происходит в рамках процесса модернизации, то есть комплекса социальных, экономических, политических, культурных, интеллектуальных трансформаций, которые в отличие от традиционного, ведут к формированию современного общества. В государствах постсоветского пространства происходит своеобразный переходный период от тоталитарного политического режима к демократическому. В этом смысле актуальность и значимость теории модернизации для политической науки заключается в возможности соотнести сегодняшние проблемы с опытом и общим направлением цивилизационного процесса, найти точки отсчета для определения конкретных путей демократизации.

В концепциях модернизации можно выделить следующие особенности формирования и развития как гражданского общества в целом, так и отдельных его институтов. Гражданское общество определяется как общество, которое приходит на смену традиционному общественному порядку; или как общество, которое выходит из современного состояния и вбирает в себя все присущие ему черты. В обоих случаях – это не разные типы, а лишь разные фазы или стадии существования и развития гражданского общества.

На современном этапе во всех сферах жизни общества сосуществуют и взаимодействуют досовременные, современные и постсовременные системы развития общества. Наиболее развитые в экономическом, политическом и культурном отношении страны Запада представляют постсовременный этап развития общества. Значительная часть стран, находятся на современной стадии развития или на этапе перехода к ней. Так называемые страны «третьего мира» принадлежат по данной типологии к просовременным формам общества, в которых гражданское общество находится только на стадии зарождения

его институтов. Итак, как видим, статус гражданского общества на разных фазах своего исторического развития разный. В постсовременном обществе утверждается его полное господство, при этом государство становится лишь одним из субъектов и участников политики вместе с другими автономными субъектами. Одновременно с распространением сферы влияния гражданского общества и укреплением его статуса как основного субъекта институциональных изменений, на этапе постсовременности происходит глобализация институционализации. В современном обществе, государство продолжает быть арбитром и единым координационным центром, хотя и не в такой мере, как в традиционных обществах. Поэтому можем рассматривать гражданское общество как творение современной цивилизации, которое определено всем ходом ее истории.

Необходимо обратить внимание, что общей чертой всех указанных теорий модернизации есть ориентация ученых на поиск системоорганизующих факторов формирования гражданского общества. Для большинства из них характерна точка зрения на формирование гражданского общества как спонтанный процесс, который обусловлен причинами случайного характера и сознательными действиями людей. Современное содержание гражданского общества определяется, прежде всего, причинами нематериального происхождения. Если на этапе его зарождение первостепенное значение имело развитие рыночных отношений, промышленной индустрии и техники, то на этапе перехода к постсовременности преобладающим становится влияние культуры, менталитета народа.

В оценке качественного состояния политической модернизации исследователи имеют как общие подходы, так и содержательные расхождения. В зависимости от того, как они квалифицируют тип политической системы, социума, культуры, наблюдаются и расхождение в понимании институционализации гражданского общества.

В целом характерной особенностью теории модернизации есть сосредоточение внимания на межформационных, продолжительных линиях истории, в

поиске путей решения проблемы преемственности развития страны, как результата противоречивого взаимодействия внутренних и общецивилизационных социокультурных факторов.

Временные рамки формирования институтов гражданского общества, способ осуществления этого процесса определяются типом модернизации.

В контексте общего процесса модернизации осуществляется политическая модернизация, которую ученые определяют, как процесс трансформации общества, связанный с изменением, обновлением институтов политической системы, а также характера политических отношений [2]. Этот процесс обусловлен как объективными, социально-экономическими и культурными, так и субъективными факторами, а именно способностью элиты осуществлять эффективные изменения в политической системе.

Перспективы политической модернизации будут определяться способностью режима решить следующие группы проблем, которые содержат как общий, так и специфический характер. Прежде всего, надо вывести из-под политического контроля преобладающую часть экономических ресурсов, создать открытую социальную структуру путем преодоления стойкой территориальной и профессиональной закрепленности людей. Необходимо развернуть формирование политических институтов и культуры, которые бы обеспечили открытое политическое соперничество разнообразных сил в борьбе за власть. К тому же, нужно создать эффективную систему местного самоуправления, которая бы превратилась в реальную альтернативу традиционному бюрократическому централизму.

В постсоветских государствах, в конце 80-х гг. XX ст., идея необходимости формирования гражданского общества появилась, как определенный продукт человеческого мышления, форма отображения действительности. Граждане начали осознавать цель, перспективы и практическое значение гражданского общества. Мировой опыт стал доступным и возник большой соблазн внедрить его в своей стране.

В первую очередь обращает на себя внимание тот факт, что институты гражданского общества возникали и

функционируют, как определенный отзыв на нужды жизни. То есть, институты формируются исторически, и определяющим условием их становления есть соответствующие вызовы исторических обстоятельств. Учитывая эти вызовы, институты гражданского общества представляются как исторически сформированные, самовоспроизведенные формы взаимодействия относительно реализации индивидуальных нужд и распределения общественных ресурсов на определенном этапе развития общества. Именно они, как совокупность действий, обеспечивают на высококвалифицированном уровне реализацию законных прав, частных потребностей человека и гражданина.

Становлению институтов гражданского общества способствует необходимость в реализации гражданами профессиональных, любительских и других общественных интересов. Институты гражданского общества должны действовать эффективнее государственных органов. Этому способствует присущая им гибкая система управления, способность быстро адаптироваться к меняющимся условиям и нуждам, определенная их независимость от решений государственных органов. Таким образом, институты гражданского общества действуют в общественных интересах, обеспечивают доступ к общечеловеческим ценностям, отстаивают принцип плюрализма и равных возможностей для всех его членов.

С другой стороны, процесс политической модернизации необходим гражданскому обществу учитывая то, что оно постепенно лишается идеологических стереотипов, мифов, которые противоречат политической реальности. Возрастает способность конверсионных процессов политической системы адаптироваться к новым социальным стандартам. Гражданское общество демонстрирует новые ценности и на этой основе обеспечивает более тесное сотрудничество власти и народа. Как результат, возможно преодоление отчуждения населения от политической жизни и обеспечено широкое участие в качестве антикризисных инициатив. Это не только ослабит и постепенно изменит традиционную элиту, но и усовершенствует нормативную и ценностную системы общества.

Гражданское общество формируется на постсоветском пространстве на основе отечественной специфики, культурно-исторических традициях. Вместе с тем, определяющими препятствиями на пути институционализации гражданского общества на постсоветском пространстве, стали разочарование населения в демократических институтах политических партиях, выборах, отсутствие действенной судебной защиты граждан, бедность широких масс, низкий уровень гражданской политической культуры. Так же можно добавить такие факторы, как отсутствие идеи, которая интегрирует и объединяет общество, отсутствие среднего класса, несформированность независимого индивида – носителя гражданских ценностей, генератора гражданских традиций. Большинство населения маргинально, в массовом сознании все еще доминируют патерналистские настроения, не происходит радикального изменения сознания политических элит.

Литература

1. Коэн Д. Гражданское общество и политическая теория / Джин Л. Коэн, Эндрю Арато ; [пер. с англ. / общ. ред. И.И. Мюрберг]. – М. : Весь Мир, 2003. – 784 с.
2. Новейший политологический словарь / авт.-сост. Д.Е. Погорельый, В.Ю. Фесенко, К.В. Филиппов. – Ростов н/Д., 2010. – С. 152.

УДК 32:327.5

*А.Э. Гребенкин
(г. Луганск, ЛНР)*

ВТОРАЯ КАРАБАХСКАЯ ВОЙНА И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ РОССИЙСКО-АРМЯНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

27 сентября 2020 года в Нагорном Карабахе мощным наступлением армии Азербайджана началось беспрецедентное с 1994 года обострение конфликта.

С самого его начала четкую позицию заняла в конфликте Турция, решительно выступив на стороне Азербайджана.

Помимо чисто политической поддержки, Турция снабдила Азербайджан военной техникой. В СМИ появлялись многочисленные сообщения о непосредственном участии в войне турецких вооруженных сил и командиров, привлечении Турцией сирийских наемников для войны в Нагорном Карабахе. Тем не менее, и Анкара, и Баку отрицают эти данные [11; 12; 13; 14].

Другие региональные и мировые державы занять внятную позицию отказались. Франция, США, ЕС, ООН и ОБСЕ ограничились призывами к сторонам вернуться за стол переговоров и прекратить огонь. Минская группа ОБСЕ в очередной раз проявила свою беспомощность.

Российская Федерация оказалась в сложной ситуации. С одной стороны, Азербайджан – крупный торгово-экономический партнер России, важный игрок на рынке энергоресурсов, крупный импортер российского вооружения, с другой, Армения – близкий союзник, член ОДКБ, на территории которой расположена единственная в Южном Кавказе военная база Российской Федерации [6]. В данной ситуации Кремль принял решение занять выжидательную позицию. Способствовала «пассивности» Москвы в Нагорно-Карабахском конфликте и активная позиция Турции. По мнению Лоуренса Броерса, младшего научного сотрудника программы «Россия и Евразия» британского аналитического центра Чатем-Хаус, вовлеченность Турции подорвала установленную Россией систему безопасности в регионе, турецкая поддержка склонила баланс сил в сторону Азербайджана, и Кремль был вынужден приступить к поиску новых рычагов воздействия на конфликт, поменять тактику в регионе [14].

Сама Армения, как указал в интервью немецкой газете Bild Никол Пашинян, хотела бы, чтобы Россия и европейские государства, как основные партнеры Армении, заняли более четкую позицию в вопросе конфликта. Тем не менее, использование сил 102-ой военной базы и совместной системы ПВО армянский премьер ожидал только в случаях, которые четко прописаны в соглашениях между Арменией и Россией, т.е. в случае вооруженного нападения непосредственно на территорию самой Армении [4;11].

К началу ноября Азербайджану удалось продвинуться глубоко внутрь территории НКР [8]. 8 ноября И. Алиев заявил о взятии Шуши азербайджанской Армией, а 9 ноября это подтвердили власти Нагорно-Карабахской Республики, под угрозой захвата оказалась столица республики Степанакерт [3; 1].

Однако в конфликт неожиданно вмешалась Россия. Вечером 9 ноября 2020 года азербайджанскими вооруженными силами в воздушном пространстве Армении недалеко от границы с Нахичеванской АР был сбит российский военный вертолет Ми-24. В этот же день МИД Азербайджана признал, что случайно сбил российский вертолет, выразил соболезнования членам семей погибших и заявил о готовности выплатить компенсацию российской стороне [2]. Россия позитивно оценила признание своей вины и извинения со стороны Баку за сбитый вертолет [10]. По мнению Александра Скакова, заместителя директора Института востоковедения РАН, данный момент нельзя считать случайностью. Представляется, что по подсказке Турции, азербайджанцы попытались сорвать намечавшуюся миротворческую операцию и заставить Россию выйти из роли арбитра. Однако очевидность замысла заставила Баку и Москву проявить сдержанность: Азербайджан извинился, Россия приняла извинения [7].

10 ноября 2020 года лидеры Азербайджана, России и Армении опубликовали совместное заявление о полном прекращении огня и всех военных действий в зоне нагорно-карабахского конфликта с 00:00 10 ноября 2020 года. Подписанием совместного заявления закончилась вторая Карабахская война. Все захваченные Азербайджаном земли перешли под его контроль. Вдоль линии соприкосновения в Нагорном Карабахе и вдоль Лачинского коридора на пять лет разворачивался миротворческий контингент Российской Федерации, с автоматическим продлением миссии на очередные 5-летние периоды, если ни одна из сторон не выразит возражения за 6 месяцев до истечения срока [5].

Фактически это был проигрыш армянской стороны. Подписание совместного заявления спасло Нагорный Карабах от полного разгрома, но территории, захваченные

Азербайджаном, вернуть не удалось, а это большая часть довоенной территории Арцаха (около 70%). В самой Армении после подписания заявления начались политические волнения, а премьер-министр Н. Пашинян потерял поддержку населения. Представляется, что удержаться у власти ему помогает только слабость оппозиции. Как бы там ни было, армия и население Армении морально подавлены, а сама Армения явно находится в глубоком политическом кризисе, который стране предстоит преодолевать [6; 7; 9].

Что касается России, то в этой ситуации она бесспорно укрепила свои геополитические позиции в регионе. Теперь ее военное присутствие закреплено не только в Армении, но и на территории НКР. Кремль приобрел новые рычаги влияния на Баку и Ереван. При этом ни отношения с Баку, ни отношения с Анкарой не были испорчены. Тем не менее, есть и ряд негативных моментов для Москвы. Во-первых, нет никакой гарантии, что через пять лет российским войскам не придется покинуть эту территорию по просьбе одной из сторон. Во-вторых, отношение армян к России значительно ухудшилось, армянские СМИ взорвались шквалом критики по отношению к РФ, как государству «предавшему армянский народ». Не менее важным является и укрепление позиций Турции в регионе, которая смогла протолкнуть вопрос о своих миротворцах, создании российско-турецкого миротворческого центра и вмешаться в регион, традиционно находившийся под российским влиянием [9]. Вполне возможно, что в будущем может появиться возможность создания турецкой военной базы на Кавказе. По мнению Сергея Маркедонова, появление Турции в Южном Кавказе – это всерьез и надолго и России придется с этим мириться [6]. Тем не менее, стоит отметить, что Турции так и не удалось выбить себе кресло в Минской группе.

Представляется, что в данной ситуации Москва сделала все, что могла. Воевать на международно-признанной азербайджанской территории за интересы Армении означало навлечь на себя волну критики со стороны других акторов и международных организаций. В самой Армении любой здравомыслящий человек понимает, что предъявить России нечего, по международным соглашениям она связана

обязательствами только в случае непосредственного нападения на территорию Армении, а у самого Еревана нет альтернативы. Сотрудничество с Россией – единственный гарант существования остатков Нагорно-Карабахской Республики и безопасности самой Армении от нападения Турции и Азербайджана. Вместе с тем, стоит отметить, что укреплением позиций Москва взвалила на себя огромную ответственность и дополнительные финансовые расходы на содержание миротворцев. Старший научный сотрудник Carnegie Europe Томас де Ваал заявляет, что, несмотря на то, что России удался впечатляющий дипломатический маневр, ей не стоит расслабляться, поскольку теперь на Москве лежит огромная ответственность, и если что-то пойдет не так обвинения посыплются с обеих сторон [6; 9]. Предвидеть дальнейшее развитие событий на данный момент сложно, тут возможен и дальнейший рост амбиций Турции и Азербайджана, и рост реваншистских настроений в Армении. К тому же, не снят вопрос о статусе НКР. И хотя в результате геополитических изменений главными арбитрами в конфликте стали Россия и Турция, Минскую группу никто не расформировывал [7].

В целом стоит отметить, что снижение современного уровня взаимодействия Москвы и Еревана, несмотря на геополитические изменения, произошедшие в регионе в результате войны маловероятно. Несмотря на шквал критики и недовольство населения Армении пассивной позицией России, политические реалии, а в частности отсутствие альтернатив заставят Ереван идти по пути дальнейшего укрепления двусторонних отношений с Россией. По сути, главный результат этой войны для двусторонних отношений – еще большее усиление зависимости Армении от РФ. Сама Россия, остается заинтересованной в сохранении своего военного присутствия в Армении, поскольку нет никаких гарантий, что через 5 лет миротворческий контингент не попросят покинуть свои позиции. Более того, в Москве понимают, что такие игроки, как ЕС, США и в особенности пробудившаяся Турция будут продолжать наращивать свое присутствие в регионе, а сотрудничество с Арменией остается единственным, что может противопоставить Москва другим международным акторам. В

этом плане представляется необходимым как можно скорее остудить горячие головы в Ереване и перейти к выработке четкой позиции обоих государств по отношению к системе безопасности в Закавказье, согласовать свои интересы в условиях новой расстановки сил в регионе южного Кавказа и углублять двустороннее сотрудничество для противодействия угрозам интересам обоих государств в регионе Южного Кавказа.

Литература

1. Азербайджанские военные приблизились к Степанакерту, заявили в Карабахе [Электронный ресурс]. – Российское агентство международной информации «РИА Новости». – М., 2020. – Режим доступа : https://ria.ru/20201109/karabakh-1583779992.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (Дата обращения: 12.02.2021).
2. Азербайджан признал вину в крушении российского Ми-24 [Электронный ресурс]. – Российское агентство международной информации «РИА Новости». – М., 2020. – Режим доступа : <https://ria.ru/20201109/vertolet-1583823308.html> (Дата обращения: 12.02.2021).
3. Алиев заявил о переходе под контроль армии Азербайджана Шуши [Электронный ресурс]. – Российское агентство международной информации «РИА Новости». – М., 2020. – Режим доступа : <https://ria.ru/20201108/karabakh-1583602972.html> (Дата обращения: 12.02.2021).
4. Если мир не даст четкую оценку, то Европе следует ждать Турцию окол оВены: интервью Пашипяна «Bild» [Электронный ресурс]. – Государственное информационное агентство Армении Армен-пресс. – Ереван, 2011. – Режим доступа : <https://armenpress.am/rus/news/1030313/> (Дата обращения: 13.02.2021).
5. Заявление Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Оф. сайт президента РФ. – М., 2020. – Режим доступа : <http://kremlin.ru/acts/news/64384> (Дата обращения: 12.02.2021).

6. Мир в Нагорном Карабахе: что дальше и на чьей стороне Москва [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.e-vid.ru/politika/131120/mir-v-nagornom-karabakhe-что-dalshe-i-na-chey-storone-moskva>(Дата обращения: 12.02.2020).
7. Нагорный Карабах-2020: разморозка конфликта и переформатирование его урегулирования [Электронный ресурс]. – РСМД. – Режим доступа : <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/nagornyy-karabakh-2020-razmorozka-konflikta-i-pereformatirovanie-ego-uregulirovaniya/> (Дата обращения: 12.02.2020).
8. Почему Азербайджан выиграл войну в Карабахе? Отвечают военные эксперты [Электронный ресурс]. – Русская служба BBC. – Режим доступа : <https://www.bbc.com/russian/features-54900906> (Дата обращения: 12.02.2021).
9. Сейчас самое время сформулировать обновленную армянскую позицию [Электронный ресурс]. – РСМД. – Режим доступа : <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comment/mne-kazhetsya-seychas-samoe-vremya-sformulirovat-obnovlennuyu-armyanskuyu-pozitsiyu/>(Дата обращения: 12.02.2020).
10. Что известно о крушении российского вертолета у армяно-азербайджанской границы [Электронный ресурс]. – Российское государственное информационное агентство федерального уровня ТАСС. – М., 2020. – Режим доступа : <https://tass.ru/proisshestviya/9953775> (Дата обращения: 12.02.2021).
11. «Турция должна присутствовать». Что происходит в Карабахе [Электронный ресурс]. – Российское агентство международной информации «РИА Новости». – М., 2020. – Режим доступа : <https://ria.ru/20201006/karabakh-1578295415.html>(Дата обращения: 12.02.2021).
12. France's Macron demands Turkey explain 'jihadists' in Azerbaijan [Electronic resource]. – Alarabiya news. – 2020. – Access mode: <https://english.alarabiya.net/News/world/2020/10/02/France-s->

- Macron-demands-Turkey-explain-jihadists-in-Azerbaijan (Date of treatment: 10.02.2021).
13. Pompeo urges third parties to stay out of Azerbaijan-Armenia conflict [Electronic resource]: alarabiya news. – 2020. – Access mode: <https://english.alarabiya.net/News/world/2020/10/03/Pompeo-urges-third-parties-to-stay-out-of-Azerbaijan-Armenia-conflict> (Date of treatment: 10.02.2021).
 14. Where Russia, Turkey, Iran stand in the Armenia-Azerbaijan conflict [Electronic resource]: alarabiya news. – 2020. – Access mode: <https://english.alarabiya.net/features/2020/10/09/Where-Russia-Turkey-Iran-stand-in-the-Armenia-Azerbaijan-conflict> (Date of treatment: 10.02.2021).

УДК 32

*Д.Ш. Саидов
(г. Москва, РФ)*

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН В XXI ВЕКЕ

На современном этапе Казахстан характеризуется как полиэтническое государство, консолидирующей нацией которого являются казахи, составляющие лишь 70% от общей численности населения. Следующими после казахов по численности находятся русские, составляющие 20% населения Республики, затем узбеки – 3,32%, уйгуры – 1,31% и другие, этносы, суммарно составляющие более 3% оставшегося населения страны. Таким образом, численность миноритарных групп Казахстана составляет значительную долю населения – 30% [1].

Такое этническое разнообразие в совокупности с ростом национального самосознания в Казахстане приводит к межэтническим и межконфессиональным противоречиям. Сложившаяся повестка создает запрос на реализацию политики, направленной на регулирование межэтнических процессов в Республике, которая успешно реализовывается в государстве,

сохраняя политическую стабильность и избегая крупных конфликтов на национальной почве.

При характеристике межэтнических процессов Казахстана следует принимать во внимание исторические традиции казахского народа как степного, кочевого народа, которые оказали существенное влияние на его способность к совместному сосуществованию и неконфликтному восприятию иного менталитета и культуры.

В связи с распадом СССР многие бывшие советские социалистические республики столкнулись с угрозами межнациональных конфликтов. В начале 90-х годов прошлого века Республика Казахстан на фоне экономических проблем и социальной нестабильности также столкнулась с угрозой возникновения межэтнической напряженности и возникновения конфликтов на межнациональной почве. Американский политолог Збигнев Бжезинский в книге «Великая шахматная доска» характеризовал Казахстан как страну, в которой наиболее вероятен раскол по этническим и конфессиональным причинам среди стран бывшего Советского Союза [2].

Поэтому наиболее актуальной проблемой для Казахстана в период обретения государственной независимости стала разработка политики, регулирующей межэтнические процессы в стране и способствующей созданию механизмов поддержания стабильности и порядка в стране.

Оценивая межэтнические и межконфессиональные взаимодействия Казахстана в XXI веке, необходимо принимать во внимание принятые в 1990-х годах меры, которые предопределили этническую политику государства, которая проводится до сих пор с начала XXI века.

10 октября 1997 году Президент Казахстана Нурсултан Абишевич Назарбаев изложил Стратегию долгосрочного развития в Послании народу Казахстана на следующие десятки лет: «Казахстан-2030. Процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев». Этот документ предопределил приоритетные направления развития Республики, в том числе повлияв на развитие межэтнических процессов в XXI веке. Одним из направлений курса в достижении поставленных целей было развитие

внутриполитической стабильности и консолидации общества, ориентированные на сохранение и укрепление внутриполитической стабильности и национального единства. Это позволит Казахстану уменьшить риски возникновения межэтнических и межконфессиональных конфликтов, а также этот пункт стал главным в контексте регулирования межэтнических процессов в Республике Казахстан в конце XX века и вплоть до начала 30-х годов XXI века [3].

Более того, Стратегия «Казахстан-2030» объявила духовное развитие народов Казахстана и осуществление триединой языковой политики. Именно поэтому, в 2003 году была разработана программа «Триединство языков». Реализация данного культурного проекта предполагала обретение Казахстаном авторитета высокообразованной страны, население которой владеет тремя языками: казахский, русский и английский.

Эти принципы закреплены законом «Об образовании» от 27 июля 2007 года: «Все организации образования, независимо от форм собственности, должны обеспечить знание обучающимися казахского языка как государственного, а также изучение русского языка и одного из иностранных языков в соответствии с государственным общеобязательным стандартом соответствующего уровня образования» [4].

На 2006 – 2008 годы была утверждена Программа совершенствования казахстанской модели межэтнического и межконфессионального согласия. Главной целью этой Программы стала нормализация межэтнических и межконфессиональных процессов в стране. Кроме того, предпринята инициатива по борьбе с экстремизмом, укрепилась роль сотрудничества государственных органов Казахстана в целях обеспечения стабильности межнациональных отношений в стране и достижения общественного согласия.

Ввиду принятия Конституционной реформы в 2008 году, Ассамблея народов Казахстана стала частью политической системы благодаря закону «Об Ассамблее народов Казахстана». Вследствие этого, интересы различных этнических групп стали обеспечиваться через представительство в Парламенте.

Подписание Доктрины национального единства «исходя из стремления к созданию равных возможностей и достойных условий жизни для всех граждан Казахстана, признания Всеобщей декларации прав человека, осознания ответственности за судьбу нации, созидания и укрепления национальной государственности на исконной казахской земле и других основополагающих принципов, изложенных в Декларации о государственном суверенитете, Конституционном законе о государственной Независимости и в Конституции Республики Казахстан» в 2010 году было осуществлено с целью формирования казахстанской идентичности [5]. В то же время, создание единого гражданского общества не должно ущемлять национальное самосознание тех или иных народов Казахстана [6].

В 2011 году за Ассамблеи народов Казахстана, согласно Стратегии, была закреплена следующая цель: «привлечение институтов гражданского общества к решению важных социальных проектов в области межэтнических отношений, развитие институтов гражданского общества в сфере межэтнических отношений» [7].

В декабре 2015 года была утверждена Концепция развития Ассамблеи народа Казахстана, которая определила одной из своих задач укрепление роли государственного языка, как консолидирующего фактора, сохраняя при этом традиции, языки и культуры прочих народов Республики. Кроме того, вновь поставлена цель в обеспечении эффективного взаимодействия государственных органов в достижении общенационального единства и общественного согласия. В рамках Концепции принято решение о разработке мер по оказанию содействия государственным органам в недопущении конфликтных ситуаций в сфере межэтнических отношений. Также, была систематизирована работа АНК в сфере медиации межэтнической ситуации в стране. Ассамблея будет содействовать дальнейшему укреплению в Казахстане гражданской общности с признанием многообразия культур, языков, традиций народа, консолидации и единению общества вокруг приоритетов развития страны вплоть до 2025 года [8].

Таким образом, на данном этапе становления гражданского общества в республике Казахстан, политическое регулирование межэтнических процессов является важнейшей задачей для руководства страны. Ассамблея народа Казахстана стала первостепенным элементом политической системы Казахстана, она скрепила интересы всех этносов, обеспечила выполнение соблюдения прав и свобод всех граждан, независимо от их национальной и религиозной принадлежности. Государство на протяжении всего XXI века принимает активную роль в гармонизации межэтнических процессов в Республике, создавая инструменты межэтнического, межкультурного и межконфессионального диалога, с целью создания и поддержания благоприятной среды для формирования единого гражданского общества.

Литература

1. Комитет по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан, до 2014 года Агентство Республики Казахстан по статистике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.stat.gov.kz>
2. Бжезинский З. Великая шахматная доска / З. Бжезинский. – М., 1998. – С. 76.
3. Послание Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева народу Казахстана «Процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев» (Астана, 10 октября 1997 г.) // Назарбаев Н.А. Евразийский Союз: идеи, практика, перспективы. 1994 – 1997. – М. : «Фонд содействия развитию социальных и политических наук», 1997. – С. 435–436
4. Закон «О языках в Республике Казахстан» № 151-1 от 11 июля 1997 года (с изменениями от 20 декабря 2004 года). [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.medialaw.ru>
5. Доктрина национального единства Казахстана. – Астана, 2010.
6. «Национальное единство – наш стратегический выбор». Выступление Президента Республики Казахстан

- Н.А. Назарбаева на XV сессии Ассамблеи народа Казахстана (Астана, 26 октября 2009 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.akorda.kz>
7. Указ Президента Республики Казахстан от 26 апреля 2002 года № 856. Стратегия Ассамблеи народа Казахстана на среднесрочный период (до 2011 года). [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.akorda.kz>
 8. Об утверждении Концепции развития Ассамблеи народа Казахстана (до 2025 года): Указ Президента Республики Казахстан от 28 декабря 2015 года № 148. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.adilet.zan.kz/rus/docs/U1500000148#z18>

УДК 321.7(479.243) «1997/2007»

*А.А. Пожарицкая,
Д.М. Писаный
(г. Луганск, ЛНР)*

«ТРАНЗИТНЫЕ ПРОЦЕССЫ В НКР В ПРАВЛЕНИЕ АРКАДИЯ ГУКАСЯНА»

До недавнего времени Нагорно-Карабахская республика (НКР) стояла несколько особняком среди прочих непризнанных государств. Благодаря армянской диаспоре, голос Карабаха доходил до мировой общественности, чего нельзя сказать о Приднестровье или Абхазии. Важнейший для НКР итог войны за независимость от Азербайджана состоял в том, что Карабах получил связь с Арменией, своей естественной покровительницей, чем ни Приднестровье, ни Абхазия похвастаться не могли. По этой причине, последние находятся в длительной телекоммуникационной блокаде, в то время как Карабах через Армению обеспечивался телефонной связью со всем миром.

Международные делегации без особого труда въезжали на территорию НКР через ту же Армению, имели возможность

наблюдать за ходом здешних выборов, отслеживать иные политические события в регионе.

1 сентября 1997 г. своим новым президентом карабахцы избрали бывшего военного журналиста, а затем министра иностранных дел республики Аркадия Гукасяна, а в 2002 г. переизбрали его и на следующее пятилетие – так как он приобрел высокий авторитет в 1998 – 2000 гг. в ходе борьбы с карабахской «военщиной».

За этот период новый лидер старался сформировать в НКР более или менее демократический политический режим, что давалось достаточно сложно. Государствам, возникшим из огня войн, трудно демилитаризовать свой политический режим. В самом деле, с 1992 по 1998 гг. первое лицо республики было марионеткой в руках полевых командиров. Только спустя четыре года после окончания войны гражданские руководители начали требовать возвращения себе конституционных полномочий, чем вызвали ожесточенное сопротивление бывших командиров. Хотя столкновение завершилось далеко не цивилизованным образом – террористическим актом, с одной стороны, и заказным судом, с другой – нельзя не отметить, что эта борьба сопровождалась публичными дебатами и открытой мобилизацией масс. Публичность борьбы внутри элиты (даже в условиях ее крайнего ожесточения) способствовала развитию в Карабахе многопартийности. Парламентские выборы в Карабахе проходили в 1992, 1995, 2000 и 2005 гг. До 2000 г. они проводились только по системе одномандатных округов. Однако по новому избирательному кодексу, принятому в 2004 г., на выборах 2005 г. треть депутатов была избрана уже по партийным спискам. Тем не менее, уровень пропорциональности парламентских выборов в НКР значительно ниже, чем в Армении, где 60% депутатов избирается по партийным спискам.

Нейтральные наблюдатели имели возможность открыто отзываться об этом конфликте, как о борьбе кланов, а не о столкновении милитаризма с демократией. Якобы единство элиты после победы гражданской власти в лице президента А. Гукасяна оказалось очень недолговечным. Уже в 2004 г. в республике появляется мощный левоцентристский

оппозиционный блок «Движения-88» и АРФ, который заметно обостряет предвыборные кампании 2004 и 2005 гг. в муниципалитеты и парламент. СДА удержался у власти, так как часть протестных голосов власть получила путем создания параллельной проправительственной партии «Свободная родина» [1]. Иначе говоря, правящая группировка НКР пережила выпавшие на ее долю тяжелые испытания благодаря своей политической тактике, а не использованию административного ресурса или фальсификациям, которые в условиях Карабаха вообще трудноосуществимы. Таким образом, за истекшие годы карабахская политика неоднократно демонстрировала свой публичный характер, исключительный не только для Кавказа, но и для СНГ в целом.

«Жизнь показала, что провозглашение Нагорно-Карабахской Республики было единственно верным шагом. Сегодня я могу констатировать, что мы построили государство и утверждаем в нем демократические принципы. Я уверен, что выбранный нами путь будет эффективным, и мы достигнем всех наших целей», – заявил в сентябре 2003 года в ходе торжеств по случаю Дня провозглашения Нагорно-Карабахской Республики президент НКР Аркадий Гукасян [2].

«После войны в стране была необходима политическая воля для установления демократии. В отличие от Чечни, в Карабахе нам удалось это сделать и в основном благодаря усилиям президента Аркадия Гукасяна», – считает постоянный представитель НКР в Армении Карлен Аветисян [3]. Он подчеркнул, что на момент правления А. Гукасяна в НКР активно развивались демократические институты и ВС страны находились под гражданским контролем.

Была принята первая Конституция республики на всенародном референдуме 10 декабря 2006 года. «Народ, имеющий такую сбалансированную и демократичную конституцию, народ, стремящийся к европейским ценностям, имеет больше шансов на международное признание, чем тоталитарный режим. И в этом плане я считаю Конституцию большим достижением для Нагорно-Карабахской Республики. Мы не торопились с ее принятием, потому что стремились создать лучшую в плане демократичности конституцию, по

крайней мере, на постсоветском пространстве. С принятием Конституции у нас появились новые возможности для дальнейшей демократизации страны. С Конституцией делать это легче, чем без нее. Без демократизации Нагорный Карабах не имеет шансов на международное признание» [4], – подчеркнул Аркадий Гукасян.

Кроме того, нельзя не учитывать, что президент смог обеспечить передачу власти цивилизованным демократичным путем Бако Саакяну – бывшему директору Службы национальной безопасности НКР, победившему на президентских выборах 19 июля 2007 года. Он создал новую политическую культуру в стране, проведя празднование 16-летия независимости НКР с участием двух президентов республики. «Очень «красиво», когда уходящий президент и новоизбранный президент республики вместе посещают Мемориальный комплекс столицы и отдают дань уважения памяти героев Великой Отечественной и Карабахской войн. Таким образом, в стране создается новая традиция, которая также свидетельствует о том, что мы являемся цивилизованной страной со светлым будущим», – сказал Гукасян [5].

Относительная демократичность НКР изучаемого периода объясняется, на наш взгляд, высокой самооценкой здешней элиты и господствующим среди нее взглядом на демократию как на условие выживания государства. Ситуация «не война, не мир», от которой все послевоенное время страдала республика, не привело ее к авторитаризму, а напротив, направило борьбу внутри элиты в конституционное русло.

Литература

1. Бабаян Д. Парламентские выборы в Нагорном Карабахе: правовые и политические аспекты [Электронный ресурс] / Д. Бабаян. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/parlamentskie-vybory-v-nagornom-karabahe-pravovye-i-politicheskie-aspekty>. – Загл. с экрана (Дата обращения: 03.02.2021).
2. Президент Нагорно-Карабахской Республики Аркадий Гукасян: «В любом случае мы не откажемся от своей независимости» [Электронный ресурс]. – Режим

доступа : <https://regnum.ru/news/152619.html>. – Загл. с экрана (Дата обращения: 05.02.2021).

3. Главным достижением Аркадия Гукасяна стало установление гражданского общества в НКР [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://newsarmenia.am/news/nagorno_karabakh/karabah-20070727-41713799/. – Загл. с экрана (Дата обращения: 27.02.2021).
4. Гукасян А. предложил журналистам сравнить конституции Нагорного Карабаха и Азербайджана [Электронный ресурс] / Аркадий Гукасян. – Режим доступа : <https://regnum.ru/news/polit/753320.html>. – Загл. с экрана (Дата обращения: 11.02.2021).
5. Гукасян А. Независимость Нагорно-Карабахской Республики не была для народа НКР самоцелью [Электронный ресурс] / Аркадий Гукасян. – Режим доступа : https://newsarmenia.am/news/nagorno_karabakh/karabah-20070902-41728872/ – Загл. с экрана (Дата обращения: 02.03.2021).

УДК [327:321.7](430) «197»

***Я.Э. Павлюченко,
Д.М. Писаний
(г. Луганск, ЛНР)***

«НОВАЯ ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА» – ИСКУССТВО КОМПРОМИССА

«Восточная политика» как одно из главных направлений внешней политики ФРГ берет начало в годы работы правительства первого канцлера ФРГ Конрада Аденауэра, когда остро встал вопрос о выработке чёткой политической линии в отношении ГДР, а вследствие этого – СССР и стран Восточной Европы.

Ключевым событием в развитии «восточной политики» стало канцлерство Вилли Брандта, провозгласившего переход к «новой восточной политике», которая была направлена на

улучшение отношений со странами Восточной Европы, в первую очередь с СССР, с целью последующего объединения Германии. Именно это определяет актуальность данной темы.

Существенный переворот в «восточной политике» был сделан канцлером Вилли Брандтом, который в начале 1970-х гг. сформулировал тезис «перемены через сближение» и заключил важные договоры с СССР, ГДР, Польшей и Чехословакией. Цели канцлера повторяли цели его предшественников: Брандт, в первую очередь, стремился воссоединить Германии, но его концепция и стратегия существенно отличались от идей предшествующих правительств.

В первую очередь, Брандт стремился снять накал страстей и тем самым стабилизировать ситуацию в Восточной Европе. Московский договор, подписанный в августе 1970 г. разрешал один из самых острых вопросов послевоенного мира о признании границ: ФРГ подтверждала нерушимость границ с Польшей (по линии Одер-Нейсе) и ГДР. Кроме того, Западная Германия и СССР обязывались неукоснительно соблюдать территориальную целостность всех государств Европы.

В 1990 г. эта цель была достигнута федеральным правительством Гельмута Коля, что вместе с распадом Советского Союза в 1991 г. привело к изменению внешнеполитических целей ФРГ и трансформации термина «новая восточная политика» [1].

Первые решительные шаги были предприняты канцлером Герхардом Шрёдером, вернувшем «восточной политике» статус одного из главных направлений внешней политики ФРГ, что имело серьезные основания.

Так, во-первых, огромное значение имела культурно-историческая связь между Германией и народами Восточной Европы. Во-вторых, после распада СССР регион только начал включаться в общеевропейскую политику и нуждался если не в «проводнике», то в помощнике, в связи с чем, политика расширения влияния выглядела логично и правильно. В-третьих, значительное место занимали экономические причины: Восточная Европа могла и выступать как рынок

сбыта, и претендовать на роль важного торгового партнера ФРГ [2].

Важным звеном в развитии модели «новой восточной политики» канцлера Вилли Брандта, на магистральные линии которой, опиралась «восточная политика» канцлера Герхарда Шрёдера, являются три договора Брандта – Московский (1970), Варшавский (1970) и Пражский (1973) – конструируют долгосрочную внешнеполитическую реальность, определяя основные направления германской политики в отношении стран Восточной Европы. Так, нормализация отношений ФРГ и СССР в конце XX – начале XXI вв. трансформируется в партнерство с Россией, странами СНГ (Беларусью, Украиной и Молдавией) и Балтийским регионом (Литвой, Латвией, Эстонией). Традиции, заложенные в 70-е гг. XX в. Варшавским и Пражским договорами развиваются и расширяются через многостороннее сотрудничество ФРГ с Польшей, Чехией и Словакией.

В 1968 г., когда Брандт занимал пост министра иностранных дел в правительстве Кизингера, были установлены дипломатические отношения с Румынией, а в 1973 г. подобные соглашения ФРГ подписала с Венгрией и Болгарией. Кроме того, принимается во внимание классификация макрорегионов мира ООН, согласно которой Восточная Европа охватывает такие страны как Беларусь, Болгария, Чехия, Венгрия, Польша, Республика Молдова, Румыния, Российская Федерация, Словакия и Украина [3].

Таким образом, территориальные рамки исследования основываются на концепции «новой восточной политики» Вилли Брандта и международном понимании границ Восточной Европы, зафиксированном ООН, и включают государства восточноевропейского региона (Россия, Беларусь, Украина, Республика Молдова, Болгария, Чехия, Словакия, Польша, Венгрия, Румыния, Латвия, Литва, Эстония) и ФРГ.

Продолжением стратегии канцлера стало подписание договоров с Польшей (декабрь 1970 г.) и Чехословакией (декабрь 1973 г.), где ФРГ обязывались отказаться от применения силы и вновь подтверждала нерушимость границ с этими государствами [4].

Важность такого политического решения Брандта заключалась не только в том, что путь к развитию отношений с Польшей, Чехословакией и СССР был открыт, а канцлер не побоялся пойти против мнения «немецких изгнанных» и оппозиции, но и в том, что Брандт открыл новую главу в политике «примирения и покаяния» за преступления нацистской Германии, встав на колени перед памятником Героям и Жертвам Варшавского гетто.

Правительство Брандта реализовало и желание СССР о расширении экономического сотрудничества (о чем они заявляли еще на переговорах 1955 г.). В 1970 г. страны заключили контракт века «газ-трубы» по поставке газа с восточносибирских месторождений в Западную Европу, а в 1973 г. подписали договор о развитии промышленного, экономического и технического сотрудничества сроком на десять лет.

Таким образом, «Новая восточная политика» Вилли Брандта не только нормализовала ситуацию в Восточной Европе, но и фактически исправила почти все ошибки экс-канцлера. Концепция социал-демократа Брандта основывалась на трех фундаментальных идеях, которые, что интересно, являлись прямыми альтернативами предложений первого канцлера ФРГ. Так, Вилли Брандт, во-первых, призвал не игнорировать ГДР, во-вторых, стремился наладить конструктивный диалог с Советским Союзом и странами социалистического блока, и, в-третьих, акцентировал внимание на необходимости искупления вины за развязывание Второй мировой войны, а не стал спекулировать на теме «немецких изгнанных» ради голосов избирателей. Важно отметить, что причинами успеха политики правительства Брандта стали не только работа самого канцлера, но и изменившаяся международная ситуация: как известно, в конце 1960-х гг. начался период «разрядки», ознаменовавший снижение накала в противостоянии СССР и стран Запада.

Литература

1. Зайцев А.В. Внешняя политика ФРГ: поиска баланса между европейской интеграцией и национальными интересами / А.В. Зайцев // Вестник МГОУ: серия

- «История и политические науки». – 2012. – № 3. – С. 35–44.
2. Белов В.Б. ФРГ: восточный вектор внешней политики / В.Б. Белов // Современная Европа. – 2014. – № 2. – С. 97–102.
 3. Загорский А.В. Россия и Германия : преемственность и перемены / А.В. Загорский // ИФРИ. – 2005. – № 6(а). – С. 18–20 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ifri.org/downloads/zagorskirusse.pdf> – Загл. с экрана (Дата обращения: 11.02.2021).
 4. Зайцев А.В. Внешняя политика ФРГ: поиска баланса между европейской интеграцией и национальным интересами / А.В. Зайцев // Вестник МГОУ. – Серия «История и политические науки». – 2012. – № 3. – С. 35–44.

УДК [341.123:321.7]-028.79

*Я.Д. Сокова,
Д.М. Писаный
(г. Луганск, ЛНР)*

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННЫХ ПРОЕКТОВ ПО РЕФОРМИРОВАНИЮ ООН

Дискуссии относительно проектов реформирования Организации Объединённых Наций продолжают вполне давно. На сегодняшний день наш мир сталкивается с огромным количеством вызовов и угроз. В ситуации возрастающей конфронтации между странами и неосуществимости установить продуктивный диалог на уровне двусторонних соглашений, в мире еще остается механизм, который может создать общие подходы к разрешению большинства проблем.

Сегодня это Организация Объединённых Наций, которая является представительной площадкой для стран мира. Она была сформирована в конце Второй мировой войны, как инструмент для создания пространства международной безопасности, зафиксировав новый миропорядок.

Однако, при своей универсальности, легитимности и разносторонности ООН не наделена полномочиями мирового правительства. Она имеет международный правовой статус, и документы, принимаемые органами и комитетами, должны соблюдаться странами – членами ООН, но организация не может вмешиваться во внутреннюю политику независимых государств и реализовывает тот спектр задач, закрепленный в Уставе.

Обращая особое внимание на ее бюрократизацию и параллелизм в функциях различных структур, направлена критика в адрес Организации. Инициаторы проекта реформирования обвиняют Совет Безопасности в многочисленных внутригосударственных конфликтах, на которые опаздывает вовремя отреагировать: геноцид 1994 г. в Руанде, военные конфликты за обладание нефтяными ресурсами, интервенции на территории других государств, с целью создания охраны их населения от собственного правительства и поддержания демократического режима; вторжение США на территорию государства Ирак в 2003 г., конфликт в Южной Осетии и др. [8]. По мнению кандидата юридических наук Э.С. Кривчиковой, работа Совета Безопасности ООН не нацелена на обеспечение мирного существования государств; она направлена на защиту собственных политических интересов.

В составе проблем реформирования ООН наиболее важным и острым стоит вопрос преобразования в Совете Безопасности, принимая во внимание его полноту полномочий и легитимность, инструмент сохранения международного мира и безопасности в соответствии с Уставом. Угрозы и вызовы всеобщему миру изменились с момента создания Совета, равно как и разделение сил между членами ООН.

Тема о реформировании СБ ООН обговаривается уже долгое время. Это положение в повестке дня преобразований содержит три главных аспекта:

- 1) расширение состава государств-членов Совета Безопасности;
- 2) рабочие способы, которые применяет Совет в своей деятельности на международной арене;

3) инструмент реализации постановлений Совета.

Вопрос реформы Совета Безопасности ООН активным образом обсуждался во время подготовки «Саммита-2005», когда Генеральный секретарь Кофи Аннан выступил с докладом «При большей свободе: к развитию, безопасности и правам человека для всех». Господин Аннан сделал акцент на том, что самым взаимоприемлемым вариантом был бы следующий – даже если страны-члены ООН не смогут договориться, нельзя откладывать решение о реформе в «долгий ящик» [1].

По факту, в дискуссии в ООН самым спорным стоит вопрос касательно увеличения количества государств в СБ. В 2006 г. важным событием стало открытие Совета ООН по правам человека (ранее Комиссия по правам человека), который стал главным межправительственным органом системы ООН по развитию взаимодействия в правозащитной сфере [3].

Для разработки более приемлемой версии реформирования была утверждена Рабочая группа открытого состава, учрежденная 3 декабря 1993 г. Генеральной Ассамблеей ООН [8].

В настоящее время в деятельности Рабочей группы берут участие представители около 100 стран-членов Организации Объединенных Наций, так же пять постоянных членов Совета Безопасности. По факту, данная Рабочая группа является особой площадкой для государств, где они могут представить свое виденье относительно реформирования СБ и представить свои проекты по этому вопросу. Приверженцы расширения состава Совета утверждают, что принятым решениям пять постоянными членами даже без применения права вето, им в большинстве случаев не хватает реализма и политической решимости для осуществления действий до конца. Согласно данной позиции, более широкий состав СБ ООН содействовало бы, что решения стали бы более верными и согласованными [1].

Значительными сторонниками расширения в части постоянных и непостоянных стран-участниц являются Япония, Индия, Германия и Бразилия. Высказывание о рациональности увеличения стабильных участников аргументируется тем, что современные центры силы обязаны быть представлены в

основном органе, который отвечает за международную безопасность.

Однако такую позицию негативно воспринимают Испания, Мексика, Южная Корея, Канада и другие страны, которые уверены, что увеличение количества постоянных мест в СБ ООН оспаривает курс на демократизацию и остальным направлениям развития, значительно затрудняя для других участников международного сообщества шанс представительства в лице непостоянных стран в составе Совета. Так же против выступает Италия, которая решительно против вступления Японии и Германии в Совет Безопасности как постоянных членов. Итальянская Республика свою точку зрения обосновывает тем, что принятие государств, проигравших во Второй мировой войне, в итоге которой основывалась Организация Объединенных Наций, является не правильным шагом касательно других потерпевших поражения стран [4].

В рамках движения «Единство в интересах консенсуса» данные страны рекомендовали расширить численный состав Совбеза до 25 членов, увеличив число непостоянных членов. Срок непостоянного членства в расширенном Совете Безопасности должен составить два или три года, согласно этому проекту. Такой подход может сделать возможным равное субрегиональное представительство и предоставит более действенные методы работы Совета Безопасности.

Африканская группа государств придерживаются установленными в 2005 г. положениям «консенсуса Эзульвини» и Сиртской декларации, в соответствии с которым рекомендуется открыть два постоянных места с правом вето и дополнительно два непостоянных места для африканских стран. Вместе с тем, Сенегал и Ливия выдвигают идею об оказании Африке места постоянного члена. От Африканского Союза на стабильное членство в реформированном Совбезе требуют Египет, Сенегал, Нигерия, ЮАР. Кроме того, между 5 постоянными участниками СБ ООН нет общего представление о расширении. Страны имеют различные методы и мнения относительно разрешения вопроса, но и моральные и идеологические противоречия становятся препятствием в работе

Совета и не содействуют урегулированию международных конфликтов [6].

Иной проект реформы принадлежит США. Соединенные Штаты не придерживаются ни к рекомендации «четверки», ни к предложению «Единства в интересах консенсуса». Данный план предусматривает увеличение состава Совбеза на два постоянных и два или три непостоянных члена. США считают, что они в любом случае останутся более внушительным членом ООН, хотя бы в силу сугубо финансовых показателей. Германия не уступает Японии по многим параметрам, но не участвовала в одной из миротворческих операций – в Ираке. Именно этим объясняется нежелание США видеть Германию среди постоянных членов Совета Безопасности.

Китайская Народная Республика долгий промежуток времени не выражала открытого мнения своей позиции по поводу реформы в Совете Безопасности. Однако перед началом «Саммита-2005» КНР выдвинула основные приоритеты в данной процедуре:

- 1) невозможность временных границ для разрешения вопроса об увеличении Совета;
- 2) потребность в достижении согласия государств-участниц;
- 3) недопустимость принятия Японии [10].

Позиция Российской Федерации касательно реформы СБ ООН состояла в том, что реформирование должно быть направлено на улучшение результативности его деятельности и не должно причинять ущерб статусу 5 постоянных членов. Россия считает, что процедура развития Совета должна происходить не спеша, а «для этого необходима выработка в рамках самого Совета согласованных концептуальных основ и практических мер по сохранению и укреплению его роли как центрального органа ООН».

Самым противоречивым обсуждаемым вопросом является статус права вето, относительно которого еще нет общего решения. Идею об ограничении права вето для постоянных государств Совбеза на данный момент поддерживает 114 стран. В совершенстве право вето должно быть своеобразным регулятором, что обеспечивает

коллективный характер работы Совета Безопасности «свободного от насилия и диктата со стороны кого бы то ни было» [9].

Никакие реформы и их осуществление невозможны без создания благоприятных для этого условий, которыми являются дружественная обстановка на мировой арене, равенство всех суверенных государств в вопросах порядка определения мироустройства и, что самое важное, обеспечение жителей планеты достоверной информацией о происходящих политических процессах и нераспространение фальсификаций реальных фактов в глобальном масштабе.

Планируется, что организационная реформа ООН демократизирует Совет Безопасности за счет увеличения числа его постоянных и непостоянных членов, чтобы Совет более реалистичней откликнулся на новые вызовы, что появляются перед мировым сообществом. Но потребность реформы обусловлена не только тем, что нужно адаптировать Совет Безопасности ООН к современным событиям, укрепить и закрепить его влияние в системе международных отношений, но и тем, что его новые члены могли бы внести весомый вклад с технической, материальной и финансовой стороны. Однако есть возможная опасность, что расширение Совбеза приведет к рискованной неустойчивости сил на международной арене, а также, создаст проблемы при решении ключевых вопросов, так как небольшой состав членов Совета содействует более оперативному проведению заседаний.

Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что стремление сохранить эффективность ООН при реформировании ее структуры и Совета Безопасности как органа, на который возложена сверхзадача – сохранение и обеспечение международного мира и безопасности, – вызвано объективными причинами.

Достижение в проблеме реформирования как полностью всей системы ООН, но и Совета Безопасности может быть реализовано, если только произойдет отказ от политики двойных стандартов в ее работе и выражения политической воли у стран, ответственных беспристрастно и объективно подходить к политико-правовому анализу международных

конфликтов, и так же в общем действии на международной арене.

Литература

1. Генеральная Ассамблея ООН, Доклад Рабочей группы открытого состава по вопросу о справедливом представительстве в Совете Безопасности и расширении его членского состава и другим вопросам, связанным с Советом Безопасности, 62-я сессия (9 октября 2008). [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.undocs.org/pdf?symbol=ru/A/62/47> (SUPP) (Дата обращения: 29.03.2021)
2. Дугин А.Г. ООН уже давно не соответствует новым реалиям мира / А.Г. Дугин // Международное Евразийское Движение, 2006. – № 1. – С. 1–2.
3. Дундукова Т.А. Основные предложения и позиция постоянных членов Совета Безопасности ООН по вопросу реформирования Организации Объединенных Наций / Т.А. Дундукова. – Молодой учёный, 2016. – С. 972–979. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://moluch.ru/archive/113/29096/> (Дата обращения: 29.03.2021).
4. Заемский В.Ф. Кому нужна реформа ООН: в интересах всех и каждого / В.Ф. Заемский. – М. : МГИМО-Университет, 2011. – С. 68.
5. Заемский В.Ф. Новейшая история реформы ООН: монография / В.Ф. Заемский. – М. : МГИМО-Университет, 2008. – С. 50–51.
6. Мустафаева Н.И. Институт права вето в Совете Безопасности ООН: современное положение и перспективы реформы / Н.И. Мустафаева // Стратегический анализ. – 2015. – № 2. – С. 90–91.
7. Мустафаева Н.И. Проблемы реформирования Совета Безопасности ООН / Н.И. Мустафаева // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 10 (77). – С. 57–59.
8. Плоскова А.Б. Реформирование ООН и пересмотр ее Устава. Реформирование СБ ООН / А.Б. Плоскова. – М. : Дело, 2001. – 200 с.

9. Резолюция № A/48/L.28 ГА ООН от 3 декабря 1993 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://undocs.org/ru/A/RES/48/26> (Дата обращения: 29.03.2021).
10. Федоров В.Н. Организация Объединенных Наций, другие международные организации и их роль в XXI веке / В.Н. Федоров. – М. : Наука, 2005. – 540 с.

УДК [323:321.7:329.273](560:556)

*Д.П. Шулепова,
Д.М. Писаный
(г. Луганск, ЛНР)*

«КУРДСКИЙ ВОПРОС В КОНТЕКСТЕ «ВОЛН ДЕМОКРАТИЗАЦИИ» В ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

С момента своего возникновения курдский вопрос является одной из самых сложных национальных и международных проблем. Важнейшим фактором в формировании любой нации является образование собственного государства, через которое она сможет выражать свои фундаментальные интересы и жизненные приоритеты. Несмотря на многочисленность и автохтонность, курды лишены сегодня возможности реализации элементарных прав человека, предусмотренных международным правом. Острее всего курдская проблема стоит в Турции.

В начале XXI века в Турции полным ходом шел процесс формирования гражданского общества. Турция не без оснований претендует на роль самой демократичной, влиятельной и стабильной страны Ближнего Востока. Генералитет практически перестал оказывать влияние на политическую жизнь в стране, были сняты многие запреты и отменен ряд жестких законов, принятых в восьмидесятые годы прошлого века еще в период власти генералов. Ныне ставится вопрос о возможности существования либеральной демократической модели в условиях исламского государства. Причем теперь эта проблема должна рассматриваться в

контексте общества, где ислам, несмотря на декларируемый светский характер государства, является ценностью, распространяющей свое влияние на социальную и политическую жизнь страны, которая изъявила желание стать членом ЕС.

На заседании комиссии Европарламента 22 – 23 ноября 2004 г. в Брюсселе, посвященном проблеме турецких курдов и интеграции Турции в ЕС, были разработаны резолюция и рекомендации, приуроченные к переговорам о перспективах вступления Турции в ЕС. В резолюции было подчеркнуто, что именно курдский вопрос является главным препятствием на пути вступления Турции в ЕС в качестве полноправного демократического государства. Главная задача, поставленная перед турецким правительством комиссией, – «полная демократизация курдского вопроса в стране» [1].

Турецкая модель демократии по целому ряду признаков отличается как от западной модели, так и от новых азиатских моделей. В западных демократических странах предпочтение отдается защите и гарантии прав и свобод отдельно взятого человека как гражданина данного государства. Здесь господствующее положение занимает так называемая политическая, или гражданская, теория нации, согласно которой понятие гражданина определяется независимо от этнонациональной и расовой принадлежности, вероисповедания, социального статуса. В Турции, которая фактически является многонациональной страной, где численность курдов составляет почти 15 млн. человек, нет ни культурно-национальной, ни территориально-политической, никакой-либо иной формы автономии.

Например, депутат от основной оппозиционной Народно-республиканской партии Биргюль Айман Гюлер прямо заявил: «Вы не можете убедить мне, что турецкая нация и курдская национальность равны». В заявлении говорилось, что «курдская национальность» как политическая категория вторична по отношению к высшей категории, то есть туркам [2].

Происходящие в Турции события демонстрируют, как глубоко мировое сообщество погрязло в двойных стандартах. Защищая права всевозможных меньшинств, в то же время

игнорируются права целого народа, который десятилетиями сопротивляется политике уничтожения. Правящие круги Турции не только не стремились к справедливому решению курдской проблемы, но даже не признавали существование курдского народа в качестве этноса. Постепенно курды добились свобод: предоставления права на использование курдского языка в бытовом общении в 2002 году, легализации собственных печатных изданий, снятия запрета на теле- и радиопередачи на курдском языке, разрешения обучения курдскому языку, но только в частных школах. В 2004 г. в Стамбуле и юго-восточных городах открылись частные курсы курдского языка. Таким образом, в Турции в законодательном порядке разрешено развивать курдскую культуру. Однако легальные курдские издания встречают большие проблемы с распространением. Государство глушит программы курдских телеканалов, вещающих из-за границы. Вместе с тем, с января 2009 г. начал вещание первый государственный курдский телеканал [3]. Попытки заключить перемирие в ходе турецко-курдского конфликта предпринимались неоднократно. Однако, несмотря на провозглашенную в 2009 г. правительством Эрдогана так называемую курдскую инициативу, подразумевавшую, в первую очередь, широкое общественное обсуждение курдской проблемы в турецком обществе, дальше дискуссий и демонстративного признания культурно-лингвистических особенностей курдов, политических решений, законодательно закрепляющих их права, принято не было.

Сейчас среди турецких курдов доминирует национально-освободительное движение. Но эта инициатива занимает радикально критическую позицию по отношению к государству и не даёт явных отсылок к настоящему национализму. Зато движение предусматривает сосуществование политических сообществ на местном, муниципальном, провинциальном, региональном, национальном и транснациональном уровнях. Так появилась модель под названием «Демократический конфедерализм». Она стремится установить многоуровневую систему политических сообществ, основанную на резидентстве и космополитическом членстве [4].

В первую очередь курдская модель сознательно уклоняется от государственности. Её создатель и вдохновитель Абдулла Оджалан посвятил свою жизнь разработке альтернативы государственному турецкому национализму. Так национально-освободительные движения в Турецком и Сирийском Курдистане стремились «освободить» регион и его жителей с помощью идеологии, отвергающей государственность и национализм. Государство и демократия могут быть противоположны, но, по Оджалану, речь идет не о конфронтации, а скорее о параллельном действии. Расширение демократии могло бы ограничить государство, в результате чего был бы найден компромисс вроде установления справедливых принципов, хотя Оджалан так и не говорит, какие принципы он имеет в виду. В итоге это бы привело к увеличению возможностей для свободы и равенства [5].

Таким образом, курдский вопрос – это не вопрос сепаратизма, это признание возможности решения курдского вопроса на базе демократических процессов. По сути, первый важный шаг в этом направлении – отказ от тезиса «одна нация – одно государство».

Литература

1. Кудряшова Ю.С. Турция и Европейский Союз: история, проблемы и перспективы взаимодействия / Ю.С. Кудряшова. – М. : Институт Ближнего Востока, 2010. – 335 с.
2. Ханифи Барис. «Курдистан: управление и радикальная демократия» [Электронный ресурс] / Барис Ханифи. – Режим доступа : https://petrimazepa.com/kurdistan_upravlenie_i_radikalnaya_demokratiya. – Загл. с экрана (Дата обращения: 18.02.2021).
3. Жигалина О.И. О курдском вопросе в Турции / О.И. Жигалина // Ближний Восток и современность. – 2012. – № 45. – С. 47–58.
4. Оджалан А. Демократический конфедерализм / Оджалан Абдулла. – Международная инициатива, 2011. – 45 с.

5. Курды : демократическая автономия или социализм [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://socialist.news/read/long/kurdistan-democratic-autonomy/>. – Загл. с экрана (Дата обращения : 17.02.2021).

УДК [323: 327.8]: 321.7 (47+57)

*А.Ю. Нечаева,
Т.В. Татоли
(г. Луганск, ЛНР)*

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ТРАНЗИТ В СТРАНАХ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Демократический транзит в странах постсоветского пространства представляет собой уникальный политический процесс ввиду многопланового характера происходивших изменений, которые наблюдались не только в политической, но также и в экономической, социальной и культурной сферах. Специфика политической жизни постсоветских государств нередко характеризовалась нестабильностью институтов власти, отсутствием последовательной программы по построению демократического государства и неоднозначностью индикаторов определения степени «успешности демократии» в той или иной стране. В совокупности, все эти процессы привели ученых к осознанию необходимости дополнить первоначальную теорию. При этом традиционная схема транзита, заложенная С. Хантингтоном и его коллегами, продолжала оставаться базовой частью научного дискурса.

В конце 1990-х годов стали проявляться признаки торможения процессов «консолидации демократии» и общей неоднозначности в определении степени реальной демократичности многих переходных режимов. Произошло увеличение числа стран, которые, формально обладая демократическими институтами (система выборов, декларируемая защита прав человека), при этом сохраняют и отчетливые атрибуты авторитарных систем (давление на СМИ, отсутствие реальной политической конкуренции). Для

обозначения подобных стран политологами вводились термины «фасадной демократии», «серых зон», «виртуальной демократии».

Для установления демократических принципов, ценностей и институтов необходимы определенные условия. Нельзя не согласиться с американским политологом Д. Растоу, по мнению которого, «единственным предварительным условием» для перехода к демократии «является наличие национального единства» в стране. Состояние общества, когда национальное единство признается уже как бы на бессознательном уровне, служит исходной базой для осуществления демократических перемен. Что касается большинства, если не всех постсоветских стран, то здесь главным препятствием на пути формирования эффективной и жизнеспособной демократии является слабость социальной базы демократического транзита, проявляющаяся в неразвитости среднего класса, неструктурированности гражданского общества, отсутствии эффективной многопартийной системы при наличии множества мелких политических партий, которые не в состоянии создать реальную действительную оппозицию, мобилизовать граждан и обеспечить эффективный контроль за властными структурами [1].

Непременное условие любой демократии – это политическая свобода каждого отдельно взятого гражданина общества. Но сама политическая свобода может быть реализована лишь там, где есть реальный выбор в социальной и экономической сферах. Как показывает опыт развитых демократических стран, такой выбор возможен только в условиях рыночной экономики и политической демократии. Очевидно, что эффективно функционирующая демократия, так или иначе, связана с более или менее высоким уровнем экономического развития. Все зависит от степени развития рыночных отношений [2]. Признание неудачи плановой экономики и предпочтение рынка и демократии не должны привести к забвению того, что значения этих категорий варьируются от страны к стране. Неудача реформ Горбачева и одновременный успех экономических преобразований в ряде азиатских стран, особенно в Китае, со всей очевидностью

свидетельствуют о необоснованности тезиса, согласно которому утверждение рыночной экономики предполагает в качестве своего предварительного условия утверждение демократии. Тем не менее, нельзя не согласиться с исследователями, по мнению которых в мире все демократии основываются на рыночной экономике, в то время как нет демократии, основанной на централизованно-плановой экономике. Поэтому одна из ключевых задач, стоящих перед постсоветскими странами, – это переход к полноценной и эффективной рыночной экономике. Это говорит о том, что при переходе от тоталитарной системы к демократической речь идет о перестройке всей системы социальных, экономических, политических и идеологических отношений. Суть вопроса состоит в том, что население страны невозможно подготовить к принятию демократии в один момент. Для этого потребуется много времени и усилий, возможно, не одного, а нескольких поколений.

К началу XXI века в постсоветских странах были созданы теории, связанные с культурно-историческим своеобразием того или иного народа и обосновывавшие ту или иную форму политического развития исторической традицией, национальным менталитетом, культурным наследием. В частности, российский научный контекст породил концепты «умеренной демократии», «суверенной демократии», которые вывели современные особенности политического развития страны из ее исторического опыта. Они доказывали, что демократий может быть столько, сколько и стран, поэтому российская демократия не может повторять американскую, украинскую и т.д. В Беларуси утвердился подход, согласно которому переход от социалистической демократии к современной (суверенной в белорусском варианте) совершился. Стремление к самостоятельному освоению и пониманию демократического транзита вело к попыткам упорядочить транзитологический дискурс этих стран [3].

Проводя анализ специфических особенностей демократического транзита постсоветских стран, некоторые исследователи (в частности, М. Макфол) пришли к выводу о кардинальном отличии данного процесса от аналогичных примеров «третьей волны» демократизации в других регионах

мира. М. Макфол в своем исследовании обращает внимание на такие характерные особенности постсоветской трансформации, которые не присутствовали у других вариантов трансформации. Прежде всего, это начальный этап трансформационного периода, когда после провозглашения своего стремления к демократизации политические акторы вырабатывают пути реализации этой цели и параллельно стремятся гарантировать свои собственные интересы. М. Макфол обратил внимание на неспособность ведущих политических сил постсоветских стран достичь некоего компромиссного «пакта», устанавливающего новые правила политической жизни страны в демократическом, правовом поле. В значительной части посткоммунистических стран подобные соглашения либо с самого начала не стояли на повестке дня, либо нарушались политическими акторами, что вело к затягиванию неконструктивной борьбы за власть и ведению ее недемократическими методами.

Другой особенностью посткоммунистических стран, отмеченной М. Макфолом, являлась необходимость одновременного преобразования, как политической, так и экономической систем [1]. Кризис авторитарных режимов в постсоветских странах оказался усугублен экономической несостоятельностью модели полностью огосударственной экономики, а ее трансформация требовала эффективного привлечения значительного количества ресурсов и оперативного реагирования на кризисные явления переходного периода. В результате, если демократизирующемуся режиму не удалось в ближайшей перспективе справиться с экономическими проблемами и обеспечить рост уровня жизни населения, то это могло привести к массовому разочарованию широких слоев населения в идеях демократии. Также к особенностям постсоветских трансформаций можно отнести всплеск этнонационализма, отсутствие либо аморфность гражданского общества и т.д. При схожих стартовых условиях, особенно по части политических институтов, посткоммунистические страны пришли к самым разным итогам своей политической трансформации 1990-х годов.

Распространение демократии в мире – сложный и противоречивый процесс. В представленной работе мы

попытались охарактеризовать особенности демократического транзита в странах постсоветского пространства, выяснили, что необходимо для государств, вступивших на путь демократизации общества. Таким образом, процесс демократического транзита для постсоветских стран может идти по разным траекториям. Это может быть и консолидация по принципу либеральных демократий, и симбиоз демократических институтов с авторитарными. Исторический опыт и политическая реальность в большинстве стран постсоветского пространства показывает, что большинство из них все еще находится в промежуточной, «серой зоне».

Литература

1. Кахриманов А.М. К вопросу о демократическом транзите на постсоветском пространстве [Электронный ресурс] / А.М. Кахриманов // Власть. – Режим доступа : <https://www.isras.ru/files/File/Vlast/2013/04/Kahrimanov.pdf>. (Дата обращения: 15.02.2021 г.)
2. Кирдина С.Г. Теория институциональных матриц: в поисках новой парадигмы [Электронный ресурс] / С.Г. Кирдина // Журнал социологии и социальной антропологии. – Режим доступа : http://www.jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2001_1/Kirdina_2001_1.pdf. (Дата обращения: 11.02.2021 г.)
3. Тянь В.В. Демократический транзит: предпосылки, приоритеты, стратегии (анализ российского опыта) [Электронный ресурс] / В.В. Тянь // Теории и проблемы политических исследований. – Режим доступа : <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-politology-2017-3/15-tyan.pdf>. (Дата обращения: 09.02.2021 г.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. **Багликова Марина Сергеевна** – доцент кафедры политологии ГОУ ВО «Донецкий национальный университет», канд.ист.наук, доц. (г. Донецк, ДНР).

2. **Баранова Ирина Владимировна** – студентка бакалавриата кафедры политических наук и регионалистики ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ» (г. Луганск, ЛНР).

3. **Боровской Антон Анатольевич** – студент магистратуры кафедры политических наук и регионалистики ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ» (г. Луганск, ЛНР).

4. **Гребенкин Артем Эдуардович** – студент магистратуры кафедры всемирной истории и международных отношений ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ» (г. Луганск, ЛНР).

5. **Делянченко Виталий Николаевич** – старший преподаватель кафедры политических наук и регионалистики ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ» (г. Луганск, ЛНР).

6. **Дибас Оксана Андреевна** – доцент кафедры всемирной истории и международных отношений ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», канд.ист.наук, доц. (г. Луганск, ЛНР).

7. **Кандауров Богдан Игоревич** – старший преподаватель кафедры политических наук и регионалистики ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ» (г. Луганск, ЛНР).

8. **Ковалёва Елизавета Михайловна** – студентка бакалавриата кафедры политических наук и регионалистики ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ» (г. Луганск, ЛНР).

9. **Ковалёва Ольга Владимировна** – студентка магистратуры кафедры политических наук и регионалистики ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ» (г. Луганск, ЛНР).

10. **Коломойцева Влада Викторовна** – студентка магистратуры кафедры политологии ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», (г. Донецк, ДНР).

11. **Королёва Галина Ивановна** – доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин ГОУК ЛНР «ЛГАКИ имени М. Матусовского», канд.ист.наук, доц. (г. Луганск, ЛНР).

12. **Косинский Андрей Игоревич** – студент магистратуры кафедры политических наук и регионалистики ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ» (г. Луганск, ЛНР).

13. **Кровельщикова Сергей Сергеевич** – студент кафедры политических наук и регионалистики ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ» (г. Луганск, ЛНР).

14. **Кулида Сергей Степанович** – доцент кафедры всемирной истории и международных отношений ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», канд.юрид.наук, доц. (г. Луганск, ЛНР).

15. **Ладыга Александр Иванович** – доцент кафедры истории и педагогики ГОУ ВО ЛНР «ЛГАУ», канд.ист.наук, доц. (г. Луганск, ЛНР).

16. **Ладыга Людмила Ивановна** – доцент кафедры политических наук и регионалистики ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», канд.ист.наук, доц. (г. Луганск, ЛНР).

17. **Литвин Лилия Анатольевна** – доцент кафедры политических наук и регионалистики ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», к.полит.наук (г. Луганск, ЛНР).

18. **Милокост Любовь Сергеевна** – доцент кафедры всемирной истории и международных отношений ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», канд.ист.наук, доц. (г. Луганск, ЛНР).

19. **Михайловская Оксана Георгиевна** – и.о. заведующего кафедрой политических наук и регионалистики ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», канд.полит.наук, доц. (г. Луганск, ЛНР).

20. **Нечаева Ангелина Юрьевна** – студентка кафедры политических наук и регионалистики ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ» (г. Луганск, ЛНР).

21. **Павлюченко Яна Эдуардовна** – студентка магистратуры кафедры всемирной истории и международных отношений ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ» (г. Луганск, ЛНР).

22. **Писаный Денис Михайлович** – доцент кафедры всемирной истории и международных отношений ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», канд.ист.наук, доц. (г. Луганск, ЛНР).

23. **Пожарицкая Анна Александровна** – студентка магистратуры кафедры всемирной истории и международных отношений ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ» (г. Луганск, ЛНР).

24. **Проскурина Елена Александровна** – профессор кафедры государственной политики ГОУ ВО ЛНР «ЛГУ имени Владимира Даля», д-р полит.наук, проф. (г. Луганск, ЛНР).

25. **Прошин Дмитрий Геннадьевич** – студент магистратуры кафедры всемирной истории и международных отношений ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ» (г. Луганск, ЛНР).

26. **Саидов Давид Шамилевич** – студент бакалавриата факультета международных отношений и зарубежного регионоведения Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва, Россия).

27. **Сальников Вячеслав Иванович** – доцент кафедры международных отношений и мировой политики ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», канд.ист.наук, доц. (г. Воронеж, РФ).

28. **Сидорова Надежда Сергеевна** – студентка бакалавриата кафедры правовых дисциплин ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого».

29. **Сокова Яна Дмитриевна** – студентка магистратуры кафедры всемирной истории и международных отношений ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ» (г. Луганск, ЛНР).

30. **Татоли Татьяна Викторовна** – доцент кафедры политических наук и регионалистики ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», канд.ист.наук, доц. (г. Луганск, ЛНР).

31. **Хахалева Юлия Романовна** – студентка магистратуры кафедры политологии ГОУ ВПО «Донецкого национального университета» (г. Донецк, ДНР).

32. **Черкасова Анна Александровна** – студентка магистратуры кафедры всемирной истории и международных отношений ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ» (г. Луганск, ЛНР).

33. **Шулепова Дарья Павловна** – студентка магистратуры кафедры всемирной истории и международных отношений ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ» (г. Луганск, ЛНР).

34. **Эскузян Артур Алексеевич** – студент магистратуры кафедры политических наук и регионалистики ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ» (г. Луганск, ЛНР).

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ В ГОСУДАРСТВАХ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО
ТРАНЗИТА**

Материалы Открытой заочной интернет-конференции

(г. Луганск, 18 марта 2021 года)

Редакционная коллегия оставляет за собой право технического и стилистического редактирования статей. Авторы несут полную ответственность за содержание статьи.

Редакционная коллегия не всегда разделяет мнение авторов.

Редактор – О.Г. Михайловская
Верстка – Б.И. Кандауров

Подписано в печать 16.11.2021.

Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Печать лазерная. Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 11,16.

Тираж 100 экз. Заказ № 109.

Издатель

**ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
«Книга»**

ул. Оборонная, 2, г. Луганск, 91011. Т/ф: (0642) 58-03-20.
e-mail: knitaizd@mail.ru

**Издательство «Ноулидж»
(ФЛП «Лазарев А.И.)**

Свидетельство о регистрации № 11-0015382 от 26.07.2016

Адрес: 91000, г. Луганск, ул. Ватутина, д. 91, кв. 75.

Тел. +38(050) 475-35-13, email: nickvnu@mail.com